

С. И. Уманецъ.

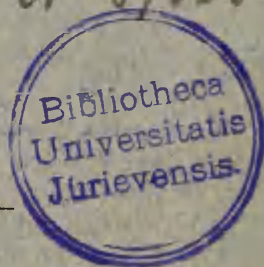
Воспоминанія
о князѣ С. В. ШАХОВСКОМЪ
И
БАЛТИЙСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ ревельской старины.
Замокъ Фалль подъ Ревелемъ.
Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи.
Эстонскіе полувѣрцы.
Изъ эстонскихъ сагъ.
Латышская этнографическая выставка въ Ригѣ.

Съ портретомъ кн. С. В. Шаховского и двѣнадцатью рисунками.

Изданіе

П. А. Картавова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Штаба Отд. Корп. Жанд. Пантелеймоновская, № 9.

1899.

С. И. Уманецъ.

Воспоминанія

О КНЯЗѢ С. В. ШАХОВСКОМЪ

И

БАЛТИЙСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ ревельской старины.

Замокъ Фалль подъ Ревелемъ.

Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи.

Эстонскіе полуверцы.

Изъ эстонскихъ сагъ.

Латышская этнографическая выставка въ Ригѣ.

Съ портретомъ кн. С. В. Шаховского и двѣнадцатью рисунками.

Изданіе П. А. Картавова.

№ 87323

Bibliotheca
Universitatis
Jurievensis.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр афія Штаба Отд. Корп. Жанд. Пантелеймоновск., № 9.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 31-го Октября 1898 г.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящіе очерки были напечатаны ранѣе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1896—1898 гг., за исключеніемъ статьи объ эстонскихъ сагахъ и описанія замка Фалль, подѣ Ревелемъ: первая появилась въ несуществующемъ уже нынѣ журналѣ «Новое Слово», при первой его редакціи, въ маѣ 1894 г., а второе—въ «Ревельскихъ Извѣстіяхъ», въ томъ же году. Что касается моихъ воспоминаній о князѣ С. В. Шаховскомъ, то они печатаются здѣсь *впервые* и вообще являются одною изъ *первыхъ* попытокъ дать обществу правдивый и не искаженный предубѣжденіями и личными вкусами портретъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей балтійскаго края. Окраинный вопросъ снова теперь выступаетъ на очередь, а знаменательная рѣчь новаго финляндскаго генералъ-губернатора, произнесенная имъ въ Гельсингфорсѣ, при вступленіи въ должность, воочію показываетъ намъ, что общія начала окраинной политики, которыхъ придерживался покойный кн. С. В. Шаховской, снова выступаютъ на арену дѣйствія и пріобрѣтаютъ довлѣющее значеніе...

Приложенный къ сборнику портретъ князя С. В. Шаховскаго сдѣланъ съ *последней* фотографіи покойнаго, снятой имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти.

С. Уманецъ.

Richard S. Lee

Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ.

Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ,*
Но съ благодарностію: *были!...*

В. Жуковский.

Жертвъ волненья жизни просятъ,
Словно водъ морскихъ громады!
Сильныхъ волны вверхъ выносятъ,
Слабыхъ—топятъ безъ пощады!

Адамъ Мицкевичъ.

Я познакомился съ бывшимъ эстляндскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Владимировичемъ Шаховскимъ, въ апрѣлѣ 1893 года.

Я хотѣлъ въ то время совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ началъ службу, и пожить въ провинціи, послужить въ обстановкѣ болѣе близкой къ дѣйствительной жизни съ ея неотложными нуждами и насущными вопросами, чѣмъ та, при которой приходится работать въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ Петербурга, представляющихъ собою своего рода Олимпъ, до котораго не всегда доходитъ настоящая русская жизнь, будничная и ни чѣмъ не прикрашенная.

При посредствѣ одного моего добраго знакомаго, давно меня знавшаго и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ С. В. и княгиней Е. Д. Шаховскими, мнѣ совершенно неожиданно представилась возможность получить мѣсто въ балтійскомъ краѣ, а именно въ Ревелѣ.

Я съ восторгомъ схватился за это: состоять на службѣ при такомъ недюжинномъ русскомъ государственномъ дѣятелѣ Остзейскаго края, какимъ былъ покойный князь С. В. Шаховской, было, разумѣется въ высшей степени и лестно и заманчиво, такъ какъ давало возможность лично соприкоснуться съ этимъ выдающимся и талантливымъ русскимъ администраторомъ на нашей полурусской окраинѣ и сразу, такъ сказать,

окунуться въ кипучую дѣятельность, которая царила тогда въ Ревель, благодаря свойствамъ личности и характера самого начальника края.

Первое мое свиданіе съ княземъ С. В. произошло, какъ я уже упомянулъ, въ апрѣлѣ 1893 г., въ квартирѣ младшаго брата князя С. В.,—князя Николая Владимировича Шаховского, нынѣ благополучно здравствующаго и бывшаго тогда чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Князь С. В. пріѣхалъ тогда изъ Ревеля лишь на нѣсколько дней по какому-то дѣлу (кажется для участія въ какихъ-то совѣщаніяхъ, касающихся балтійскаго края) и остановился, какъ ежегодно это дѣлалъ, пріѣзжая въ Петербургъ, у своего брата, жившаго въ описываемое время въ домѣ Жербина, на Михайловской площади.

Я явился къ князю рано утромъ, чтобы навѣрно застать дома, и чуть не опоздалъ. Я нашелъ князя уже совсѣмъ готовымъ къ выѣзду: онъ былъ въ вицмундирѣ и собирался ѣхать къ товарищу министра. Князь С. В. былъ высокаго роста, широкоплечій и довольно полный блондинъ съ умными и добрыми сѣрыми, съ синимъ отливомъ, глазами и красивой окладистой бородой, которую онъ расчесывалъ на двѣ половины, что чрезвычайно шло къ его благообразному лицу чисто славянскаго типа. Голосъ у князя былъ удивительно пріятный—это былъ басъ съ бархатными нотоми и ласкавшими слухъ переливами. Внѣшность князя сразу располагала въ его пользу и вы, съ первой же минуты знакомства съ этимъ симпатичнымъ человѣкомъ, чувствовали себя въ числѣ его друзей.

Князь встрѣтилъ меня съ той обходительностью, любезностью и добродушіемъ, какими всегда отличалось его обращеніе съ людьми, имѣвшими до него нужду, и извинился, что на этотъ разъ можетъ принять меня лишь на самое короткое время. Онъ, однако, распросилъ меня довольно подробно о моей предыдущей службѣ и выразилъ удовольствіе, что я окончилъ курсъ въ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, въ Москвѣ:

— Люди съ русскимъ направленіемъ, чисто русскимъ образомъ мыслей намъ очень нужны въ нашемъ краѣ, сказалъ князь, и я отъ души радъ вашему желанію послужить у насъ...

Черезъ день или два я снова былъ у князя С. В. и такъ же, какъ и въ первый разъ, рано утромъ.

Я засталъ князя уже за работой. Онъ просматривалъ

какія-то бумаги и исправлялъ текстъ какой-то записки. Князь никуда на этотъ разъ не торопился и мы могли переговорить болѣе обстоятельно. Я упомянулъ, между прочимъ, не припомню теперь по какому именно случаю, что интересуюсь вообще сектантскимъ движеніемъ.

— У насъ прспасть сектантовъ, сказалъ князь, — если вы ими интересуетесь, у васъ будетъ богатый матерьялъ подъ рукою. — Знаете что, прибавилъ онъ, помолчавъ, — я исправляю теперь большую записку о лютеранскомъ сектанствѣ въ Эстляндіи, которая должна подробно ознакомить наши высшія сферы съ положеніемъ этого дѣла у меня въ губерніи. Записка эта составлялась, къ сожалѣнію разными лицами, въ довольно продолжительный промежутокъ времени, и слогъ ея неодинаковъ и мѣстами значительно хромаетъ... Я бы попросилъ васъ, какъ будущаго моего чиновника, теперь же внимательно просмотрѣть всю эту работу, выправить стиль, прибавить что нибудь отъ себя... Вы ничего не имѣете противъ?

Конечно, я съ полной готовностью исполнилъ это первое служебное порученіе, полученное мною отъ князя С. В., и сдѣлавъ то, что онъ просилъ меня, въ наискорѣйшее время, работая съ лихорадочной поспѣшностью по дѣльнымъ днямъ. Предъ возвращеніемъ князя въ Ревель я уже представилъ ему вышеупомянутую записку въ совсѣмъ исправленномъ видѣ. Поработать надъ ней пришлось гораздо болѣе, чѣмъ я сначала предполагалъ, но я былъ, тѣмъ не менѣе, очень доволенъ этимъ порученіемъ, такъ какъ сразу ознакомился съ религіознымъ движеніемъ въ Эстляндіи, послужившимъ впоследствии содержаніемъ моей статьи, составленной во время пребыванія въ Ревелѣ *).

При прощаніи князь С. В. обѣщалъ мнѣ увѣдомить меня, когда долженъ я пріѣхать въ Ревель, такъ какъ назначеніе меня на службу въ Ревель, сопряжено было съ нѣкоторой, проектируемой княземъ комбинаціей въ личномъ составѣ мѣстныхъ служащихъ, имѣвшей состояться въ началѣ лѣта.

Прошелъ, однако, іюнь, наступилъ и іюль, а я все еще не получалъ ожидаемаго извѣщенія. Я написалъ князю въ Крымъ, въ Симеизъ, гдѣ въ то время князь съ супругой проводилъ отпускъ, въ имѣніи своего тестя, графа Д. А. Милютина, нынѣ фельдмаршала, бывшаго военнаго министра при

*) См. помѣщенный ниже очеркъ «Изъ исторіи лютеранскаго сектанства въ Эстляндіи».

императоръ Александръ II. На письмо мое не послѣдовало отвѣта. Это меня встревожило и въ исходѣ іюля я, узнавъ, что князь уже возвратился изъ отпуска, поѣхалъ въ Ревель, чтобы лично узнать о положеніи своего дѣла.

Князь проживалъ въ Екатериненталѣ, на дачѣ, близъ Ревеля. Начальникъ губерніи занималъ всю правую половину бель-этажа Екатеринентальскаго дворца, выстроеннаго нѣкогда Петромъ Великимъ среди густого парка, на берегу моря, насажденнаго также волею этого монарха *).

— Я не получилъ вашего письма, сказалъ мнѣ князь, выйдя ко мнѣ въ залъ съ крытой веранды, выходившей въ садъ.— Или письмо ваше затерялось или я его куда нибудь самъ положилъ, а потомъ забылъ. Вы прекрасно сдѣлали, что пріѣхали сюда сами! Мы переговоримъ за завтракомъ; теперь я очень занятъ... Подождите меня немножко на балконѣ.

Я вошелъ на балконъ, расположенный надъ порталомъ дворца. Предъ мною раскрылся прелестный видъ на тѣнистыя аллеи столѣтняго парка. Былъ жаркій лѣтній день. Небо было безоблачно. За завтракомъ, къ которому вышла изъ своихъ апартаментовъ супруга князя, княгиня Е. Д. Шаховская, я встрѣтилъ двухъ чиновниковъ мѣстной администраціи, старшую сестру милосердія мѣстной общины сестеръ милосердія Краснаго Креста и еще одну даму. Разговоръ, какъ и всегда, когда имъ руководилъ князь, былъ оживленный, непринужденный, веселый. Князь, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что предназначенная имъ для меня вакансія еще не освободилась, и предложилъ занять временно другое мѣсто, на что я и согласился.

Къ концу завтрака, за кофеемъ, князь сталъ торопиться— ему надобно было ѣхать на засѣданье губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

— А вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, сейчасъ-же поѣзжайте къ правителю моей канцеляріи и подайте прошеніе. Все будетъ сдѣлано въ нѣсколько дней...

Князь любилъ дѣйствовать быстро, сразу, безъ излишнихъ, вредящихъ дѣлу, проволочекъ.

Черезъ какія-нибудь двѣ недѣли я, въ половинѣ августа, уже перебрался съ семьей на жительство въ Ревель и вступилъ въ исправленіе своихъ новыхъ обязанностей.

По пріѣздѣ я почти никого не засталъ въ Ревелѣ. Всѣ, съ княземъ и княгиней Шаховскими во главѣ, уѣхали въ

*) См. ниже «Изъ Ревельской старины».

Пюхтицу, въ Успенскій женскій монастырь, гдѣ 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, должно было въ тотъ годъ происходить какое-то церковное торжество, кажется поднятіе новыхъ колоколовъ на монастырскую церковь.

Кто изъ бывшихъ или служившихъ въ Эстляндіи не слыхалъ о Пюхтицѣ или не побывалъ самъ въ этомъ достопримѣчательномъ мѣстѣ, недалеко отъ Ревеля, вблизи станціи Левве, Везенбергскаго уѣзда?

Въ шестнадцати верстахъ на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, на границѣ Псковской и Петербургской губерній, возвышается тремя уступами холмъ, называемый мѣстнымъ населеніемъ «Богородицкой горою», а вся мѣстность окрестъ носить названіе «Пюхтица», что поэстонски значитъ «святое мѣсто». У подножія горы расположены деревушки Лехтепе и Сомпе, или «Пюхтица», и нѣсколько отдѣльных крестьянскихъ дворовъ. Населеніе этихъ деревень состоитъ частью изъ чисто русскихъ крестьянъ, а частью изъ такъ называемыхъ «полувѣрцевъ»*), — олютеранившихся русскихъ поселенцевъ, не утратившихъ, однако, окончательно приверженности къ своей прежней вѣрѣ, т. е. православію.

Разселяясь по пюхтицкому краю, православные русскіе издавна терпѣли здѣсь всяческія притѣсненія отъ нѣмецкихъ насельниковъ, искони стремившихся сначала обратить занесенную сюда судьбою горсть русскихъ людей въ латинство, а затѣмъ въ лютеранство. Результатомъ этой борьбы и явились «полувѣрцы», — русскіе, принявшіе поневолѣ навязанное имъ силою лютеранство, но во многомъ оставшіеся вѣрными православію.

Посѣщая кирку, они чтуть въ то-же время иконы православнаго письма, соблюдаютъ посты и обряды нашей церкви, примѣшивая русскія слова къ эстонской рѣчи, а въ домашнемъ быту употребляютъ русскій языкъ и придерживаются исконнымъ русскимъ обычаемъ.

Краснорѣчиво говорящимъ за себя памятникомъ господствовавшаго здѣсь нѣкогда православія является пюхтицкая Успенская часовня на нижнемъ уступѣ Богородицкой горы, существующая здѣсь съ незапамятныхъ временъ и выстроенная вслѣдствіе обрѣтенія, у протекающаго вблизи источника, иконы Успенія Божіей Матери. Въ этой часовнѣ мѣстные

*) Подробности о «полувѣрцахъ» читатели найдутъ ниже въ статьѣ «Эстонскіе полувѣрцы».

православные крестьяне совершали ежегодно, въ Успеневъ день, торжественное богослуженіе.

Съ устройствомъ, въ 1818 г., въ отстоящемъ въ 25 верстахъ отъ Пюхтицы, селѣ Сыренцѣ православнаго прихода, икона была перенесена туда, и только однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, она снова водворяется на нѣкоторое время, съ крестнымъ ходомъ, въ часовню. Часовня эта, иждивеніемъ и трудами окрестныхъ православныхъ, постоянно поддерживалась и ремонтировалась, а въ восьмидесятихъ годахъ была выстроена, также на добротныя жертвованія, новая часовня, рядомъ съ прежней, и обращена, въ 1885 г., въ православный храмъ во имя Успенія Божіей Матери.

Эти постоянныя заботы мѣстнаго населенія о пюхтицкой часовнѣ вызвали основаніе въ Пюхтицѣ, въ 1885 г., самостоятельнаго православнаго прихода.

Съ этого-же именно времени на Пюхтицу стали обращать серьезное вниманіе и люди, которымъ дороги задачи и завѣты русской народности и православія въ балтійскомъ краѣ.

Въ 1887 году, по мысли князя С. В. Шаховскаго, въ м. Іевве, расположенномъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Пюхтицы, учреждено было отдѣленіе православнаго прибалтійскаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, подъ предсѣдательствомъ супруги князя С. В., — княгини Елизаветы Дмитриевны Шаховской.

Ближайшею своею задачею вновь возникшее братство поставило, на первое время, призрѣніе и воспитаніе мѣстныхъ сиротъ православнаго исповѣданія, а также оказаніе медицинской помощи сельскому населенію, безъ различія исповѣданій, посредствомъ устройства пріютовъ и лѣчебницъ, по возможности, съ постоянными кроватями.

Въ первый же годъ своего существованія братство открыло въ м. Іевве школу, а въ 1888 г. устроило тамъ лѣчебницу съ аптекой, пріемнымъ покоемъ и двумя комнатами для помѣщенія амбулаторныхъ больныхъ. Затѣмъ, въ теченіе 1889 и 1890 г., въ Іевве были открыты пріютъ для православныхъ сиротъ и рукодѣльная для приходящихъ ученицъ, безъ различія вѣроисповѣданія, а также сформированъ церковный хоръ и положено начало школѣ иконописи.

Все это было, однако, лишь одной подготовительной работой. Главною своею и священною цѣлью учрежденное трудами князя и княгини Шаховскихъ братство полагало устрой-

ство женской обители на Богородицкой горѣ, въ Пюхтицѣ, куда современемъ могли бы быть перенесены и всѣ вновь открытыя въ Іевве благотворительныя учрежденія.

Благодаря упорной и неослабной энергіи князя С. В. Шаховскаго, вся Богородицкая гора была изъята изъ рукъ иновѣрцевъ и стала собственностью православнаго духовнаго вѣдомства. По всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, 29-го апрѣля 1891 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Богородицкой горы въ полное и исключительное владѣніе православной церкви.

Этотъ важный шагъ въ дѣлѣ упроченія православія въ пюхтицкомъ краѣ, начавшемъ, подъ гнетомъ злой судьбы, терять свой прежній православный обликъ, открылъ іеввенскому братству возможность осуществить свое намѣреніе устроить на Богородицкой горѣ женскій монастырь съ благотворительными при немъ учрежденіями. По ходатайству мѣстнаго преосвященнаго, Св. Синодомъ разрѣшено было учредить на Богородицкой горѣ Пюхтицкую Успенскую женскую общину, открытіе которой и состоялось 15-го августа 1891 года. Къ этому дню заботами княгини Е. Д. Шаховской былъ оконченъ новый деревянный домъ на Богородицкой горѣ, для помѣщенія сестеръ. Въ тотъ же знаменательный для жизни Пюхтицкаго края день община была осчастливлена Монаршей милостью — пожалованіемъ въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III богатыхъ священническихъ облаченій въ пюхтицкую церковь.

Для упроченія Пюхтицкой женской общины Іеввенское братство приобрѣло для нея два сосѣднихъ съ Богородицкой горой земельныхъ участка, съ полнымъ хозяйствомъ и инвентаремъ, и приступило къ устройству храма. Для этой цѣли братство рѣшило воспользоваться недостроеннымъ зданіемъ кирки, возводимой было въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ упомянутой выше православной часовни. Это зданіе и было обращено въ соборный храмъ общины...

Отчего-же кирка осталась недостроенной? Постройка на одномъ изъ уступовъ Богородицкой горы лютеранской кирки шла до 1885 г. безостановочно и вполне успѣшно. Ее возводили мѣстные радѣтели лютеранства *), не желая отказаться отъ Пюхтицы, гдѣ все еще теплилась искорка право-

*) См. «Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи».

славія... Къ августу 1885 г. кирка была подведена уже подъ крышу, а на 15-е число того-же мѣсяца было назначено ея торжественное освященіе.

Не будь тогда эстляндскимъ губернаторомъ князя Сергѣя Владиміровича, кирка возвышалась бы нынѣ на Богородицкой горѣ, служа оплотомъ враждебныхъ намъ въ Пюхтицкомъ краѣ элементовъ и опорнымъ пунктомъ лютеранства, начавшаго было съ такимъ успѣхомъ вытѣснять съ Пюхтицы исконную православную вѣру ея поселенцевъ.

Но Господь судилъ иначе. Наканунѣ Успеньева дня, 14-го августа 1885 г., въ 6 часовъ вечера въ православной пюхтицкой часовнѣ началось всенощное бдѣніе, а въ строившейся вблизи киркѣ рабочіе, почти сплошь православные, торопливо складывали инструменты и, набожно крестясь, направлялись въ часовню, ко всенощной.

Они уже не возвратились болѣе къ своимъ работамъ на постройку лютеранскаго храма: она была навсегда пріостановлена и съ этого историческаго момента дальнѣйшая судьба православія въ пюхтицкомъ краѣ могла считаться обезпеченной!

Община все болѣе и болѣе расширяла свою дѣятельность. Въ 1891 году при общинѣ открытъ пріютъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, а въ слѣдующемъ году начался пріемъ больныхъ въ устроенной при общинѣ лѣчебницѣ.

Въ виду быстрого возникновенія при общинѣ помянутыхъ благотворительныхъ учреждений, она, несмотря на кратковременное свое существованіе, сразу пріобрѣла къ себѣ уваженіе не только среди мѣстныхъ православныхъ, но даже и пновѣрцевъ. Приливъ богомольцевъ на Богородицкую, или Святую, гору сталъ день ото дня возрастать, и это послужило поводомъ къ возбужденію Іеввенскимъ братствомъ, съ княгиней Е. Д. Шаховской во главѣ, новаго ходатайства о преобразованіи общины въ монастырь, что и было уважено Св. Синодомъ. Пюхтицкая Успенская женская община, по опредѣленію Св. Синода, отъ 23-го октября 1893 г., была преобразована въ монастырь.

Такова, въ краткихъ чертахъ, знаменательная исторія Пюхтицы, неразрывно связанной съ незабвеннымъ именемъ кн. С. В. Шаховскаго, *буквально спасшаго ее для православія и русской народности.*

Въ двадцатыхъ числахъ августа князь С. В. съ княгиней Елизаветой Дмитріевной, чины администраціи и мѣстные представители разныхъ вѣдомствъ возвратились изъ Пюхтицкаго

монастыря въ Ревель и я представился моему новому начальнику.

Князь принялъ меня въ своемъ маленькомъ, примыкающемъ къ губернаторской канцеляріи рабочемъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ доклады и ближайшихъ по службѣ лицъ, расположенномъ рядомъ съ большимъ своимъ кабинетомъ, красивой, высокой и свѣтлой комнатой, окнами на внутренній дворъ. Рядомъ была пріемная, выходившая въ просторную столовую.

Князь занималъ обширное помѣщеніе въ верхнемъ отдѣленіи стараго замка, на Вышгородѣ, помнящаго отдаленныя времена балтійскаго рыцарства, эпоху процвѣтанія Ордена и тяжелые дни датскаго и шведскаго владычества. Историческій эстляндскій замокъ давно перемѣнилъ свою прежнюю средне-вѣковую фізіономію, будучи перестроенъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Теперь онъ носитъ казарменный видъ. Остались лишь прежнія, такъ много на своемъ вѣку видѣвшія и претерпѣвшія незыблемыя стѣны необъятной толщины, да живописная «башня Германа», стоящая въ лѣвомъ углу двора замка и издали красиво выдѣляющаяся своимъ темнымъ контуромъ, какъ тѣнь сѣдой, полулегендарной старины..

— Вамъ, сказалъ мнѣ князь, привыкшему къ строгому формализму и нѣкоторому равнодушію къ работѣ, что замѣчается въ Петербургѣ, будетъ на первый разъ у насъ странно: мы тутъ живемъ нервнѣе, чѣмъ въ столицѣ, а дѣло наше такое живое, такое иногда захватывающее, что иной разъ и нельзя даже его по шаблону дѣлать.. Вотъ вы сами увидите и, главное, — не теряйтесь, — если что очень нужно, спросите у меня... Постепенно вы втянетесь и поймете, что иначе здѣсь невозможно работать... Вы пріѣхали къ намъ на исходѣ нашего дѣла: почти все, что надо было сдѣлать, слава Богу, сдѣлано, а что прежде было!... Боже мой, сколько всякихъ волненій и борьбы пришлось переѣсти! А кстати — займитесь-ка мѣстными постановленіями: у насъ тутъ свой особый міръ во всемъ, и въ складѣ жизни, и въ обычаяхъ, и во вкусахъ, и въ запахахъ!

Энергія въ работѣ безъ откладыванія «въ долгій ящикъ» была отличительной, субъективной чертой князя, умѣвшаго при этомъ съ удивительной вѣрностью сразу различать, что въ дѣлѣ существенно важно и что неважно, за что надо приняться поскорѣе и что можетъ подождать. Эту-же энергію, скорость и готовность къ работѣ князь умѣлъ вселять и въ

окружавших его лицъ, которыхъ вдохновлялъ собственнымъ примѣромъ, работая почти безъ передышки весь день. Вставая очень рано, князь занимался и принималъ просителей до завтрака, затѣмъ уѣзжалъ по дѣламъ или предсѣдательствовалъ въ очередныхъ засѣданіяхъ, гдѣ всегда являлся вполне хозяиномъ своего дѣла, такъ какъ постоянно въ совершенствѣ зналъ разсматриваемые вопросы и всю предыдущую по нимъ переписку и умѣлъ вести пренія такъ, что все нужное выступало наружу, не давая разыгрываться вредящему дѣлу словоговоренію.

Передъ обѣдомъ (въ 6 — 7 часовъ) князь обыкновенно спалъ часъ или полтора, а послѣ обѣда опять занимался, читалъ, просматривалъ, велъ дѣловыя бесѣды, но уже никогда не подписывалъ бумагъ рѣшающаго и серьезнаго значенія.

— Я это дѣлаю непременно утромъ, говорилъ онъ, со свѣжей головой и вполне отдохнувши... «Злобы дня» иногда затемняютъ мысль и направляютъ рѣшенія не на должный путь. Утромъ же, до всякихъ встрѣчъ, впечатлѣній и разговоровъ, все какъ-то яснѣе, проще, виднѣе.

Подписывая по утрамъ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, бумаги, по канцеляріи и губернскому правленію, князь всегда знакомился со всей перепиской по тому или иному дѣлу, и поэтому настолько хорошо зналъ положеніе каждаго вопроса, что зачастую могъ въ этомъ отношеніи поспорить съ любымъ изъ своихъ совѣтниковъ и дѣлопроизводителей. Въ бытность мою въ Ревелѣ князь не разъ указывалъ своимъ чиновникамъ на ошибки въ дѣлопроизводствѣ, незамѣченныя лицами, близко стоявшими къ дѣлу, но не укрывшіяся отъ зоркаго наблюденія образцоваго начальника губерніи.

По вечерамъ князь любилъ иногда поиграть въ карты у знакомыхъ или въ русскомъ общественномъ собраніи.

Это собраніе находилось въ описываемое время въ наемной квартирѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ на Серебряной ул. (по мѣстному названію Schimide-Strasze), близъ Вышгорода, и нельзя сказать, чтобы оно помѣщалось удобно. Въ квартирѣ, занимаемой русскимъ клубомъ, хотя и весьма обширной, было множество неудобствъ: она была холодная, сыроватая, грязноватая, съ вѣчными сквозняками и окнами, отъ которыхъ дуло, какъ изъ погребка. Потребность для клуба въ другомъ, болѣе изящномъ, уютномъ и соответствующемъ помѣщеніи сказывалась уже давно, и князя не покидала мысль о возможности соорудить особый домъ для русскаго общественнаго собранія въ Ревелѣ.

— Намъ непремѣнно нужно имѣть свой домъ, говариваль князь, такъ какъ русское собраніе на балтійской окраинѣ далеко не одно только развлеченіе, не одно только мѣсто, гдѣ можно потанцовать и поиграть въ карты: оно должно быть, какъ центромъ единенія для самихъ русскихъ, такъ и почвой сближенія русскихъ элементовъ съ мѣстными... А по этому русское общественное собраніе должно быть вполне достойнымъ этой серьезной цѣли и имѣть свой собственный уголокъ, а не ютиться по какимъ-то чужимъ квартирамъ!

Русское общественное собраніе въ Ревелѣ, вызванное къ жизни, въ 1888 году, личной инициативой князя С. В., было ему всегда очень дорого, такъ какъ онъ дѣлалъ мечту о возможности единенія, на почвѣ русскаго клуба, благомыслящихъ нѣмецкихъ элементовъ края съ русскимъ обществомъ путемъ постоянного взаимнаго ихъ сближенія и ознакомленія мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ съ произведеніями русскаго искусства, русской музыки и русской литературы.

Постройкой собственнаго дома для русскаго собранія князь хотѣлъ окончательно поставить его на ноги и дать возможность продолжать свое дальнѣйшее существованіе безъ правительственной субсидіи, получаемой собраніемъ съ 1891 г.

Проектъ князя о возведеніи для русскаго клуба собственнаго каменнаго дома осуществился, но начальнику губерніи не суждено было увидѣть этого дома собственными глазами: освященіе закладки зданія русскаго собранія въ Ревелѣ совершилось 10 іюня 1894 года, а 12 октября того-же года князя С. В. не стало... Что-же касается мечты князя о возможности сдѣлать русскій клубъ въ Ревелѣ центромъ сближенія русскихъ края съ мѣстными элементами, то мечта эта такъ все время и оставалась мечтой и только! Русское собраніе въ Ревелѣ въ мое время всегда пустовало, такъ какъ въ самомъ мѣстномъ русскомъ обществѣ не было общественности. Можно-ли было поэтому ожидать какого-либо нравственнаго воздѣйствія со стороны русскаго собранія на мѣстное нѣмецкое культурное общество, имѣвшее массу фрейновъ и кружковъ, когда сами же русскіе почти не заглядывали въ свое собраніе, а если и шли туда, то только для того, чтобы „повинтить“ или поиграть на билліардѣ? Это съ одной стороны. Съ другой — окружавшія покойнаго начальника губерніи лица, его, такъ сказать, ближайшіе помощники, не хотѣли, или, вѣрнѣе, не умѣли, добиться этого единенія, что было-бы въ высшей степени желательно и крайне полезно для края. Они,

къ сожалѣнію, недостаточно ясно сознавали разумныя задачи обрусенія и видѣли способы осуществленія благой цѣли въ слишкомъ рѣзкомъ натискѣ и ненужномъ давленіи. Явившись въ Эстляндскую губернію съ лучшими намѣреніями, полными миролюбивыхъ замысловъ, князь, благодаря вышесказанному, помимо воли, приобрѣлъ репутаціи „фанатика“, неуживчиваго, неуступчиваго, идущаго „на проломъ“, чего на самомъ дѣлѣ не было вовсе и что ему было навязано окружающими его лицами. Мы еще вернемся къ этому впоследствии.

Двѣ недѣли спустя по прибытіи моемъ въ Ревель я былъ свидѣтелемъ знаменательнаго торжества, навсегда оставшагося памятнымъ ревельцамъ: 30-го августа, въ день тезоименитства почившаго Государя Императора Александра III-го, совершенно было на Вышгородѣ, на площади предъ замкомъ, торжественное освященіе мѣста будущаго соборнаго храма въ Ревелѣ.

Мысль о построеніи въ Ревелѣ обширнаго собора, въ центральной части города, который бы могъ вполне замѣнить недостаточно вмѣстительную и стоящую въ узкомъ переулкѣ теперешнюю соборную Преображенскую церковь въ Ревелѣ, бывшую нѣкогда католическимъ храмомъ Михайловскаго монастыря, а затѣмъ лютеранскою церковью шведскаго гарнизона, давно поглощала князя С. В. Шаховскаго.

Соборнымъ православнымъ храмомъ на Вышгородѣ, этомъ нѣкогда крѣпкомъ оплотѣ иноземнаго владычества въ краѣ, князь желалъ какъ бы окончательно закрѣпить побѣду православія и русской государственности, доставшуюся Эстляндіи дорогою цѣной неустанной борьбы во имя обрусительныхъ реформъ, введенныхъ въ балтійскомъ краѣ въ минувшее царствованіе. На постройку ревельскаго собора была открыта повсемѣстная въ Россіи подписка, благодаря которой и получила возможность приступить къ работамъ по сооруженію соборнаго храма на Вышгородскомъ холмѣ.

— Когда стало рѣшено ппостроить соборъ на Вышгородѣ, говорилъ князь, мѣстные нѣмцы серьезно и глубоко огорчились: православная идея какъ бы проникла, наконецъ, въ самую твердыню лютеранства! Становясь на ихъ точку зрѣнія, я ихъ вполне, глубоко понимаю, но такъ должно быть и съ этимъ надо примириться...

30-го августа 1893 года погода стояла дивная. Въ 10 час. началась литургія въ Преображенскомъ соборѣ, которую совершалъ мѣстный архіепископъ. Въ 1 ч. 10 мин. кончилась литургія и двинулся изъ собора крестный ходъ съ чудотвор-

ной Пюхтицкой иконой, привезенной въ Ревель изъ Успенской обители игуменіей въ сопровожденіи двухъ инокинъ. Отъ каждой ревельской церкви были; фонарь, крестъ, хоругви и иконы, несомыя церковными старостами и членами приходскихъ попечительствъ. Пюхтицкую икону по очереди несли два священника, а около иконы шла игуменія съ двумя послушницами. Въ процессіи участвовало 12 священниковъ, въ томъ числѣ два іеромонаха съ военныхъ судовъ. Съ Соборной улицы крестный ходъ направился на Широкую, потомъ чрезъ Конную и Морскую вступилъ на Шведскій рынокъ, откуда по Серебряной сталъ подыматься на Вышгородъ. При подъемѣ на гору крестный ходъ представлялъ красивое зрѣлище. Солнце ярко заливало иконы, кресты, парчевыя облаченія духовенства. Вся зеленая горка усѣяна была народомъ. Эта чудная картина напоминала другую, бывшую здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Ревель подобнымъ-же торжествомъ праздновалъ 900 лѣтіе крещенія Руси. Передъ замкомъ выстроились двѣ роты съ оркестрами, баталіонъ артиллерійской эскадры, отдѣленіе пограничной стражи и вольная пожарная дружина съ оркестромъ. Музыка заиграла „Коль славень“, войска отдали честь. Мѣсто освященія было обведено высокой оградой, надъ которой развѣвались флаги. Со стороны замка, у входа, коверъ велъ къ помосту, на которомъ возвышался обширный шатеръ, разукрашенный флагами и гирляндами и осѣненный куполомъ и крестомъ. Иконы и хоругви стали вокругъ шатра, ниже помѣстилась публика. Въ 1 ч. 45 мин. высокопреосвященный Арсеній, бывший тогда архіепископомъ рижскимъ и литовскимъ, взшелъ подъ шатеръ. За нимъ сталъ князь С. В. и другія должностныя лица. Началось волосвятіе. Архіепископъ окропилъ народъ святою водою, затѣмъ сошелъ внизъ и окропилъ громадный 12 саженный деревянный крестъ съ малымъ металлическимъ крестомъ; затѣмъ канаты натянулись и громадный крестъ сталъ плавно подниматься при торжественномъ пѣніи „Кресту Твоему поклоняемся, Владыка“.

Ровно въ 2 часа крестъ сталъ прямо и былъ укрѣпленъ. Въ этотъ самый моментъ взвился русскій флагъ на башнѣ Германа и поднялся флагъ на водопроводной башнѣ. По этому сигналу изъ 4 орудій, стоявшихъ на Шведскомъ бастионѣ, грянулъ 31 выстрѣлъ, эти выстрѣлы подхватили стояшіе на Ревельскомъ рейдѣ военные суда артиллерійской бригады и далеко разнесли радостную вѣсть о состоявшемся освященіи мѣста для будущаго Ревельскаго собора. Торжественныя ми-

нуты переживали присутствующіе... Протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, Государынь Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, Свят. Синоду, архіепископу Арсенію и „радѣтелямъ и благодѣтелямъ дѣла сего“. Многолѣтіе огласило древнія стѣны Вышгорода. Молебствіе кончилось... Крестный ходъ въ прежнемъ порядкѣ спустился въ противоположныя ворота на Морскую и по широкой и Соборной улицамъ возвратился въ соборъ. Церковное торжество кончилось. Весь городъ былъ украшенъ флагами, особенно улицы по пути слѣдованія крестнаго хода.

Въ четвертомъ часу состоялся въ русскомъ общественномъ собраніи обѣдъ, по подпискѣ, на которомъ присутствовало до 200 человекъ. Первый тостъ за Государя Императора провозгласилъ князь С. В. Шаховской. Изложивъ предварительно выдающіяся стороны политическихъ подвиговъ великаго князя Александра Невскаго, который въ трудную эпоху древней Россіи, обезпечивъ свободу сѣверу Европы, обезпечилъ ее и западу, князь указалъ затѣмъ на значеніи его памяти для Эстляндіи, на границѣ которой, тамъ, гдѣ нынѣ находится Пюхтицкій монастырь, покоются могилы павшихъ въ бою Александра Невскаго ратниковъ. Провозглашенный за симъ губернаторомъ тостъ за августѣйшаго именинника, Государя Императора Александра Александровича, былъ встрѣченъ съ такимъ энтузіазмомъ, который не поддается описанію! Весь переполненный залъ три раза пропѣлъ съ музыкою „Боже, Царя храни!“ Громадный энтузіазмъ вызвалъ тостъ и за князя С. В. Шаховскаго, — всѣ съ оркестромъ пропѣли „Многія лѣта“. Съ такимъ же сочувствіемъ приняты были тосты спеціально прибывшаго на торжество помощника оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера за княгиню Е. Д. Шаховскую, за православное духовенство. Пресвященный сказалъ рѣчь о благодѣтеляхъ будущаго храма, пожелавъ мира и благоденствія всѣмъ христіанамъ г. Ревеля. Обѣдъ кончился въ 6 часовъ.

Въ тотъ-же вечеръ выѣхали изъ Ревеля архіепископъ Арсеній, и В. К. Саблеръ, а также присутствовавшій на этомъ историческомъ торжествѣ д. т. с. М. Н. Галкинъ—Враской, бывшій, хотя и короткое время, однимъ изъ выдающихся эстляндскихъ губернаторовъ въ дореформенную эпоху.

По желанію князя и княгини Шаховскихъ, чудотворная Пюхтицкая икона Божіей Матери цѣлую недѣлю оставалась въ Ревелѣ.

Вскорѣ жизнь вошла въ обычную колею и я принялся за работу. Князя С. В. я видалъ довольно часто. Я всегда заставлялъ его въ бодромъ и добродушномъ настроеніи. Съ подчиненными онъ былъ ласковъ, доброжелателенъ и простъ, никогда не принимая начальническаго тона; съ княземъ можно было говорить совершенно искренно и не соглашаться съ его мнѣніемъ. Зачастую онъ спорилъ со своими чиновниками оживленно и горячо и умѣлъ выслушивать мнѣнія, несогласныя съ его воззрѣніями, съ должнымъ вниманіемъ и объективностью. Противорѣчія его нимало не раздражали и не вносили никакихъ неровностей въ его отношенія къ людямъ. По натурѣ князь былъ вспыльчивъ, но, какъ и всѣ вспыльчивые люди, очень добръ и отходчивъ. Онъ горячился, дѣлая замѣчаніе или выговоръ (я разъ испыталъ на себѣ вспышку его гнѣва), но затѣмъ быстро смягчался и успокоивался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже шутилъ и весело смѣялся. Эти качества дѣлали его любимымъ среди подчиненныхъ, о которыхъ онъ постоянно заботился и которыхъ прекрасно зналъ, будучи очень доступнымъ.

Кстати о составѣ его чиновниковъ. Они при князѣ С. В., и въ губернаторской канцеляріи и въ губернскомъ правленіи, были почти всѣ сплошь съ университетскимъ образованіемъ, что не такъ-то часто встрѣчается въ провинціи, гдѣ зачастую даже среди совѣтниковъ губернскихъ правленій, можно встрѣтить людей, не осилившихъ и послѣднихъ классовъ гимназій... Этотъ избранный контингентъ чиновниковъ администраціи въ Ревелѣ, въ бытность Эстляндскимъ губернаторомъ князя С. В. Шаховскаго, объясняется, съ одной стороны, заботою самого князя о привлеченіи къ себѣ интеллигентныхъ силъ, съ другой, — личностью князя, въ высшей степени симпатичной и обаятельно дѣйствовавшей на людей, ищущихъ настоящаго дѣла, а не отбыванія служебной лямки въ присутственное время. Служба въ Ревелѣ при князѣ С. В. была привлекательна, такъ какъ давала возможность сознательно работать на пользу живого государственнаго дѣла. и вмѣстѣ лестной, такъ какъ приближала васъ къ выдающейся личности русскаго дѣятеля — патріота рюриковой крови на балтійскомъ поморьѣ.

Послѣ смерти князя контингентъ мѣстныхъ чиновниковъ сразу измѣнился: почти всѣ прежнія, служившія при князѣ лица, его товарищи-сподвижники и вѣрные слуги, одинъ за другимъ ушли изъ Ревеля, не желая быть свидѣтелями во-

царившагося, тотчасъ по кончинѣ князя, новаго режима въ Ревелѣ, такъ мало схожаго съ той бодрящей и согрѣвающей атмосферой, въ которой приходилось работать при князѣ С. В. Шаховскомъ.

Устроившись на новомъ мѣстѣ и осмотрѣвшись, я сталъ понемногу изучать Ревель, изобилующій старинными, средне-вѣковой эпохи постройками, древними церквами съ рѣдкой живописью былыхъ временъ, разными коллекціями и т. п., и сталъ постепенно составлять статью о ревельскихъ достопримѣчательностяхъ, которая и появилась впоследствии въ печати *).

Князь, видимо, интересовался моей работой и часто, при встрѣчахъ со мной, на службѣ и у себя дома, спрашивалъ о ней и давалъ подчасъ указанія, что и гдѣ слѣдуетъ особенно внимательно осмотрѣть. Вскорѣ затѣмъ онъ поручилъ мнѣ сдѣлать подробное описаніе подгороднаго замка Фалль, принадлежавшаго нѣкогда извѣстному любимцу императора Николая Павловича—графу А. Х. Бенкендорфу и перешедшаго затѣмъ, въ видѣ маіората, въ родъ младшей дочери графа, святлѣйшей княгини М. А. Волконской. Это описаніе надо было приготовить къ ожидавшемуся въ тотъ годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, пріѣзду въ Ревель августѣйшаго командира гвардіи и петербургскаго военного округа, его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича, въ виду предстоявшаго посѣщенія его высочествомъ Фалля. По пути великаго князя изъ Ревеля въ Фалль моя брошюра, изящно отпечатанная въ типографіи мѣстной русской газеты «Ревельскихъ Извѣстій», была поднесена княземъ его высочеству, милостиво его высочествомъ принята и тутъ же, въ вагонѣ, просмотрѣна великимъ княземъ. Князь Шаховской очень цѣнилъ въ своихъ чиновникахъ любовь къ серьезнымъ литературнымъ занятіямъ и всячески поощрялъ ихъ къ этому, что не очень часто, къ сожалѣнію, замѣчается вообще у начальствующихъ лицъ, проявляющихъ подчасъ непохвальную боязнь къ печатному слову.

Зиму 1894 года князь провелъ недурно, но къ лѣту здоровье его, вообще довольно непрочное, нѣсколько пошатнулось. Врачи предписали ему пить Маріенбадскія воды и князь началъ лѣчиться ими. Это лѣто я очень часто встрѣчалъ князя въ аллеяхъ парка Екатеринентальскаго дворца, гдѣ онъ, по

*) См. «Изъ Ревельской старины».

обыкновенію, проводилъ лѣтніе мѣсяцы, и въ лѣтнемъ русскомъ театрѣ, гдѣ драматической труппой Дмитріева-Гарфильда давались не дурные, по ансамблю и репертуару, спектакли.

Разъ вечеромъ, въ іюнѣ, погулявъ по Екатеринентальскому саду, я направился въ вышеупомянутый театръ, помѣщающійся въ купальномъ кургаузѣ, гдѣ въ тотъ вечеръ шла какая то интересная драма. Поровнявшись съ балкономъ дворца, я вдругъ услышалъ надъ собой знакомый голосъ.

— Вы куда направляетесь?

Я поднялъ голову: на балконѣ стоялъ князь и курилъ папиросу.

— Я хотѣлъ, князь, пойти сегодня въ театръ, сказалъ я.

— А тамъ что даютъ?

Я назвалъ пьесу.

Князь заговорилъ о моей женѣ, уѣзжавшей въ то лѣто въ Крымъ, къ моимъ родственникамъ, и справлялся участливо о здоровьѣ ея и моей дочери.

Такъ проговорили мы довольно долго, стоя другъ противъ друга, онъ наверху, на балконѣ, я внизу, въ саду.

— Знаете что, — сказалъ князь, посмотрѣвъ на часы, — подождите меня въ саду, я тоже пойду въ театръ, мы пройдемъ туда вмѣстѣ.

Мы вмѣстѣ дошли до театра; по дорогѣ князь, большой любитель сцены, рассказывалъ мнѣ о знаменитомъ московскомъ «Маломъ театрѣ» и его артистахъ, изъ которыхъ онъ особенно восхищался покойнымъ П. М. Садовскимъ въ пьесѣ «Бѣдность не порокъ» Островскаго.

Я привожу здѣсь эту случайную встрѣчу съ княземъ для того, чтобы показать, какія товарищески милыя и простыя отношенія существовали между княземъ С. В. и его чиновниками. Эти отношенія до такой степени сближали насъ съ нимъ, что, когда его не стало, мы всѣ почувствовали, что потеряли родного, близкаго намъ человѣка...

Въ концѣ іюля князь бросилъ воды: занесенная въ губернію рабочими холера потребовала съ его стороны усиленной дѣятельности для борьбы съ заразой путемъ искусно комбинируемыхъ административныхъ и санитарныхъ мѣръ. Князю было уже не до лѣченія, — онъ то и дѣло то предсѣдательствовалъ въ санитарныхъ комиссіяхъ, то принималъ доклады у себя, организуя санитарные отряды и лично входя во всѣ мелочи ихъ снаряженія. Къ концу августа удалось

затушить холерную эпидемію, грозившую было опустошить весь прилегавшій къ р. Наровѣ край съ его рыбацкимъ и фабричнымъ населеніемъ.

О возобновеніи лѣченія нечего было и думать, къ тому же наступила осень, сырая и дождливая.

Въ исходѣ іюля я, по дѣлу, былъ у князя и просидѣлъ у него довольно долго. Онъ имѣлъ нѣсколько утомленный видъ, лицо его носило болѣзненно желтоватый оттѣнокъ. Встревоженный этимъ, я спросилъ князя, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Такъ себѣ, въ общемъ — не важно, отвѣтилъ онъ.

Однако, князь ни на что особенно не жаловался.

Съ своимъ обычнымъ прилежаніемъ и энергіей, попрежнему, занимался онъ дѣлами по управленію губерніей, по постройкѣ собора на Вышгородѣ, дома для русскаго общественнаго собранія (на бульварѣ, близъ зданія реального училища) и дома для мѣстной общины сестеръ милосердія Краснаго Креста. Ежедневно ѣздилъ онъ на постройки и лично обозрѣвалъ всѣ эти работы. Въ то-же время онъ былъ занятъ составленіемъ ежегоднаго всеподданнѣйшаго отчета по губерніи. Между тѣмъ извѣстія о болѣзни Государя Императора Александра Александровича становились все тревожнѣе, все безнадежнѣе. Съ душевною болью слѣдилъ русскій губернаторъ за скорбнымъ ходомъ болѣзненнаго процесса, уносившаго въ другой міръ Русскаго Императора...

Здоровье князя, какъ мы уже выше упоминали, было не изъ прочныхъ. Съ юности, со времянь студентства, князь страдалъ нервными припадками, отъ которыхъ не могъ излѣчиться. Однажды, на лекціи физики бывшаго профессора московскаго университета Н. А. Любимова, при производствѣ какихъ-то опытовъ, неожиданно произошелъ взрывъ. Князя, ближе другихъ стоявшаго къ аппаратамъ, отбросило въ сторону и обо что-то ударило настолько сильно, что онъ впалъ въ безсознательное состояніе, перешедшее затѣмъ въ острый судорожный пароксизмъ. Эти припадки стали потомъ повторяться отъ времени до времени. Князь, не любившій лѣчиться, не обращалъ на нихъ серьезнаго вниманія, а между тѣмъ подъ ихъ давленіемъ его организмъ постепенно слабѣлъ и разстраивался, давая мѣсто новымъ недугамъ, — процессу перерожденія сердца и сердечнымъ недомоганіямъ съ характеромъ грудной жабы.

Въ сентябрѣ 1894 г. люди, ранѣе видѣвшіе князя, замѣ-

чали въ немъ большую перемѣну къ худшему—такъ онъ осунулся и пожелтѣлъ, но близкимъ эта перемѣна не бросалась въ глаза.

Въ исходѣ сентября вернулась изъ Крыма моя жена и видѣла князя, за нѣсколько дней до его кончины, въ годичномъ собраніи ревельскаго драматическаго кружка любителей. Князь былъ въ тотъ вечеръ въ отличномъ расположеніи духа, много говорилъ, шутилъ, смѣялся и съ обычнымъ радушіемъ спрашивалъ ее о ея продолжительномъ пребываніи на южномъ берегу Чернаго моря.

Передавая мнѣ объ этой встрѣчѣ съ княземъ С. В., жена моя, долгое время его не видѣвшая, добавила, что онъ похудѣлъ и осунулся, но также бодръ и подвиженъ, какъ всегда.

10-го октября, въ десятомъ часу вечера, за карточнымъ столомъ у г-жи Ш., съ княземъ вдругъ случился одинъ изъ тѣхъ припадковъ, о которыхъ я подробно говорилъ выше. Только что князь нѣсколько пришелъ въ себя, какъ припадокъ повторился.

Подоспѣвшая супруга князя уже застала его на ногахъ и могла только убѣдиться, что оба припадка князь перенесъ очень бодро. Весь слѣдующій день князь чувствовалъ себя прекрасно.

Наступило роковое 12-е октября. Проснувшись, по обычаю, рано, князь часа два занимался, какъ всегда, въ своемъ маленькомъ рабочемъ кабинетѣ, о которомъ я уже упоминалъ, а потомъ, въ одиннадцатомъ часу, перешелъ въ свой оффиціальныи кабинетъ, гдѣ принялъ обычные доклады. Ровно въ полдень князь, веселый и, казалось, совершенно здоровый, вышелъ къ княгинѣ, приглашая ее поспѣшить къ завтраку, чтобы не опоздать на назначенное въ этотъ день засѣданіе губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. вмѣстѣ съ княземъ завтракалъ мѣстный предводитель дворянства баронъ О. Будбергъ. Въ оживленной, благодушной бесѣдѣ, оба, хозяинъ и гость, перешли затѣмъ въ засѣданіе крестьянскаго присутствія, помѣщающагося тутъ-же, въ нижнемъ этажѣ замка. Князь былъ все время въ прекрасномъ, спокойномъ расположеніи духа.

По окончаніи засѣданія, князь прошелъ къ супругѣ и, сказавъ, что предполагаетъ зайти ненадолго къ г-жѣ Ш., чтобы извиниться за причиненное у нея въ домѣ безпокойство обморочкомъ 10-го октября, вышелъ изъ замка.

Не прошло и получаса, какъ княгиню Елизавету Дмитріевну

уже звали къ г-жѣ Ш. (жившей почти рядомъ съ замкомъ), въ виду повторенія съ княземъ припадка...

Оказалось, что князь не успѣлъ сказать г-жѣ Ш. и двухъ словъ, какъ вдругъ судорожно схватился за грудь и, простонавъ «снова начинается... жену... проститься», въ изнеможении упалъ на диванъ. Черезъ мгновеніе онъ вскочилъ, потомъ снова упалъ — и началась обычная тяжелая картина припадка, въ этотъ послѣдній разъ необыкновенно сильнаго, продолжительнаго и мучительнаго...

Подоспѣвшій докторъ К. нашелъ положеніе больного серьезнымъ... Припадокъ, однако, благополучно миновалъ. Князь почувствовалъ себя лучше. Больного бережно уложили на диванъ. Онъ былъ весь въ поту и жаловался на сильный ознобъ. Укладываясь, онъ перекрестился и, говоря, что «грудь еще болитъ и руки холодныя», протянулъ руку женѣ. Подали горячаго чаю, докторъ поднесъ больному возбуждающій силы порошокъ, — казалось, все шло къ благополучному концу, какъ вдругъ... движеніе головы книзу, какъ бы для рвоты, — княгиня кинулась поддержать лобъ, но... все было кончено: князя не стало!... Было ровно 3 ч. 45 мин. пополудни. Князь скончался отъ паралича сердца, подвергшагося жировому перерожденію (ожирѣніе сердца)...

Вѣсть о скоростижной смерти князя мигомъ облетѣла весь городъ и произвела потрясающее впечатлѣніе! Все русское общество въ Ревелѣ очень любило князя, пользовавшагося въ своей губерніи большою популярностью, и было поражено его внезапной смертью. Мѣстное общество, всегда относившееся къ покойному съ должнымъ уваженіемъ, высоко цѣня его административныя способности, почтило его кончину виѣшними знаками глубокаго траура.

Вся, безъ различія направленій и «лагерей», русская печать въ одинъ голосъ отдала должную дань вѣрной патріотической службѣ почившаго русскаго государственнаго дѣятеля, оцѣнивъ по заслугамъ его обрусительную дѣятельность на балтійскомъ поморьѣ.

Отзывы мѣстной, нѣмецкой и эстонской, печати о покойномъ князѣ С. В. Шаховскомъ, вызванные его кончиной, всецѣло проникнуты уваженіемъ къ покойному и вѣрно характеризуютъ его заслуги въ краѣ.

Мы приводимъ здѣсь наиболѣе выдающіяся мѣста изъ этихъ отзывовъ.

Rev. Reobachter. (№ 231—1894 г.).

..... «Нашей цѣлью не можетъ быть оцѣнка реформъ,— результатъ дѣятельности покойнаго; не будемъ также говорить, какимъ образомъ онѣ производились. Прошлое принадлежитъ исторіи. Ей предоставлено назначить реформамъ подобающее мѣсто въ ходѣ развитія государственной жизни, въ которой наша губернія только незначительная часть; та же исторія будетъ судить и о характерѣ ихъ проведенія, хотя и по скуднымъ записямъ. Но всякій современникъ, *будь онъ другомъ или врагомъ*, согласится съ тѣмъ, что глава администраціи, въ десятилѣтіе съ 1885 по 1894 г., выказалъ рѣдкую силу дѣятельности.

..... Представляя себѣ, у смертнаго одра, пройденный покойнымъ жизненный путь, мы видимъ *картину неутомимыхъ трудовъ и работы*, жертвой которыхъ палъ почившій, далеко не дойдя до положеннаго предѣла.

Вѣчный покой ему!».

Revalscbe Zeitung. (№ 231—1894 г.).

..... «Скажемъ лишь, что покойный былъ не просто послушнымъ представителемъ извѣстной системы, но и *энергичнымъ защитникомъ собственныхъ идей*,—словомъ, *полная силы и индивидуальной самостоятельности личность*, отличавшаяся быстротою сужденія и непреклонною силой воли. Его чрезвычайная энергія и неутомимая дѣятельность, въ связи съ постояннымъ сознаниемъ цѣли и умѣніемъ пользоваться обстоятельствами, дѣлали его характеромъ, который *всегда зналъ, чего онъ хотѣлъ*, и всегда умѣлъ находить средства для осуществленія своихъ плановъ.....»

Walgus. (№ 42—1894 г.),—эстонская газета.

..... «Кто знакомъ съ бытомъ нашего края, тотъ знаетъ, какіе труды, какія заботы, какая борьба и какія преслѣдованія, какія явныя и тайныя интриги противостоятъ и будутъ противостоятъ подобному исполненію своего долга. Не смотря на всѣ трудности, работу безъ усталы, заботы и огорченія, *этотъ дорогой, намъ, справедливый русскій князь и храбрый человекъ*, христіанинъ сердцемъ и душой, щедрый и добрый человекъ всегда и безъ усталы стоялъ на своемъ

посту, какъ *ратникъ въ полъ*, и насадилъ въ сердцѣ нашего народа русскія идеи и преданность Императору.

Вотъ что написалъ я въ «Ревельскихъ Извѣстіяхъ» подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины незабвеннаго князя С. В.

«Надъ прахомъ человѣка, всѣми нами любимаго и внезапно отъ насъ навсегда ушедшаго, — трудно, тяжело говорить.... Теперь не время оцѣнки служебной дѣятельности покойнаго князя. То, что сдѣлано имъ здѣсь, въ теченіе девяти съ половиной лѣтъ его управленія губерніей, будетъ современемъ яснѣе и спокойнѣе, чѣмъ теперь, понято и съ благодарностью принято всѣми русскими людьми, которымъ дороги русскія начала на балтійскомъ поморьѣ, которымъ близки къ сердцу національныя задачи нашихъ остзейскихъ окраинъ. Все это будетъ потомъ, говоримъ мы, но теперь — послѣ смерти близкаго намъ всѣмъ человѣка, чувствуется не наполнимая пустота, тревога и грусть: нѣтъ твердой, энергической, дружеской руки, нѣтъ громкаго голоса, нѣтъ русскаго честнаго, добраго сердца: ушелъ въ могилу убѣжденный русскій дѣятель на нашей полурусской окраинѣ, высоко державшій знамя православія и русской народности на русскомъ берегу Балтійскаго моря... Энергія покойнаго была, по истинѣ, изумительная, неослабная, всегда поддерживаемая глубокимъ сознаниемъ той высокой задачи обрусѣнія, которой князь всю жизнь служилъ вѣрой и правдой, исполняя указанія, данныя ему съ высоты Престола.

Такіе люди, каковъ былъ усопшій князь, нужны вездѣ и всегда, но особенно нужны здѣсь, гдѣ только энергіей, стойкостью, убѣжденностью, твердостью безъ компромиссовъ можно дѣлать русское дѣло, при условіяхъ, не всегда для него благоприятныхъ. *И какъ немного именно такихъ людей здѣсь*, и какъ тяжело, какъ горестно терять ихъ!

Да будетъ покойному князю Сергію вѣчная память!..»

За гробомъ князя С. В. Шаховскаго шелъ буквально весь городъ! Всѣ русскіе магазины были заперты, въ окнахъ нѣмецкихъ — зажжены свѣчи и выставлены портреты и бюсты покойнаго, красиво задрапированные траурными тканями.

Прахъ князя былъ перевезенъ на Богородицкую гору, въ Пюхтицу, гдѣ и преданъ землѣ въ заранѣе приготовленномъ самимъ покойнымъ склепѣ, подъ выстроеннымъ имъ для себя домикомъ, вблизи монастырской ограды, гдѣ такъ часто жилъ покойный.

Мои личныя, приведенныя здѣсь, воспоминанія о князѣ

С. В. Шаховскомъ первыя, появляющіяся въ печати, если не считать двухъ съ половиною страничекъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о князѣ въ періодъ его дѣятельности во время послѣдней русско-турецкой войны (1877—1878 г.), подписанныхъ буквою «S» и напечатанныхъ въ изданномъ, въ 1896 г., редакціей «Ревельскихъ Извѣстій» прекрасномъ и обстоятельномъ сборникѣ подъ названіемъ «Вѣнокъ на могилу князя С. В. Шаховского».

Я могъ бы сказать гораздо больше, подробнѣе, детальнѣе, но князя С. В. еще такъ сравнительно недавно не стало съ нами, а все, нѣкогда его окружавшее, еще не сошло съ жизненной сцены, и я ограничиваюсь здѣсь тѣмъ, что изложилъ выше, не касаясь фона картины и дѣйствующихъ лицъ, связанныхъ съ почившимъ единствомъ мѣста, задачъ и дѣятельности. Это сдѣлаютъ другіе. Мнѣ хотѣлось только познакомить читателя съ выдающейся личностью князя С. В. Шаховского, недостаточно еще оцѣненной и понятою, часто при жизни умышленно затемняемою и нерѣдко поносимою кружкомъ несочувствовавшихъ патриотической дѣятельности князя лицъ.

О государственныхъ работахъ князя въ Эстляндіи я коснулся здѣсь также лишь вскользь, такъ какъ оцѣнка его дѣятельности на почвѣ многочисленныхъ реформъ (полицейской, судебной, крестьянской), проведенныхъ въ краѣ при его ближайшемъ содѣйствіи, за время его почти десятилѣтняго управленія губерніей, и составляющихъ лишь звено въ цѣлой цѣпи преобразовательныхъ работъ минувшаго царствованія въ балтійскомъ краѣ, принадлежитъ будущему.

Кончая настоящій очеркъ, мнѣ бы хотѣлось также снять съ памяти усопшаго русскаго дѣятеля нерѣдко раздававшіяся по его адресу нареканія въ «нетерпимости», «фанатизмѣ», «неуживчивости» и т. п. качествахъ, дѣлавшихъ его непопулярнымъ въ глазахъ мало знавшихъ его лицъ.

Ни по натурѣ, ни по убѣжденіямъ князь Шаховской никогда не былъ ни фанатикомъ, ни нетерпимымъ. Время и обстоятельства, при которыхъ человекъ дѣйствовалъ, накидываютъ на него, безъ его воли, извѣстный отпечатокъ, часто мало отвѣчающій его внутреннимъ качествамъ. Такъ было и съ княземъ С. В. Шаховскимъ.

Проведя почти весь періодъ своего управленія Эстляндской губерніей въ укорененіи въ краѣ новыхъ началъ и устоевъ государственной жизни, такъ не похожихъ на тѣ, кото-

рыми жила страна въ дореформенную эпоху, князь не могъ обойтись безъ борьбы, которую поневолѣ пришлось вести съ приверженцами стараго порядка, весьма многочисленными на балтійской почвѣ. Открывая множество новыхъ православныхъ приходоѡвъ въ краѣ, князь сталкивался тѣмъ самымъ съ интересами лютеранства и опять таки ему приходилось шагъ за шагомъ отстаивать пользу и выгоду православной церкви. Одна исторія Пюхтицы сразу доставила князю больше враговъ, чѣмъ могъ получить ихъ иной дѣятель въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни! Но энергичное проведеніе правительственныхъ задачъ, безъ промедленія и компромиссоѡвъ, отнюдь не было ни фанатизмомъ, ни нетерпимостью, и всѣмъ извѣстны отзыѡы мѣстной нѣмецкой интеллигенціи о князѣ С. В. Шаховскомъ, какъ о человѣкѣ «умномъ» и «благородномъ». Князь, несомнѣнно, искалъ сближенія съ благомыслящимъ нѣмецкимъ элементомъ края и, основывая въ Ревелѣ русское общественное собраніе, надѣялся, какъ мы сказали, на возможность этого сближенія при помощи собранія. Это сближеніе русскихъ съ мѣстными кружками входило у князя въ задачи обрусенія и, конечно; въ значительной степени помогло бы успѣхамъ русскаго дѣла въ краѣ. Именно въ такомъ духѣ и писалъ князь, въ свое время, министру внутреннихъ дѣлъ. Если эти надежды князя не сбылись, если русское собраніе въ Ревелѣ не только не сблизило русскихъ съ балтійцами, но даже и само русское общество не сдѣлало тѣснѣе и сплоченнѣе, — то вина ли въ томъ князя? Если волею судьбы ему попадались помощники, полагающіе задачи обрусенія не въ культурномъ воздѣйствіи на страну въ духѣ извѣстныхъ началъ, а въ вѣчномъ будированіи и отчужденіи отъ мѣстныхъ элементовъ, то опять таки вина ли въ томъ покойнаго? Одинъ въ полѣ не воинъ, и окружающая васъ среда придаетъ вамъ извѣстный отпечатокъ. Именно этой средѣ и былъ обязанъ князь репутаціей «фанатика», коимъ никогда не былъ. Мнѣ кажется, князь С. В. Шаховской чувствовалъ это въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Ревелѣ, когда «горячка» дѣятельности первыхъ лѣтъ его губернаторства постепенно миновала и можно было спокойно осмотрѣться вокругъ. Если бы покойному было суждено прожить дольше, я глубоко увѣренъ, что онъ серьезно принялся бы *самъ*, безъ посредства окружавшихъ его лицъ, такъ часто не попадавшихъ ему въ камертонъ, за сближеніе съ мѣстной средою, всегда отдававшей должное его административнымъ способностямъ и уважавшей его, какъ человѣка.

Изъ прежнихъ сподвижниковъ князя С. В. Шаховского двое уже сошли въ могилу почти одновременно съ нимъ.

Осенью 1893 года скончался въ своемъ имѣніи бывшій эстляндскій вице-губернаторъ А. П. Василевскій, авторъ извѣстной книги о крестьянахъ балтійскаго края, очень солиднаго и полезнаго руководства для мѣстныхъ служебныхъ дѣятелей, но недостаточно умѣло систематизированнаго и представляющаго поэтому не мало трудностей при пользованіи этой справочной книгой. Пребываніе А. П. Василевскаго въ Ревелѣ очень памятно по облетѣвшей тогда почти всѣ газеты исторіи столкновенія его съ тогдашнимъ предводителемъ дворянства бар. Тизенгаузеномъ изъ за недоразумѣнія по поводу сдѣланнаго супругой предводителя визита вице-губернаторшѣ, М. Н. Василевской. Столкновеніе это, ставшее «событіемъ дня», было улажено только благодаря вмѣшательству въ дѣло князя С. В. Шаховского, постаравшагося какъ можно скорѣе прекратить этотъ нежелательный «инцидентъ», созрѣвшій на почвѣ дамскихъ самолюбіи, которому окружавшіе князя «обрусители» старались придать чуть-ли не политическое значеніе.

Бывшій правитель канцеляріи при князѣ, Ф. С. Эйсымонтъ, скончался отъ болѣзни легкихъ въ декабрѣ того же года, въ Ревелѣ, гдѣ покойный, еще совсѣмъ не старый человекъ, пользовался всеобщими симпатіями и уваженіемъ. Я очень недолго зналъ Ф. С. Эйсымонта, но не могъ не оцѣнить его добродушія, всегдашней готовности придти на помощь каждому и благородства характера, выдѣлявшаго его изъ среды провинціального чиновничества, исполненнаго всевозможныхъ интригъ, взаимныхъ счетовъ и зависти къ ближнему. Ф. С. Эйсымонтъ служилъ вмѣстѣ съ княземъ еще въ Черниговской губ., во время губернаторства тамъ князя, и былъ искренно любимъ княземъ, всегда отзывавшимся о немъ съ сердечной теплотою. Тѣмъ же платилъ покойному князю и Ф. С. Эйсымонтъ.

ИЗЪ РЕВЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ.

Эстляндскій край, такъ много нѣкогда претерпѣвшій превратностей въ своей судьбѣ и перенесшій на себѣ бурную исторію различныхъ владычествъ, весь полонъ памятниковъ старины. Здѣсь, что ни шагъ,—воспоминаніе сѣдого прошлаго, связаннаго съ тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ! Свойственная населенію этого края консервативность и безотчетная любовь къ своей старинѣ содѣйствовала сохраненію здѣсь множества историческихъ памятниковъ въ почти нетронутомъ временемъ видѣ, такими, какими они были сотни лѣтъ назадъ. Проходя по любой улицѣ Ревеля, можно найти на ней что нибудь археологически примѣчательное,—какой нибудь домъ чисто средневѣковой архитектуры (хотя всѣ зданія Ревеля носятъ на себѣ до сихъ норъ вообще печать старины), удивительной рѣзбы дверь, стариннѣйшую кирку, выдавшую предъ своимъ алтаремъ Густава-Адольфа, древній дворянскій гербъ на почернѣвшей отъ времени стѣнѣ архаическаго строенія XV—XVI столѣтія... Здѣсь все дышитъ стариной, все стоитъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ было при господствѣ датчанъ и шведовъ, и является интереснѣйшей кунсткамерой, мало извѣстной нашей публикѣ, плохо знакомой вообще съ исторіей нашего балтійскаго побережья.

Кой съ чѣмъ изъ ревельской старины мы и хотимъ познакомить теперь читателей.

I.

Церковь Св. Духа—одна изъ древнѣйшихъ лютеранскихъ церквей Ревеля. Почернѣвшія отъ времени, облупившіяся, сырыя, словно начинающія уходить въ землю, стѣны ея показываютъ наглядно древность этой исторической кирки, стоя-

Развалины (Мерремойзъ).

щей на углу Морской (Длинной, по мѣстному названію) улицы и узкаго прохода, соединяющаго ее съ сосѣднимъ съ нею шведскимъ рынкомъ.

Время постройки кирки въ точности неизвѣстно, — мѣстные археологи считаютъ его второй половиной XIII вѣка. Церковь эта была нѣкогда капеллой ревельскаго магистрата, стариннаго, въ готическомъ вкусѣ, съ высокой башней зданія, которое служить украшеніемъ шведскаго рынка въ Ревелѣ. Въ нее являлись прежде члены городского управленія, общники гильдій и братья «черноголовые», о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, и слушали обѣдню предъ началомъ и окончаніемъ своей судейской дѣятельности, а именно въ первый вторникъ послѣ Крещенія и въ день св. Оомы.

Въ названной церкви находится очень интересный рѣзной иконостасъ старинной работы съ латинской надписью: «*Anno domini MCCCCLXXIII deus relegavit in die penthecostes apostoles confirmant sanctum (s)piritum*». Посрединѣ образъ Богоматери, съ воздѣтыми къ небу руками; ноги Пресвятой Дѣвы покоятся на подушкѣ. По обѣимъ сторонамъ — апостолы въ два ряда. На правомъ створѣ образа: св. Олай (Olaus) съ короной на головѣ, въ красныхъ сапогахъ, въ панцырѣ и подбитой голубымъ золотой мантии; въ одной рукѣ этотъ святой держитъ аллебарду, въ другой позолоченную чашу. Онъ попираетъ чернаго дракона, съ человѣческой головой въ коронѣ, — символъ язычества. Подъ Олаемъ — св. Олавъ (Olawus), а около него св. Анна съ нагимъ младенцемъ на рукахъ, держащимъ въ одной рукѣ сосудъ и играющимъ другой съ дѣвочкой.

На лѣвомъ створѣ — св. Елисавета, держащая бѣлую кружку и тарелку съ тремя синими рыбками. Около нея — св. Викторъ, въ золотомъ панцырѣ, со щитомъ съ изображеніемъ золотого креста на красномъ полѣ; въ правой рукѣ его знамя, на головѣ трехцвѣтная повязка, а шлемъ лежитъ внизу, у ногъ.

На задней сторонѣ иконостаса четыре изображенія: омовеніе ногъ Христа Марією Магдалиною, истязаніе Христа воинами Пилата, распятіе Его и очень странный образъ, совершенно непонятный, написанный, по всей вѣроятности, по поводу какого нибудь историческаго событія, теперь забытаго, связаннаго съ построеніемъ храма. Онъ изображаетъ крестъ на ложѣ, подъ парчевымъ цвѣтнымъ покрываломъ; по сторонамъ — двѣ женщины, съ бѣлыми головными накидками, а возлѣ самой постели стоитъ рыцарь въ панцырѣ и красномъ

беретъ, украшенномъ перьями; тутъ же, предъ постелью, судъ на скамьѣ и двѣ кружки, а также золотой тазъ на деревянномъ треножникѣ.

Надъ каедрой старинные, грубовато сдѣланные, портреты Лютера и Меланхтона.

Въ Святодуховской киркѣ отправляется богослуженіе на эстонскомъ языкѣ для многочисленныхъ эстовъ Ревеля и его окрестностей.

Въ лицевой стѣнѣ кирки, надъ низенькой входной дверью, нѣсколько правѣе, вѣдланы большіе часы, съ чернымъ циферблатомъ, которые, вмѣстѣ съ часами на магистратѣ, считаются вѣрнѣйшими въ городѣ.

Интереснымъ памятникомъ древне-германской готики на остзейскомъ побережьѣ является знаменитая въ цѣлой Эстоніи кирка св. Олая, безконечный шпиль которой виднѣется подъѣзжающимъ къ Ревелю за нѣсколько верстъ до города и превышаетъ собою всѣ мѣстныя церкви.

Первоначальная высота кирки св. Олая ¹⁾ была 84 сажени. Послѣ пожара храма, случившагося отъ удара молніи въ Петровъ день 1625 года, она равнялась 74 саженьямъ, а послѣ вторичнаго пожара, также отъ молніи, въ іюнѣ 1820 года, стала лишь въ 62 сажени: при поправкахъ церкви ея верхъ постепенно уменьшали, но и такой, какимъ онъ теперь, шпиль Олая гордо высится надъ Ревелемъ и является какъ бы центромъ городского ландшафта.

Самое зданіе храма, высотой въ 17, шириною въ 16 сажень, заканчивается строго выдержанными стрѣльчатыми сводами, покоящимися на 8 каменныхъ столбахъ. Окна — узкія, также стрѣльчатая, готическаго типа. Хоры, висячіе надъ главной входной дверью, поддерживаются рядомъ колоннъ; на нихъ органъ замѣчательно мягкаго, но въ то же время звучнаго тона. Время основанія церкви въ точности неизвѣстно. По преданіямъ, король Даніи Вальдемаръ II, учреждая въ 1240 году епископство въ Гарріенѣ и Вирляндѣ ²⁾, повелѣлъ воздвигнуть церковь во имя св. Олая, короля норвежскаго, которая была отстроена при его преемникѣ и сынѣ Эрикѣ V-мъ.

1) Св. Олай находится на Широкой ул., вблизи морского берега; задняя сторона кирки съ Временской капеллой выходитъ на Морскую улицу.

2) Гарріенъ — ревельскій уѣздъ, Вирляндъ — везенбергскій.

При Эрикѣ VI Глиппингѣ, церковь св. Олая была отдана со всѣми доходами своими и правами въ полное распоряженіе женскому Цистерціанскому монастырю св. Михаила ¹⁾, на поддержаніе его, по бѣдности, что было подтверждено Эрикомъ VII-мъ въ Выборгѣ, въ концѣ XIII вѣка.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ прежнемъ зданіи этого монастыря помѣщается въ настоящее время Николаевская гимназія, одна изъ древнѣйшихъ гимназій въ Россіи, праздновавшая 6 іюня 1881 года 250-сй юбилей своего существованія, а нѣкогда монастырская церковь—теперь православный Преображенскій соборъ въ Ревелѣ, о которомъ мы скажемъ подробно впослѣдствіи. Гимназія, подъ видомъ первоначальнаго училища, была основана въ февралѣ 1631 года при шведскомъ королѣ Густавѣ-Адольфѣ, даровавшемъ для нея зданіе прежняго монастыря св. Михаила. Торжественное освященіе училища послѣдовало 6 іюня того же года.

Во время свирѣпствовавшей въ 1710 году, въ продолженіе Сѣверной войны, чумы въ Эстоніи, многіе изъ учителей и учениковъ вымерли, многіе же оставили страну и уже не вернулись болѣе. Только одинъ ректоръ училища, Ю. Бремъ, оставался на своемъ посту въ продолженіе всей чумы и, по окончаніи ея, собралъ новыхъ учениковъ и занялся снова преподаваніемъ.

Волею императора Александра I, въ 1805 г. училище переименовано было въ губернскую гимназію.

Въ 1843 г. домъ гимназіи былъ капитально передѣланъ, такъ что отъ прежняго монастырскаго корпуса осталась лишь актовая зала, въ былые дни служившая монастырю пріемной.

Вернемся, однако, къ церкви св. Олая.

Лютеранство, проникнувъ въ Эстляндію въ XVI вѣкѣ, не обошлось безъ свойственныхъ всякой новой религіозной идеѣ увлеченій и породило гоненіе на иконы, какъ принадлежность столь ненавистнаго реформаціи католичества съ его экспрессивнымъ культомъ. Фанатиками были разрушены алтари и образа, между прочимъ, и въ Олаевской церкви. Первая лютеранская проповѣдь была произнесена въ ней 14 сентября, день Воздвиженія Креста Господня, 1524 г.

¹⁾ Женскій монастырь св. Михаила основанъ задолго до появленія Ревеля—въ 1093 г., датскимъ королемъ Эрикомъ IV Эгинодомъ, т. е. жезтокимъ.

Лютеранская церковь Св. Олая въ Ревелѣ.

Отъ упомянутаго выше пожара 1625 г. сильно пострадали башня церкви, ея кровля и колокола, внутренность же храма осталась почти нетронутой пламенемъ. Въ 1627 г. церковь была возобновлена, но башня вновь отстроена только въ 1657 году.

Пожаръ 1820 года имѣлъ для кирки св. Олая гораздо худшія послѣдствія. Загорѣвшись отъ удара молніи, она сгорѣла и была разрушена почти вся. Башня низвергнулась на противоположный церкви, на Широкой улицѣ, домъ и разбила его въ куски. Съ тѣхъ поръ на этомъ мѣстѣ не возводятъ новаго зданія, изъ боязни подобнаго же случая, и до настоящей минуты участокъ земли противъ главнаго фасада церкви св. Олая стоитъ незастроеннымъ. Церковная библиотека, къ счастью, уцѣлѣла. Въ настоящее время она хранится въ помѣщеніи эстляндскаго литературнаго общества въ Ревелѣ.

Олаевская кирка была возстановлена изъ развалинъ волею императора Александра I-го, соизволившаго повелѣть, въ іюлѣ 1825 г., ремонтировать церковь на счетъ казны. Желаніе государя было приведено въ исполненіе его августѣйшимъ братомъ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ, назначившимъ въ августѣ 1827 года, 500 тысячъ рублей ассигнаціями на починку церкви и, кромѣ того, въ 1835 г., еще 110.220 рублей ассигнаціями для покрытія шпиля башни мѣдными листами, на органы и скамейки.

Перестройка начата была 10 апрѣля 1828 г.; 25 іюня 1829 г., въ день рожденія государя Николая Павловича, на одной изъ башенокъ Бременской капеллы, пристроенной къ церкви св. Олая, справа отъ главнаго хода, по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ,—былъ водруженъ вызолоченный крестъ и подъ нимъ вложена доска съ надписью о возобновленіи Олаевской церкви, а 26 апрѣля 1836 г. былъ поднятъ крестъ на шпиль церковной башни, въ 7 ф. 10 д. вышиною, на вызолоченномъ шарѣ, вѣсомъ въ 20 пудовъ, въ которомъ была также помѣщена запись о возстановленіи кирки. 16 іюля 1840 г. она была окончательно отдѣлана и освящена. Одинъ изъ колоколовъ Олаевской церкви отлитъ въ Валдаѣ, другой—въ самомъ Ревелѣ.

Мы сейчасъ упомянули о Бременской капеллѣ. Во внѣшней ея стѣнѣ вдѣланъ надгробный памятникъ нѣкоего Ганса Павельсона: подъ горельефнымъ изображеніемъ страстей Господнихъ лежитъ, въ углубленіи, скелетъ. Подъ плитами ка-

пеллы погребены ревельскіе губернаторы временъ шведскаго господства — Эрикъ Флеммингъ и Филиппъ Шейдингъ, бывшій президентъ Дерптскаго надворнаго суда и канцлеръ мѣстнаго университета; первый умеръ въ августѣ 1561 г., второй въ іюнѣ 1646 г. ¹⁾.

Первое, что бросается въ глаза прѣхавшему въ Ревель, лишь только онъ выйдетъ изъ вагона, это большая гора, или, пожалуй, правильнѣе, скалистый холмъ, расположенный прямо противъ ревельской станціи, съ крутыми, почти отвѣсными подъемами, поросшими густой зеленью. На вершинѣ виднѣются дома и высится башня кирки.

Это — такъ называемый Вышгородъ, прежнее гнѣздо средне-вѣковаго рыцарства, оплотъ меченосцевъ, датскаго и шведскаго владычества и нѣмецкихъ пришельцевъ-бароновъ, поработившихъ мѣстное населеніе эстонскаго побережья.

Укрѣпленная, по преданію, эстами, оборонявшимися отъ Канута VI датскаго, вышгородская скала перешла затѣмъ въ руки меченосцевъ, обратившихъ, при учредителѣ ордена — рижскомъ епископѣ Альбертѣ Апельдернѣ, свое «просвѣтительное» оружіе на эстонцевъ язычниковъ, а далѣе была завоевана приглашеннымъ самимъ же орденомъ на помощь противъ эстонской чуди и Новгорода датскимъ конунгомъ Вальдемаромъ II, издавна замышлявшимъ покореніе Эстоніи и воспользовавшимся удобнымъ случаемъ, чтобы осуществить свои замыслы ²⁾.

Это было въ іюлѣ 1219 года, и тогда же названный король озаботился объ устройствѣ прочной крѣпости на мѣстѣ прежняго становища эстовъ, на скалѣ Линдзисса, называемой нынѣ Вышгородомъ.

Возобновленіе собственно вышгородскаго замка относится къ 1227 году, когда Эстонія вновь подпала подъ власть Ордена, отвоевавшаго ее у неуспѣвшаго удержать эту землю въ своихъ рукахъ Вальдемара II, который потерпѣлъ къ тому же въ этомъ году при Бернгеведѣ, въ Шлезвигѣ, пораженіе отъ Адольфа IV голштинскаго, слѣдствіемъ чего была потеря датчанами ихъ германскихъ владѣній.

¹⁾ Записка о Ревелѣ, не предназначенная къ продажѣ, составленная А. П. Роговичемъ въ 1836 г.

²⁾ Arbusow; Grundriss der Geschichte Liv-, Esth.—und Kurlands.

Выстроенный по образцу всѣхъ вообще средневѣковыхъ замковъ ревелскій замокъ былъ окруженъ башнями и глубокими рвами.

Когда превратности капризной судьбы отдали, въ 1347 г., Эстонию опять въ руки датчанъ, замокъ служилъ резиденціей датскихъ намѣстниковъ—фохтовъ.

Въ августѣ того же года орденъ, при grosмейстерѣ Дуземерѣ, купилъ ¹⁾ у Вальдемара III-го области Гарриенъ, Вирландъ и Альтентакенъ ²⁾ и такимъ образомъ Вышгородъ снова перешелъ къ ливонскимъ рыцарямъ.

Слабость ордена, внутренніе раздоры дворянства, постоянныя неудачи рыцарей въ борьбѣ съ виѣшними врагами и упадокъ торговаго значенія Ревеля, бывшаго въ XV столѣтіи однимъ изъ крупныхъ центровъ Ганзейскаго союза,—все это, вмѣстѣ взятое, отдало Эстонию во власть Швеціи; 6 іюня 1561 г., мѣстное дворянство покорилося шведскому королю Эрику XIV-му. Комптуръ (представитель) Ливонскаго ордена, Ольденбогенъ, отказался, однако, сдать замокъ шведамъ, и крѣпость Вышгородъ была взята послѣ осады шведскимъ генераломъ Горномъ.

Съ этихъ поръ по 1710 г. въ замкѣ жили шведскіе генераль-губернаторы.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что въ теченіе этого періода Ревель два раза подвергался нашествію русскихъ войскъ, во время ливонскихъ войнъ царя Іоанна Грознаго со Швеціей, а именно — городъ вытерпѣлъ осаду въ 1570—1571 г., длившуюся семь съ половиною мѣсяцевъ, и въ 1577 г. При этой второй осадѣ сгорѣлъ древній католическій монастырь Бригитокъ ³⁾, развалины котораго и по настоящее время живописно рисуются на морскомъ берегу, близъ Коша. Монастырь этотъ построенъ епископомъ Икскулемъ въ XV в.; одною изъ послѣднихъ аббатисъ его была представительница этого стариннаго и очень извѣстнаго въ Эстляндіи рода, владѣющаго понынѣ большими землями въ Гапсальскомъ и Вейсенштейнскомъ уѣздахъ.

Изъ камней разрушеннаго аббатства осаждавшіе дѣлали ядра и стрѣляли ими въ крѣпость. Нѣкоторыя изъ нихъ и

¹⁾ За 19 тысячъ серебрян. марокъ кельнскаго вѣса.

²⁾ Альтентакенъ—участокъ Везенбергскаго уѣзда.

³⁾ О монастырь Бригитокъ см. Album Esthländischer Ansichten von Wilhelm Stavenhagen.

Вышгородскій замокъ.

посейчасъ можно видѣть въ стѣнѣ одной изъ вышгородскихъ башенъ.

Въ сентябрѣ 1710 г. Эстляндія была присоединена къ Россіи Петромъ I, а съ нею склонилась предъ русскимъ двухглавымъ орломъ и крѣпость Ревель съ ея замкомъ.

Швеція дважды пыталась, но безуспѣшно, вернуть себѣ Эстляндію. 2-го мая 1790 г., шведскій флотъ былъ разбитъ въ виду Ревеля нашимъ знаменитымъ адмираломъ Чичаговымъ; также неудачна была для шведовъ и послѣдняя шведско-русская кампанія 1809 года.

Въ 1854—1855 гг. Ревель и Эстонское поморье выдержали блокаду англо-французскаго флота.

Вышгородскій замокъ, сильно пострадавшій во время военныхъ дѣйствій и пришедшій мало-по-малу въ упадокъ, былъ заново ремонтированъ и возстановленъ императрицею Екатериною II. Его теперешній фасадъ въ чисто современномъ вкусѣ не даетъ, конечно, никакого понятія о его прежней готически-рыцарской фізіономіи. Окружающіе его рвы давно засыпаны и поросли травою, башни полуразвалились и грустно стоятъ, поросшія мхомъ, какъ не успѣвшія еще скрыться тѣни давно минувшей боевой и поэтической старины. Одна лишь старая сторожевая башня, носящая названіе «башни Германа» (*der lange Hermann*), высится до сихъ поръ, почти не тронутая временемъ, перенося насъ мыслию въ туманную даль прибалтійской исторіи. Въ день тезоименитства, нынѣ въ Божѣ почивающаго императора Александра Александровича, 30 августа 1885 г., при эстляндскомъ губернаторѣ князѣ С. В. Шаховскомъ, нынѣ покойномъ, надъ башней Германа взвился впервые русскій національный флагъ.

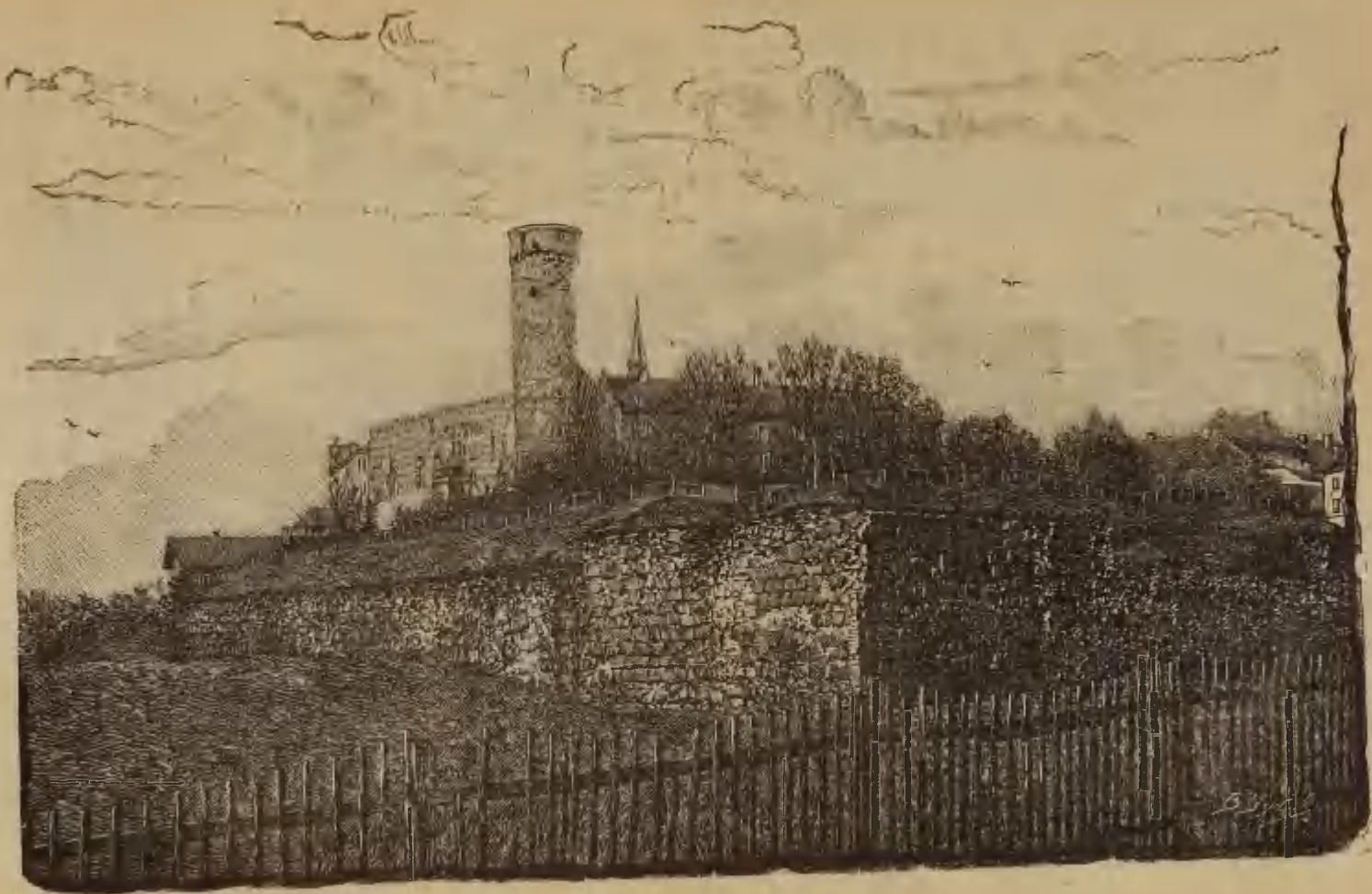
Въ 1792 г. вышгородскій замокъ былъ отданъ эстляндскимъ дворянствомъ въ казну.

Въ 1808 г. былъ пристроенъ правый надворный флигель замка.

Въ 1847 г. на средства эстляндскаго дворянства надстроено третій этажъ находящейся въ замкѣ тюрьмы, съ одиночными камерами, а въ 1874 г. перестроенъ восточный тюремный флигель.

Въ замкѣ помѣщается въ настоящее время большая часть присутственныхъ мѣстъ, квартира губернатора и, въ особомъ флигелѣ, вышгородская тюрьма.

На прилагаемомъ рисункѣ замка, предъ нимъ изображенъ скверъ, занимавшій нѣкогда средину вышгородской площади.

Башня Германа въ Ревелѣ.

Теперь этот скверъ болѣе уже не существуетъ, и на мѣстѣ его будетъ воздвигнутъ православный соборъ. Къ работамъ по его сооружеию уже приступлено. Освященіе мѣста будущаго храма состоялось 30 августа 1893 года.

Возникновеніе находящагося вблизи Ревеля, въ его предмѣстѣ Екатериненталѣ, дворца съ окружающимъ его паркомъ относится къ 1718 году и всецѣло связано съ дорогимъ для русскихъ именемъ Великаго Петра.

Вскорѣ по присоединеніи Эстляндіи къ Россіи, въ 1710 г., Петръ, часто бывавшій въ Ревелѣ, гдѣ, по его приказанію, было приступлено къ устройству купеческой и торговой гаваней, озаботился разведеніемъ роши на пустынномъ, уныломъ морскомъ берегу и повелѣлъ соорудить дворецъ вблизи моря.

Въ 1719 году, Петръ, приѣхавъ съ флотомъ въ Ревель, осматривалъ строившійся, подъ наблюденіемъ итальянскаго архитектора Микетти, дворецъ и, вбѣжавъ на лѣса, собственной рукою вдѣлалъ въ стѣну три кирпича, которые, въ память о великомъ царѣ, всегда остаются не забѣленными и видны по сіе время.

Дворцовый садъ былъ украшенъ водопадами, бассейнами и каналами, вода въ которые проведена была изъ Ервекюльскаго (Бумажнаго) озера чрезъ выписанныя изъ Англіи чугунныя трубы, отправленныя впоследствии, по распоряженію императрицы Анны Иоанновны, въ Петергофъ, для гидравлическихъ работъ тамошняго дворцоваго парка.

Когда постройка дворца и устройство сада были вполне окончены, Петръ прикупилъ нѣсколько крупныхъ земельныхъ участковъ подъ Ревелемъ, какъ, напр., Пеннингербергъ, Аррокюль, Костиферъ и др., и все это мѣсто, стоимостью въ три съ половиною милліона рублей, назначилъ въ удѣлъ супругѣ своей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, назвавъ въ честь ея Екатериненталемъ:

Екатерина I, однако, ни разу не посѣтила своего живописнаго помѣстья послѣ смерти царственнаго супруга.

При императрицѣ Аннѣ дворцовый паркъ былъ лишенъ своихъ водяныхъ затѣй, а принадлежавшіе Екатериненталю участки земли частью раздарены придворнымъ любимцамъ, частью же проданы, при императрицѣ Елисаветѣ, такъ что теперь къ Екатеринентальскому дворцу принадлежитъ лишь паркъ и нѣсколько полей.

Екатеринентальски дворецъ въ Ревелѣ.

Во время пребыванія своего въ Екатериненталѣ, въ іюлѣ 1746 г., императрица Елисавета Петровна подписала, 20-го числа этого мѣсяца, оборонительный договоръ съ австрійской императрицей Маріей-Терезіей, послужившій причиной знаменитой Семилѣтней войны.

Въ бытность императрицы Екатерины II въ Ревелѣ, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, для подъема на гору Лаксбергъ (по эстонски *Lageda mae*, т. е. плоская гора). въ Екатериненталѣ, съ которой открывается дивный видъ на городъ, была устроена широкая каменная лѣстница, существующая и понынѣ.

Мы приберегли къ концу этой главы интереснѣйшую достопримѣчательность Екатеринентальскаго парка — уединенно стоящій у подножья Лаксберга, въ концѣ сада, каменный низенькій, простой архитектуры домикъ великаго русскаго преобразователя, царя-труженика, положившаго основаніе и самому Екатериненталю.

Мы говоримъ объ историческомъ домикѣ Петра Великаго, находящемся въ верхнемъ паркѣ, по прямой линіи отъ задней стороны дворца по направленію къ Лаксбергу.

Домикъ, очень скромный снаружи, еще проще внутри. Внизу маленькая кухня съ большой русской печью, большая сравнительно рабочая-пріемная комната, въ которой стоятъ стариннаго фасона, съ выдвигающимися ящиками, бюро Петра и Екатерины и висятъ потускнѣвшія отъ времени круглыя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, и небольшая спальня съ низенькой широкой кроватью. Наверху — узенькая столовая съ длиннымъ дубовымъ столомъ того времени и массивными, обитыми обетшалой уже теперь кожей, стульями. Невдалекѣ отъ домика небольшая деревянная баня.

Въ этомъ домикѣ жила царственный работникъ въ первое время по завоеваніи Эстляндіи, наблюдая за устройствомъ ревельскаго порта.

По приказанію императора Александра I-го, Петровскій домикъ былъ отремонтированъ и съ тѣхъ поръ содержится въ порядкѣ и чистотѣ. При немъ неотлучно находится сторожъ, впускающій въ него желающихъ осмотрѣть его внутри.

Намъ остается прибавить, что Екатеринентальскій паркъ можно признать лучшимъ изъ дворцовыхъ парковъ сѣвера Россіи. Вдоль морскаго берега тянется густой паркъ-роща съ вѣковыми кленами и могучими дубами, маня прихотливо извивающимися дорожками и живописными уголками, откуда

Домикъ Петра Великаго въ Екатериненталѣ. въ Ревелѣ.

открывается видъ на море, то гладкое, словно стекло, то бурливое и грозно шумящее прибоемъ. Ни Павловскій, ни Царскосельскій парки не могутъ сравниться по красотѣ съ Екатеринентальскимъ, а Петергофскій берегъ верхъ искусственными затѣями, тогда какъ насажденный вельбіемъ Петра садъ Екатериненталя привлекаетъ къ себѣ красотой самой природы.

До какой степени наша балтійская окраина мало мѣняется съ теченіемъ времени, упорно сохраняя свою прежнюю фizioномію и старинный складъ средневѣковаго строя, можетъ вполне ясно сознавать лишь тотъ, кто пожилъ ея жизнью, присмотрѣлся къ ея нравамъ, надышался самымъ воздухомъ остзейскаго поморья. Здѣсь все неизмѣнно то же, что было столѣтія назадъ, почти безъ всякихъ перемѣнъ, ревниво, благоговѣнно оберегаемое, какъ святыня, почти въ тѣхъ же внѣшнихъ формахъ, какъ то было въ сѣдую старину. Культура коснулась этого характернаго края лишь одно-сторонне. Просвѣщеніе наложило на все внѣшній лоскъ, не успѣвъ проникнуть до самыхъ корней и основъ мѣстной жизни, и теперь, накануне XX столѣтія, вы можете встрѣтить здѣсь, среди мѣстныхъ бароновъ, тѣ же взгляды, тѣ же понятія, тѣ же предрасудки, какіе царили въ этой замкнутой кастѣ въ эпоху ордена меченосцевъ. Эта незыблемость внутренней жизни гармонируетъ съ неизмѣняемостью и внѣшняго вида здѣшнихъ поселеній, обычаевъ и порядковъ, сохраняющихся здѣсь со времени шведскаго и датскаго владычества и господства рыцарей, подобно тому, какъ въ консервативной Англій живуть понынѣ не только самыя законодательныя установленія и кастовыя привилегіи, но и самыя обычаи годовъ Вильгельма Завоевателя и Іоанна Безземельнаго.

Такъ, въ Ревелѣ, главномъ городѣ Эстляндской губерніи, или Эстоніи, сохранившемся по настоящее время во многомъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ при датскомъ конунгѣ Вальдемарѣ II, въ началѣ XIII столѣтія, доселѣ существуютъ двѣ старинныя общины, утратившія нынѣ всякое внутреннее значеніе и учрежденныя одна въ XIV-мъ, другая въ XIII-мъ вѣкѣ.

Мы говоримъ о братствѣ *черноголовыхъ* и о *шлѣди св. Канута*—археологическихъ остаткахъ отдаленнѣйшаго прош-

лаго, неукоснительно оберегаемыхъ понынѣ мѣстной жизнью и являющихся краснорѣчивымъ подтвержденіемъ сейчасъ сказаннаго нами о косности нашихъ нѣмецкихъ окраинъ.

Братство черноголовыхъ приурочиваетъ свое возникновеніе къ дню св. Георгія — 23-го апрѣля 1343 года. Въ этотъ день эсты осадили Ревель, Линданиссэ, по эстонски, пытаясь отвоевать его у рыцарей Ливонскаго ордена. Въ числѣ защитниковъ города были купцы, изъ которыхъ магистръ ордена. Бернгардъ Дрейлевенъ, образовалъ особую вооруженную дружину, выработавшую въ послѣдствіи свой особый уставъ. Дружинники должны были быть готовыми охранять городъ въ военное время, а въ мирное время обучались воинскимъ приѣмамъ и составляли почетную стражу магистра ордена. Братство это, состоя изъ купцовъ и нося въ то же время полувоенный характеръ, очень возбуждало противъ себя мѣстное дворянство, оспаривавшее у дружинниковъ право носить оружіе, — привилегію дворянства. Не разъ между дворянствомъ и черноголовыми происходили кровавыя стычки. Братство отвоевало, однако, себѣ право существованія, и оно было подтверждено за черноголовыми послѣдними магистрами Ливонскаго ордена, Фюрстенбергомъ и Кетлеромъ, въ XVI столѣтіи. Въ послѣдствіи, оно было утверждено за братствомъ и императоромъ Петромъ I, въ маѣ 1721 года.

Черноголовые братья были весьма полезны городу, отличаясь храбростью и твердымъ исполненіемъ устава, требовавшаго отъ нихъ качествъ рыцаря: послушанія, преданности религіи и нравственныхъ качествъ. Братья участвовали въ защитѣ Ревеля, во время похода на Ливонскую землю войскъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, подъ начальствомъ воеводы Яковлева. 11-го сентября 1560 года, черноголовые съ гражданами сдѣлали отчаянную вылазку, желая отбить непріятеля, но жестоко поплатились за свою храбрость: большинство изъ нихъ было перебито, многіе попались въ плѣнъ къ русскому воеводѣ.

Въ память павшихъ былъ воздвигнутъobeliskъ — вытесанный изъ камня, высокій четырехконечный крестъ, сохранившійся и донинѣ за Перновской заставой, въ Ревелѣ. На крестѣ надписи именъ погибшихъ. Въ память того же событія въ домѣ черноголовыхъ, въ Ревелѣ, на Морской улицѣ, хранится картина того времени, изображающая погибшихъ братьевъ колѣнопреклоненными предъ Распятіемъ; вдали ландшафтъ Ревеля той эпохи.

2-го мая 1790 года, въ день сраженія русскаго флота со шведскимъ, пытавшимся завладѣть Ревелемъ, братство въ послѣдній разъ принимало участіе, съ оружіемъ въ рукахъ, въ охранѣ города.

Все это было очень давно... Теперь черноголовые не имѣютъ значенія и представляются анахронизмомъ, весьма характернымъ и любопытнымъ.

Братство, какъ уже сказано, имѣетъ свой собственный домъ на Морской (Длинной) улицѣ, вблизи дома гильдіи св. Канута и биржи. Домъ этотъ былъ купленъ общиной 14-го января 1560 года у ревельскаго горожанина Віанда за три тысячи рижскихъ марокъ.

Надъ главной дверью изсѣчены на камнѣ два изображенія братьевъ черноголовыхъ, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, съ опущенными забралами и поднятыми копьями. Подъ ними видна надпись на старо-нѣмецкомъ нарѣчій: *God is mit Nür*, т. е. «Богъ мнѣ въ помощь!». Внутренность дома была нѣсколько разъ передѣлана въ текущемъ столѣтіи.

Братство имѣетъ въ своемъ гербѣ голову негра—изображеніе св. Маврикія, патрона общины. Отсюда и названіе братьевъ — черноголовыми. Впрочемъ, названіе общины объясняется также и тѣмъ, что члены ея носили въ старину особый черный головной уборъ.

Изъ числа братьевъ избирается 12 старшинъ обыкновенныхъ и 4 почетныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ избирается глава общины, называемый ротмистромъ. Въ силу высочайшей грамоты императрицы Екатерины II, отъ 20-го октября 1786 г., ротмистру черноголовыхъ присвоенъ чинъ ротмистра русской арміи.

Въ главной, верхней, залѣ дома братства черноголовыхъ находится много интересныхъ въ историческомъ отношеніи предметовъ, а именно: два древнихъ знамени братства — кожаное и шелковое, голубое, на которомъ золотомъ вышитъ гербъ общины и латинская надпись «*aut viucendum, aut moriendum*», то-есть, должно побѣдить или умереть. Знамя это сдѣлано въ 1661 году — время заключенія міра между Россіей и Швеціей въ Кардисѣ.

Далѣе интересна коллекція серебряныхъ сосудовъ, принесенныхъ въ разное время въ даръ братству его членами и коронованными особами. Особенно характеренъ кубокъ, въ видѣ оленьей ноги, подаренный братству Петромъ I. Имъ же подарены общинѣ четыре массивные серебряные подсвѣчники изящной работы. Тутъ же хранятся пожалованные черного-

Домъ братства Черноголовыхъ (2-й слѣва) и домъ гильдии св. Катуа (6-й слѣва) въ Ревелѣ.

ловымъ серебряные, вызолоченые кубки императорами Александромъ I и Николаемъ I.

Обращаютъ также здѣсь на себя вниманіе собраніе старинныхъ панцирей, шлемовъ, копій и рогатинъ и богатая коллекція портретовъ датскихъ и шведскихъ королей и королей и русскихъ императоровъ и императриць, писанныхъ масляными красками, во весь ростъ и въ пояскомъ видѣ. Въ числѣ ихъ особенно бросается въ глаза прекрасно сдѣланный поясной портретъ царя, принимаемый обыкновенно за изображеніе Іоанна Грознаго, въ молодые годы. Однако, отсутствіе всякаго сходства этого изображенія съ извѣстными портретами Грознаго и выставленный на немъ 1639-й годъ даетъ основаніе думать, что это портретъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Тутъ же виситъ и древній рѣзной гербъ братства черно-головыхъ, изображающій св. Георгія Побѣдоносца, убивающаго дракона; надъ гербомъ двѣ рѣзныя фигуры братьевъ, въ полукафтанахъ и шляпахъ, поддерживающую голову св. Маврікія.

Интереснѣйшее достояніе братства—это книга, хранящая на своихъ пожелтѣвшихъ отъ времени страницахъ имена Высочайшихъ Особъ, удостоившихъ внести свои имена въ число почетныхъ членовъ братства.

На первомъ листѣ этой примѣчательной книги твердымъ и яснымъ почеркомъ начертано «Петръ», подъ титломъ, а внизу другой рукой добавлено: «въ Ревелѣ 1711 года декабря 26-го дня для братьевъ черно-головыхъ 30 червонныхъ».

Далѣе слѣдуютъ имена и вклады лицъ царской свиты: «князь Илья Трубецкой вять червонныхъ, Голицынъ три червонныхъ, графъ Гаврила Головкинъ десять червонныхъ» и т. д.

Въ этой же книгѣ имѣются собственноручныя подписи императоровъ Александра I, 10-го мая 1804 года, Николая I, 31-го октября 1827 года, и дважды подпись наследника цесаревича Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II, а именно: 20-го іюня 1829 года и 7-го іюня 1849 года. Затѣмъ слѣдуютъ подписи нынѣ почившаго великаго князя Константина Николаевича, 11-го іюня 1836 года, герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, 27-го мая 1840 года, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, 28-го іюня 1884 года, и великаго князя Владимира Александровича съ великой княгиней Маріей Павлов-

ной, 13-го іюня 1886 года. 14-го іюня 1843 года община была осчастливлена посѣщеніемъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III совмѣстно съ августѣшими братьями, великими князьями Николаемъ Александровичемъ и Владиміромъ Александровичемъ, а въ іюнѣ 1871 года удостоилась видѣть у себя Государыню Императрицу Марію Феодоровну.

Почти рядомъ съ домомъ черноголовыхъ, на той же Морской улицѣ, идущей отъ Вышгородскаго замка, къ взморью, стоитъ высокій, красивый домъ другого живого архаизма Ревеля—гильдіи св. Канута.

Гильдія эта возникла болѣе 600 лѣтъ тому назадъ и имѣла своей цѣлью огражденіе ревельскихъ ремесленниковъ отъ эксплуатаціи высшихъ классовъ и единеніе своихъ членовъ въ области религіи и нравственности. Гильдія имѣла свое особое управленіе и свою церковь. Покровителемъ гильдіи считается св. Кануть Великій, изображеніемъ котораго съ надписью: *Sanctus Canutus ora pro nobis*, то-есть, «св. Кануть, молись за насъ», украшенъ древнѣйшій списокъ устава гильдіи. Онъ относится къ XV столѣтію и заключаетъ въ себѣ 62 параграфа, опредѣляющихъ права и обязанности членовъ.

Управляемая своими выборными старшинами, подчиненными ревельскому магистрату, гильдія св. Канута, во времена владычества Ливонскаго ордена, принимала дѣятельное участіе въ рѣшеніи мѣстныхъ политическихъ вопросовъ.

Въ эпоху владычества Швеціи надъ Эстоніей, гильдія получила право участвовать въ контролѣ финансоваго управленія Ревеля. Въ 1698 г. съ ней окончательно слилась гильдія св. Олая.

Какъ сказано выше, гильдія имѣла свою особую церковь, гдѣ, кромѣ главнаго алтаря, сооруженнаго всей гильдіей, были особые алтари цеховъ, обезпеченные богатыми вкладами. Это кирка св. Николая, существующая и понынѣ въ Ревель, близъ Вышгорода, на углу Николаевской и Рыцарской улицъ.

Николаевская кирка настолько интересна въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, что мы не можемъ не сказать о ней здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Кирка эта построена около 1317 года ревельскимъ епископомъ Николаемъ. Въ ней замѣчательна иконостасъ, сдѣланный во вкусѣ такъ называемой нѣмецкой школы и изготовленный въ XV в., въ Любекѣ. Лицевая часть его—двухстворчатая, съ изображеніемъ святыхъ. При растворенныхъ

половинкахъ складня взорамъ представляются большіе горельефы, частью позолоченные, частью расписанные, 32 святыхъ; между ними 36 малыхъ горельефовъ лицъ Ветхаго и Новаго Завѣта. При полузакрытыхъ дверкахъ видны еще створы съ 16 изображеніями моментовъ изъ житій св. Николая, покровителя храма, и св. Виктора, патрона бывшей Ганзы.

Живопись по золотому полю сохранилась очень хорошо и сдѣлана весьма искусно, при чемъ историческая часть изображеній сильно хромаетъ, такъ какъ названные святые облачены въ одежду рыцарей XIV и XV столѣтій!

Для членовъ магистрата, проповѣдниковъ, для каждой гильдіи и почти для каждаго цеха, въ церкви устроены особыя мѣста съ подобающими эмблемами и украшеніями на самыхъ сидѣнїяхъ или по близости, на стѣнахъ и столбахъ.

На хорахъ, въ сѣверной сторонѣ кирки, изображены событія изъ исторіи Іакова и Іосифа въ картинахъ XVII вѣка. На первой картинѣ, съ надписью «Іаковъ ѣдетъ къ Іосифу», Іаковъ изображенъ въ каретѣ съ четверкой лошадей, которыми управляетъ кучеръ эстонецъ, а на картинѣ смерти Іакова за гробомъ покойнаго патріарха идетъ толпа людей въ черныхъ костюмахъ и бѣлыхъ нагрудникахъ лютеранскаго духовенства.

Весьма оригинальна также надгробная доска на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія, подъ плитами церкви, перваго ревельскаго суперъинтендента Генриха Бока, скончавшагося 28 октября 1549 года, съ изображеніемъ покойнаго на смертномъ одрѣ. Его рекомендовали ревельцамъ самъ Мартинъ Лютеръ и Филиппъ Меланхтонъ собственноручнымъ письмомъ, еще сохранившимся въ здѣшнемъ музеѣ, отъ 17 мая 1540 г., къ мѣстному бургомистру и магистрату.

На паперти находится изображеніе пляски мертвецовъ, которое, судя по сходству его съ подобнымъ же изображеніемъ (1463 г.) въ Маріинской церкви въ Любекѣ, принадлежитъ къ XV вѣку. Впереди хора шествуетъ смерть, играя на флейтѣ, за нею слѣдуетъ скелетъ, который, обращаясь къ папѣ, говоритъ: «къ этой пляскѣ я допускаю всѣхъ безъ исключенія; папы, императоры и всѣ творенія—нищіе, богатые, великіе и малые, выступайте впередъ; теперь не поможетъ никакое раскаяніе!». Второй скелетъ увлекаетъ въ пляску императора, третій императрицу, четвертый кардинала, пятый короля.

Къ достопримѣчательностямъ Николаевской кирки относится также и хранящееся въ ней, въ особомъ склепѣ, превратившееся въ мумію тѣло герцога де-Кроа.

Родомъ изъ Бельгіи, герцогъ де-Кроа, послѣ неудачнаго похода противъ турокъ съ войсками Леопольда I, поселился въ Россіи, поступилъ на русскую службу и былъ въ Нарвѣ главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Въ 1700 г., послѣ побѣды Карла XII при Нарвѣ, герцогъ былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Ревель, гдѣ жилъ подъ надзоромъ коменданта крѣпости и умеръ въ 1702 г.

Такъ какъ денегъ для похоронъ, соотвѣтствующихъ высокому положенію покойнаго, и на покрытіе его долговъ не оказалось, то трупъ герцога поставили въ склепъ часовни, такъ называемой Резенской, налѣво отъ входа, и не предали землѣ. Благодаря особому свойству почвы тѣла, погребенныя подъ плитами Николаевской кирки, не подвергаются гніенію. закаменѣвая словно муміи. То же случилось и съ трупомъ герцога, который долгое время служилъ предметомъ осмотра пріѣзжающихъ въ Ревель иностранцевъ и путешественниковъ. Только сравнительно недавно, въ началѣ 60-хъ годовъ, прахъ герцога, по распоряженію начальства, былъ преданъ наконецъ, землѣ.

Вокругъ кирки — старыя густолиственные липы образуютъ двѣ тѣнистыхъ аллеи, придающихъ большую красоту церкви и служащихъ мѣстомъ отдохновенія горожанъ въ лѣтнее время.

Домъ гильдіи сильно пострадалъ отъ пожара въ 1680 году и былъ затѣмъ капитально отремонтированъ. Затѣмъ, вслѣдствіе ветхости, онъ былъ, въ 1862 г., разобранъ, и на его мѣстѣ заново возведено было зданіе гильдіи, освященное 6 ноября 1864 г. и стоящее понынѣ. Постройка эта потребовала денегъ болѣе, чѣмъ было ассигновано членами гильдіи, и была окончена лишь благодаря выданной казною ссудѣ, въ размѣръ 20 тысячъ рублей, которая будетъ окончательно погашена въ 1901 г.

Чѣмъ же занимаются теперь «братья» черноголовые и члены славной нѣкогда Канутовой гильдіи?

Гильдія призрѣваетъ 20 престарѣлыхъ вдовъ ремесленнаго званія въ особой богадѣльнѣ; черноголовые занимаются той же филантропической дѣятельностью среди мѣстныхъ купцовъ.

Обѣ общины устраиваютъ въ своихъ залахъ концерты и вечера для своихъ членовъ, которые, сидя мирно за кружкой пива, съ газетой въ рукахъ, вспоминаютъ объ интересномъ прошломъ своихъ «черноголовыхъ» предшественниковъ и общникахъ гильдіи Великаго Канута.

II.

Евангелическо-лютеранская церковь во имя Богоматери на Вышгородѣ, соборная нѣмецкая церковь въ Ревелѣ ¹⁾, расположена на маленькой четырехъугольной площадкѣ недалеко отъ замка, противъ сравнительно новѣйшей постройки дома эстляндскаго дворянства, и окружена старинными густолиственными деревьями, заглядывающими въ ея узкія окна.

Она выстроена въ 1240 году королемъ датскимъ Вальдемаромъ II, при учрежденіи ревельской епископіи, и содержится на средства исключительно эстляндскаго дворянства, какъ прежде поддерживалась мѣстнымъ рыцарствомъ. До 1565 года ревельскій епископъ и капитулъ вышгородскаго собора упорно держались католичества. Бывшій епископъ въ Упсалѣ Петръ Фолингъ былъ первымъ лютеранскимъ епископомъ Ревеля.

Внутренность церкви, сравнительно небольшихъ размѣровъ, украшена старинными гербами дворянскихъ рыцарскихъ родовъ, представители которыхъ нашли вѣчное успокоеніе подъ ея древними плитами. Такимъ образомъ, вышгородская церковь является усыпальницей мѣстной знати, своего рода геральдическимъ пантеономъ Эстоніи.

Слѣдующія могилы въ ней обращаютъ на себя особое вниманіе.

Налѣво отъ алтаря возвышается красивый мраморный памятникъ надъ прахомъ храбраго Понтуса де-ла-Гарди (Pontus-de-la-Gardie), происходившаго изъ стариннаго французскаго рода ²⁾. Въ молодости де-ла-Гарди былъ противъ воли предназначенъ родителями къ духовному званію и отданъ въ монастырь, откуда бѣжалъ и поступилъ въ военную службу. Онъ долго служилъ въ Пьемонтѣ подъ начальствомъ маршала Брисака, потомъ въ войскѣ, посланномъ французскимъ королемъ Генрихомъ II въ Шотландію на помощь Маріи Стюартъ противъ бунтовщиковъ, затѣмъ въ арміи Фридриха II, короля датскаго, начавшаго войну съ Эрикомъ XIV, королемъ Швеціи. Отважный воинъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и въ 1565 г. перешелъ на службу Швеціи. Заслуживъ расположеніе короля, онъ былъ вскорѣ отправленъ ко двору Карла IX французскаго, слабодушнаго сына Екатерины Медичи и брата

¹⁾ Die Ritter-und Domkirche. См. Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revels, von Gotthard v. Hansen, Reval. 1885.

²⁾ Ibid., стр 62.

романической «королевы Марго». За участие въ дворцовомъ переворотѣ, отдавшемъ престоль въ руки Іоанна III, брата короля, онъ получилъ мѣсто дворцоваго коменданта. Послѣ войны съ Россіей, въ 1570 году, и Даніей, въ 1571 году, де-ла-Гарди состоялъ шведскимъ посломъ при папѣ Григоріи XIII. Въ 1580 году онъ женился на Софіи Гульдегельмъ, (Guldehelm), побочной дочери короля, а три года спустя уѣхалъ въ Ингрію воевать съ русскими и затѣмъ получилъ постъ генераль-губернатора Ингріи и Эстоніи. Возвращаясь, въ 1585 году, въ Ингрію для переговоровъ о мирѣ съ Россіей, онъ утонулъ при переправѣ чрезъ рѣку Нарву. Тѣло его было доставлено въ Ревель и погребено въ вышгородскомъ соборѣ, гдѣ надъ прахомъ его и супруги, скончавшейся въ 1593 году, поставленъ граціозный памятникъ — саркофагъ изъ бѣлаго мрамора съ изображеніемъ города Нарвы и рѣки Наровы и соотвѣтствующей латинской эпитафіей въ стихахъ. Надъ гробницей висятъ гербы де-ла-Гарди и Гульдегельмовъ.

Здѣсь также покоится тѣло графа Матѣя фонъ Турна (graf Mathias von Thurn), родомъ изъ Богеміи. Графъ происходилъ изъ многочисленнаго аристократическаго рода, представители котораго встрѣчаются въ разныхъ странахъ, нося во Франціи фамилію de-la-Tour, въ Италіи — de-la-Torri, въ Испаніи — de-los-Torros и въ нѣмецкихъ земляхъ — von Thurn. Графъ Турнъ служилъ нѣкогда капитаномъ въ австрійской арміи и прославился отвагой во время венгерскихъ войнъ 1592—1607 годовъ. Въ раздорѣ между императоромъ Рудольфомъ и братомъ его эрцгерцогомъ Матѣемъ, ставшимъ королемъ Богеміи и покровителемъ протестантства, графъ, сочувствуя этому ученію, принялъ сторону эрцгерцога. Во время вспыхнувшей вскорѣ затѣмъ тридцатилѣтней войны графъ игралъ выдающуюся роль. Послѣ пораженія подъ Прагой, въ 1620 году, Турнъ потерялъ свои земли и спасся бѣгствомъ. Онъ служилъ затѣмъ въ разныхъ странахъ и въ разныхъ арміяхъ — въ Трансильваніи, Голландіи, въ Венеціи, у Христіана IX датскаго ц, наконецъ, подъ знаменами знаменитаго Густава Адольфа, участвуя, въ качествѣ генерала, въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ, 7-го сентября 1631 года, и Люденѣ, 6-го ноября 1632 года.

Семидесятилѣтнимъ старцемъ Турнъ окончилъ свои дни въ Перновѣ, въ Ливоніи, у сына, одареннаго Густавомъ Адольфомъ землею и титуломъ графа Перновскаго. Престарѣлый рыцарь умеръ въ 1640 году и былъ погребенъ, по его желанію, въ вышгородскомъ соборѣ въ Ревелѣ.

Противъ главнаго входа въ соборъ возвышается величественный, сдѣланный въ Италіи изъ карарскаго мрамора, памятникъ, поставленный императрицею Екатериною II надъ могилою знаменитаго русскаго моряка — адмирала Самуила Грейга, отличившагося въ войнахъ со шведами и турками въ 1788 году и умершаго въ томъ же году въ Ревелѣ.

На памятникѣ слѣдующая латинская надпись:

Samueli Greigio
Scoto
Summo Russ. Class. Praefecto
nat. MDCCXXXV, denat. MDCCLXXXVIII
Hunc
Archipelagus et mare balticum
Oraque sospes ab hostium ignibus
Hunc
virtutum laudes et
Magnanimae Catharinae II
superstes dolor
perpetuo carmine celebrant ¹⁾.

Направо отъ алтаря мраморная пирамида означаетъ мѣсто погребенія бывшаго флигель-адъютанта императора Александра I, графа Фердинанда фонъ-Тизенгаузена, убитаго подъ Аустерлицемъ 2-го декабря 1805 года. На памятникѣ короткая надпись: Der Vater dem Sohne (отецъ сыну).

Налѣво — могила бывшаго ревельскаго коменданта Карла Горна, защищавшаго, въ 1571 году, городъ отъ Юанна Васильевича Грознаго.

Рядомъ съ могилою адмирала Грейга покоится прахъ адмирала Крузенштерна, знаменитаго мореплавателя, родившагося 7-го ноября 1770 года и умершаго 12-го августа 1846 года. Въ 1803 -- 1806 годахъ адмиралъ Крузенштернъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ фрегатами «Надежда» и «Нева». Въ 1826 году онъ былъ назначенъ директоромъ морского корпуса. Надпись на памятникѣ слѣдующая:

Adam Iobann v. Krnsenstern
geb. 1770 gest. 1846.
Vermählt mit Julie won Taube.

¹⁾ Т. е.: Самуилу Грейгу, шотландцу, адмиралу русскаго флота, рожденному въ 1735 году, умершему въ 1788 году; Архипелагъ. Балтійское море и берегъ, уцѣлвшій отъ непріятельскихъ огней, доблестная память и пережившая его скорбь великой духомъ Екатерины II восхваляютъ его въ не-престанныхъ славословіяхъ.

Первому русскому плавателю кругомъ свѣта.

1803 — 1806.

Въ вышгородской же лютеранской церкви погребена также и графиня Маргарита Гойа (Нова), сестра короля Густава Вазы, которая скончалась въ Ревель, гдѣ мужъ ея, генераль-губернаторъ Финляндіи, проводилъ нѣкоторое время, путешествуя съ цѣлью поправленія здоровья. Мѣсто могилы этой царственной покойницы подъ плитами собора до сихъ поръ еще, однако, въ точности не опредѣлено, какъ и мѣста многихъ ⁴⁾ извѣстныхъ въ свое время лицъ, похороненныхъ въ этой старинной ревельской церкви.

Тамъ, гдѣ теперь возвышается скромная и небольшая католическая церковь, на Никольской улицѣ (Rusz-strasze), въ узкомъ дворѣ, надъ воротами котораго виднѣется въ нишѣ бѣлая фигура Христа Спасителя, нѣкогда находился католическій монастырь доминиканцевъ.

Монастырь этотъ, во имя св. Екатерины, былъ построенъ въ XIII вѣкѣ, при Эрикѣ V.

Въ первой четверти XVI столѣтія, въ эпоху гоненія протестантовъ на образа, монастырь сильно пострадалъ.

Въ томъ же столѣтіи магистратъ и гильдіи обвиняли монаховъ въ расхищеніи монастырскаго имущества и присвоеніи монастырскихъ денегъ, вслѣдствіе чего доминиканцамъ было предложено или покинуть монастырь или же перейти въ лютеранство. Вѣрные сыны католической церкви, конечно, предпочли первое и разошлись въ разныя стороны, исключая немногихъ престарѣлыхъ монаховъ, которымъ было разрѣшено оставаться на старомъ мѣстѣ. Что же касается монастырскаго начальства, пріора, его помощника и прокуратора, то они были задержаны и отпущены на свободу только тогда, когда возвратили часть захваченныхъ драгоценностей ризницы.

Въ монастырѣ помѣщалась затѣмъ городская школа. Оставшаяся въ монастырѣ братія, не желая допускать въ стѣнахъ своей обители еретическаго въ ея глазахъ ученія Лютера, подожгла старинное монастырское зданіе и во время пожара скрылась.

⁴⁾ Какъ, напр., могила сына шведскаго короля Карла IV — Филиппа (См. G. v. Hausen, op. cit, стр. 65).

Король шведскій Карль XI приказаль возстановить зданіе и помѣститъ въ одной части его арсеналь, а въ другой городское училище. Училище это, пользуясь поддержкой магистрата и духовенства, существовало до 1807 года въ томъ самомъ зданіи, которое теперь служитъ католическою церковью во имя святыхъ Петра и Павла, и гдѣ, до основанія школы, помѣщалась монастырская общая зала (refectorium).

Прилегающіе теперь къ церкви дома (приблизительно восемь) стоятъ на мѣстѣ прежнихъ келій, сохраняя, въ видѣ подваловъ, прежніе подземные ходы доминиканской обители.

Старыя монастырскія стѣны давно разрушились, частью сами собой, частью разрушены нарочно, во избѣжаніе опасныхъ обваловъ,—какъ и большая часть городскихъ стѣнъ,— и теперь отъ прежняго монастыря осталась лишь его прежняя зала, теперешняя католическая церковь въ Ревелѣ.

На Большомъ, или такъ называемомъ Шведскомъ, рынкѣ возвышается старинное зданіе городской ратуши со стрѣльчатыми, готическаго типа, окнами и дверями, и высокой башней.

Направо отъ главной, посрединѣ зданія, двери еще доселѣ на старой стѣнѣ висятъ ошейники и цѣпи, въ которыхъ прежде преступники публично выставлялись предъ народомъ.

На первой площадкѣ лѣстницы, на стѣнѣ, виситъ черная доска съ латинскою позолоченною надписью, убѣждающей каждаго переступающаго порогъ магистрата члена городского совѣта сбросить съ себя лицепріятіе, вражду, гнѣвъ и приступить къ общественнымъ дѣламъ съ безпристрастіемъ, спокойствіемъ и чистою совѣстью, при чемъ дѣлается напомианіе, что поскольку кто погрѣшитъ или сдѣлаетъ добро въ отношеніи ближняго, постольку отвѣтитъ или будетъ награжденъ на судѣ Божіемъ. Зала засѣданій городского совѣта украшена превосходной деревянной рѣзбой XIV в.,—подарокъ городу шведскаго короля Карла XI, — и старинными картинами масляной краски работы Іогана Акена; ихъ числомъ восемь и всѣ онѣ библейско-евангельскихъ сюжетовъ.

Ревельская ратуша обладаетъ интересными документами, какъ, на примѣръ, стариннымъ экземпляромъ кодекса Любекскаго права 1257 года, собственноручными письмами Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона, собраньемъ актовъ, касающихся городскихъ привилегій и пр. Богатый архивъ ма-

гистрата, заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы, касающіеся прибалтійскаго края, не приведенъ еще донинѣ въ полный порядокъ и необходимую систему.

Время построения ратуши въ точности неизвѣстно ¹⁾. Его нельзя съ достовѣрностью относить къ 1219 году, эпохѣ возникновенія Ревеля, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, было ли городу дано муниципальное устройство тотчасъ по его основаніи. Въ XIII в. маленькіе города не управлялись магистратами, а имѣли общинное устройство, съ 2—3 старшинами во главѣ. Поэтому, по всей вѣроятности, муниципальное устройство возникло въ Ревелѣ съ постепеннымъ развитіемъ въ немъ торговли и образованіемъ ремесленныхъ цеховъ, то-есть приблизительно въ 1248 году, когда король Эрикъ V даровалъ Ревелю любекское право. Такимъ образомъ ревельская ратуша была выстроена между 1248—1249 годами. Что же касается ея башни, то достовѣрно извѣстно, что она была возведена въ 1665 году на средства города подъ наблюденіемъ муниципальнаго совѣтника Югана Мюллера ²⁾.

Ревельскій магистратъ имѣлъ то же устройство, что и любекскій. Постепенно пріобрѣталь онъ всѣ необходимыя городу права и привилегіи,— между прочимъ, и право чеканить монету, что было очень важно для торговли въ то время, когда денежная цѣнность не имѣла опредѣленной нормировки. Муниципалитетъ состоялъ изъ 12 членовъ и 2 бургомистровъ, ежегодно смѣняемыхъ по выборамъ. Избранія въ муниципальный совѣтъ происходили всякое 21 декабря, въ день св. Тины, и о результатѣ выборовъ объявлялось горожанамъ. Члены совѣта дѣлили между собою по соглашенію обязанности по городскому управленію, при чемъ для каждой отдѣльной отрасли хозяйства было по двое наблюдательныхъ члена, съ двумя бургомистрами во главѣ, какъ сказано выше. Такъ было два казначея, два сборщика податей, два контролера, два надзирателя за торговыми погребами и складами и т. д.

Кромѣ того на членахъ городского совѣта лежала обязанность полицейская и сыскная, обязанность представительства на провинціальныхъ сѣздахъ, на сеймахъ ганзейскихъ

¹⁾ Itinéraire de Réval, par R. von Rentlinger, St. Pétersbourg, 1847.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ Ревеля (напр., Führer durch Reval, 1868) утверждается, что башня эта построена Юганомъ Мюллеромъ; по найденнымъ въ архивѣ ратуши даннымъ это не вѣрно: I. Мюллеръ наблюдалъ только за ея постройкой, а не строилъ ее на свои средства.

городовъ и на всякаго рода совѣщаніяхъ и собраніяхъ, которыя до такой степени участились въ XVI столѣтіи, что сдѣлались, по истинѣ, тяжкимъ бременемъ для городскихъ муниципій.

Во время посольствъ и войны муниципальнымъ членамъ также доставалось на долю немало хлопотъ и расходовъ. На войну они отправлялись по очереди. Эта повинность была, однако, вскорѣ облегчена «черноголовыми»¹⁾, которые принимали усердное участіе въ военныхъ дѣлахъ города, но зато посольства очень тяжело отзывались на представителяхъ муниципій. Почти каждый годъ кто нибудь изъ нихъ обязанъ былъ ѣхать въ Любекъ для присутствованія на тамошнемъ ганзейскомъ сеймѣ, что сопряжено было и съ большими расходами, и съ дальностью пути²⁾, и, наконецъ, съ опасностями подвергнуться въ дорогѣ нападенію разбойниковъ, что зачастую и случалось. Часто приходилось ѣздить имъ также въ Ливонію, на мѣстные съѣзды, въ Новгородъ Великій или къ русскимъ границамъ, для возобновленія трактатовъ.

Въ послы выбирали обыкновенно изъ людей помоложе, болѣе подвижныхъ и отважныхъ, и снабжали ихъ на дорогу отъ города обильными съѣстными припасами, лошадьми и цѣлымъ штатомъ кучеровъ, конюховъ, слугъ и придверниковъ.

Магистратъ въ Ревелѣ имѣлъ въ своихъ рукахъ винную монополію и получалъ отъ нея большія выгоды, благодаря обильному вывозу вина въ Россію.

Доходъ отъ налога съ лавокъ и погребовъ былъ также весьма значительный; мельницы давали еще больше. Ихъ было въ Ревелѣ три: городская, монастыря св. Михаила и королевская. Послѣднія двѣ были потомъ уступлены городу: короной, въ 1345 году, и монастыремъ, при аббатисѣ Маргаритѣ фонъ-Рикенъ.

Ежегодно закрытіе засѣданій городского совѣта предъ новыми выборами заканчивалось въ Ревелѣ очень торжественной церемоніей. Наканунѣ дня св. Тѳомы, 21-го декабря, въ 2 часа дня, магистратъ въ полномъ составѣ собирался въ церкви св. Духа, служившей капеллой ратуши, какъ уже было упомянуто выше, чтобы возблагодарить Бога за истекающій годъ. Сюда же приходили и гильдіи. По окончаніи богослуженія магистратъ шелъ въ ратушу по переполненной

¹⁾ См. выше.

²⁾ 210 миль.

Лютеранская Вышгородская церковь.

народомъ площади, а городскія гильди устанавливались въ колонны предъ зданіемъ городского совѣта. Поднявшись на крыльцо ратуши, члены магистрата останавливались, и предъ ними церемоніальнымъ маршемъ проходили городская конница и артиллерія. Затѣмъ, магистратъ отдавалъ отчетъ городу въ управленіи за годъ и назначалъ извѣстную сумму денегъ въ пособіе бѣднымъ.

Въ 6 часовъ вечера, большая гильдія купцовъ и гильдія св. Канута ¹⁾ собирались въ ратушѣ и вносили издревле установленный налогъ по ригсдалеру за каждаго горожанина и за каждый домъ. Вечеромъ магистратъ in corpore провожалъ свой служебный годъ товарищескимъ ужиномъ.

Въ настоящее время въ ревельской ратушѣ засѣдаетъ городская дума.

Надъ главною дверью ратуши, въ стѣнѣ, вдѣланы большіе часы съ боемъ (въ 1843 году), освѣщаемые изнутри ночью, работы ревельскаго часовщика Гаазе. Они отличаются большою вѣрностью.

На площади Большого рынка, предъ зданіемъ ратуши, ближе къ лавкамъ, посрединѣ которыхъ идетъ узенькій проходъ, выходящій на Длинную (Морскую) улицу, обращаютъ на себя вниманіе два камня, образующіе собою треугольникъ. По преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ былъ нѣкогда казненъ какой-то прегрѣшившій священникъ. Въ виду сходства этого треугольника съ буквою L, въ перпендикулярно сложенныхъ камняхъ желали видѣть первоначальную букву фамиліи казненнаго, предполагая, что это былъ пасторъ Ланге (Lange).

Со времени реформаціи въ Ревелѣ былъ только одинъ пасторъ, носившій такое имя, который въ 1523 году былъ назначенъ священникомъ церкви св. Николая ²⁾ и умеръ въ этомъ санѣ 4-го августа 1531 года, во время чумной эпидеміи въ Эстоніи. Изъ деревенскихъ пасторовъ, не бывшихъ, впрочемъ, подъ властью городского магистрата былъ только одинъ, носившій имя Ланге, — Магнусъ Эрикъ Ланге, пасторъ въ Ноле, умершій въ 1667 году въ своемъ приходѣ. Былъ епископъ д-ръ Іаковъ Ланге, послѣдній епископъ Эстоніи, который въ 1700 году, незадолго до присоединенія Эстляндіи къ Россіи, бѣжалъ въ Швецію и умеръ тамъ епископомъ липкингскимъ (Lipkoering).

Предполагая, что интересующіе насъ камни означаютъ мѣсто казни одного изъ ревельскихъ пасторовъ, — мы находимъ одного дѣйствительно казненнаго ex-пастора въ Ревелѣ, но онъ былъ иностранецъ и фамилія его не начиналась буквой L.

Вотъ что намъ извѣстно по этому поводу. Нѣкто Эліасъ Христіанъ Панике, уроженецъ Вестфаліи, былъ, въ 1686 году,

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

Ревельская ратуша.

назначенъ пасторомъ въ Гангенбитенгеймѣ, въ нижнемъ Эльзасѣ, но во время похода французовъ, въ 1688 году, на Германію, окончившагося завоеваніемъ нѣмецкихъ владѣній за Рейномъ, лишился сана и, ведя скитальческую жизнь, очутился, наконецъ, въ Ревелѣ, гдѣ, въ 1693 году, для него была устроена подписка, въ виду бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Панике былъ человѣкомъ далеко неодобрительнаго поведенія, склоннымъ къ разгулу и азартной игрѣ. 26-го декабря 1694 года онъ зашелъ въ трактиръ «Рига», находившійся въ одномъ изъ форштадтовъ Ревеля, и завелъ ссору съ трактирной служанкой, во время которой ударомъ топора положилъ ее на мѣстѣ. Панике былъ тотчасъ же заключенъ въ тюрьму, а 11-го января 1695 года ревельскій магистратъ приговорилъ его къ казни посредствомъ обезглавленія мечемъ. 14-го января, королевская консисторія, которой былъ тогда подчиненъ магистратъ въ дѣлахъ духовныхъ, утвердила приговоръ магистрата, лишила обвиненнаго всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ и распорядилась снять съ него пасторскую одежду, въ которой онъ доселѣ ходилъ. 18-го января, окруженный городскими священниками, онъ былъ приведенъ на Большой (Шведскій) рынокъ, гдѣ стоитъ ратуша, и обезглавленъ, по всей вѣроятности, именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь мы видимъ сложенные угломъ камни, о которыхъ идетъ рѣчь ¹⁾.

На Длинной (Морской) улицѣ обращаетъ на себя вниманіе расположенное какъ разъ противъ уже извѣстной читателямъ кирки св. Духа и выходящее задней стороною на Широкою улицу старое, некрасивое зданіе, съ непропорціонально вытянутымъ верхомъ, на которомъ виднѣются бѣлые кресты на красномъ фонѣ въ медальюнахъ датскаго ордена Данеброга. Это домъ большой гильдіи (купцовъ) въ Ревелѣ, которой упомянутый орденъ былъ пожалованъ Эрикомъ V, въ память основанія гильдіи, въ 1249 году.

Зданіе гильдіи относится къ XIV вѣку. Очень оригинальны его наружныя массивныя двери, поставленныя въ 1430 году, тяжелыя кольца которыхъ вдѣланы въ выпуклыя львиныя морды, окружены надписями: *Gotde-ghenedict-al-dat-byr-is-*

¹⁾ R. von Rentlinger, op. cit., стр. 161—164.

Развалины монастыря св. Бригиты близъ Ревеля

unde-poch-komen-sol», т. е. да благословить Богъ того, который здѣсь идетъ, и того, который пройдетъ, и «Anno-domini - millesimo - CCCCXXX - o - rex - gloriae - veni - in - pace - 1430», то-есть «въ годъ Господа 1430-й; о, царь славы, иди въ миръ». Большая зала гильдии довольно обширна, со сводами, поддерживаемыми красивыми колоннами. Въ малой залѣ виситъ на стѣнѣ шведскій государственный гербъ и гербъ гильдии, портретъ во весь ростъ короля шведскаго Эрика XIV и поясной императора Александра II въ драгунскомъ мундирѣ.

Простѣнки сводовъ заняты масляными картинами болѣе поздняго времени, Леопольда Пезольда—средневѣковой народный праздникъ въ Ревелѣ, и Шпренгеля — сцена прибытія въ Ревель перваго посла отъ Лютера.

Въ домѣ большой гильдии происходятъ теперь засѣданія биржи.

Верстахъ въ двухъ отъ Ревеля, за Екатериненталемъ, близъ мѣстечка Кошъ, возвышаются на морскомъ берегу живописныя развалины монастыря во имя св. Бригиты, на рѣкѣ, называемой Бригитовкой.

Святая Бригита жила въ Швеціи въ XIV столѣтіи. Послѣ смерти мужа, королевскаго сенатора Ульфо Гундмара въ Упсалѣ, она, вмѣстѣ съ дѣтьми путешествуя по разнымъ странамъ, всюду стяжала себѣ славу за добрыя дѣла и широкую благотворительность. Св. Бригита долгое время жила въ Италіи, въ Римѣ, Неаполѣ и Сициліи, была также и въ Іерусалимѣ и вездѣ являлась утѣшительницей бѣдныхъ и угнетенныхъ. Послѣ ея кончины, послѣдовавшей въ 1373 году, она была причислена къ лику святыхъ, въ 1391 году, при папѣ Бонифаціи IX. Св. Бригита умерла въ Римѣ, гдѣ въ соборѣ св. Павла сохраняется распятіе, говорившее, по народному повѣрью, съ этой замѣчательной женщиной. Это распятіе работы Пьетро Каватини, славнаго ученика знаменитаго Джіотто.

Въ числѣ многихъ монастырей, основанныхъ въ честь св. Бригиты, бригитскій монастырь подъ Ревелемъ возникъ, благодаря усердію трехъ горожанъ: архитектора Генриха Швальберга, Генриха Гуксера (Huxer) и Гарлаха Крузе. Лица эти пожертвовали на монастырь все свое состояніе и сами сдѣлались монахами. Постройка монастыря длилась 29 лѣтъ. Въ расходахъ на нее принимало участіе также мѣстное дворянство, городъ и шведское правительство.

Православная церковь св. Николая Чудотворца въ Реселѣ.

Въ 1443 году монастырь былъ освященъ епископомъ Генрихомъ Иксюлемъ, и Герлахъ Крузе былъ первымъ монастырскимъ исповѣдникомъ.

Монастырь, по уставу, былъ открытъ для обоихъ половъ: монахи и монахини сходились на общей молитвѣ въ церкви. Ихъ кельи были расположены на сѣверъ отъ храма, съ которымъ соединялись сводистымъ корридоромъ.

Въ 1551 году, во время ливонской войны царя Іоанна Грознаго, русскіе сожгли и разрушили монастырь. Запрестольный образъ монастырской церкви былъ спасенъ братьями «черноголовыми», перенесенъ въ ихъ домъ, въ Ревелѣ и до сихъ поръ сохраняется тамъ въ числѣ прочихъ историческихъ предметовъ этого интереснаго зданія.

Въ библіотекѣ церкви св. Олая хранилась на пергаментѣ конія акта канонизаціи св. Бригиты и булла папы Мартина V, дарующая отпущеніе грѣховъ всѣмъ, совершившимъ паломничество въ монастырь св. Бригиты въ городѣ Вадстеиѣ (Wadstena), въ Швеціи, мѣсто рожденія этой святой, гдѣ, какъ говорятъ, покоятся ея останки.

На монастырской бронзовой печати овальной формы изображенія св. Бригиты рядомъ со св. Дѣвой Маріей и вышеупомянутымъ Крузе, возлѣ котораго стоятъ сапоги, изъ чего заключаютъ, что онъ былъ по профессіи сапожникъ. Печать эта въ 1807 году хранилась у суперинтендента Егера, въ Ревелѣ, а въ настоящее время находится въ Нарвѣ.

Развалины этого стариннаго монастыря однѣ изъ живописнѣйшихъ. Обвалившіяся стѣны и фасадъ, пронизанный множествомъ узкихъ окопцевъ, красиво высятся на берегу моря, словно эффектная декорація. Кое-гдѣ виднѣются на стѣнахъ скульптурныя изображенія, наполовину поломанныя. Угловая башня сохранилась довольно хорошо, а также и обширный монастырскій склепъ. Народная молва говоритъ, что подъ монастыремъ доселѣ сохранилось прежнее подземелье, ведущее въ городъ подъ моремъ.

По поводу этого подземнаго хода существуетъ слѣдующая романическая легенда.

Въ 1406 году, задолго до основанія Бригитскаго монастыря, литовскій король Владиславъ V осаждалъ Ревель, и горожане дали обѣщаніе построить монастырь, если Богъ поможетъ имъ избавиться отъ враговъ. Въ это время св. Бригита приснилась во снѣ одному набожному горожанину Юнгингену и указала приблизительно мѣсто, гдѣ долженъ быть

построенъ монастырь, обѣщая спасеніе осажденнымъ. Городскія женщины и дѣвушки пошли искать указанное святой мѣсто; въ ихъ числѣ была и дочь Юнгингена, Матильда. По несчастію, онѣ попали въ руки литовцевъ, но сынъ короля, Удо, влюбился въ Матильду, освободилъ плѣнницъ и уговорилъ отца снять осаду. Горожане исполнили обѣщаніе и выстроили монастырь во имя св. Бригиты, а Матильда была его первой, будто бы, настоятельницей, отвергнувъ любовь королевича.

Удо удалился, но чрезъ годъ вернулся съ пятью храбрыми товарищами, съ цѣлю похитить любимую дѣвушку-монахиню. Случайно его затѣя открылась, и онъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ путниками въ одну изъ городскихъ башенъ Ревеля, между Глиняными и Морскими воротами. Изъ окна темницы онъ издали видѣлъ монастырь, оберегавшій плѣнившую его сердце красавицу, и изнывалъ въ тоскѣ, какъ вдругъ однажды мышъ, пробравшаяся къ нему въ заточеніе, навела его на мысль о существованіи подземнаго прохода по направленію къ монастырю св. Бригиты. Королевичъ и его товарищи стали рыть подземный ходъ, чтобъ пробраться въ монастырь. Имъ это удалось, и Удо достигъ до святого мѣста и говорилъ съ Матильдой въ то время, когда она раздавала милостыню, на порогѣ кельи.

Его мольбы остались тщетными. Тогда королевичъ подкупилъ стражу, бѣжалъ въ свое отечество и вскорѣ снова вернулся, на этотъ разъ уже съ враждебными замыслами противъ Ревеля. Онъ былъ, однако, взятъ въ плѣнъ и, будучи раненымъ, отданъ на попеченіе доминиканцевъ. Матильда, узнавъ объ этомъ, рѣшила его обратить къ вѣрѣ и, воспользовавшись подземнымъ ходомъ, сдѣланномъ ея обожателемъ, являлась всякую ночь къ его изголовью. Ей удалось это. Королевичъ постригся въ монахи и вскорѣ достигъ высокихъ духовныхъ степеней. Матильда продолжала навѣщать его до конца дней своихъ, любя его, какъ брата. При постриженіи Удо принялъ имя Доната.

Такова эта сантиментальная легенда, соединенная съ подземельемъ живописнаго монастыря св. Бригиты.

Какъ мы уже упомянули выше теперешній православный Преображенскій соборъ въ Ревелѣ былъ нѣкогда церковью католическаго дѣвичьяго монастыря, во имя

св. архангела Михаила, цистерціанокъ, по правиламъ св. Бенедикта, сооруженнаго датскимъ королемъ Эрикомъ IV Эйгинодомъ (жестокимъ), о чемъ тоже уже было сказано, въ исходъ XI столѣтія, задолго до появленія Ревеля, годомъ основанія котораго считается 1219 годъ.

Сначала монастырь находился внѣ города, но со временемъ, когда Ревель, по повелѣнію датской королевы Маргариты, сталъ окружаться стѣнами, онъ вошелъ въ городскую черту и занималъ все пространство отъ Цистернской улицы по Соборному переулку, вплоть до Широкой улицы, включая сюда Николаевскую гимназію, съ большимъ дворомъ и гимназическими постройками, и православный соборъ. Къ монастырю было приписано нѣсколько имѣній, и отданы, по распоряженію Эрика Глиппинга, всѣ доходы Олаевской кирки.

Михайловскій монастырь отличался необыкновенною приверженностью къ папству и, благодаря упорству настоятельницы своей, Софіи Шварцгофъ, отказался наотрѣзъ принять лютерово ученіе. Лишь въ 1543 году ревельскому суперъ-интенденту удалось склонить монахинь перейти въ лютеранство, вслѣдствіе чего католическая церковь монастыря была обращена въ кирку, а въ монастырскихъ здавіяхъ учреждено было женское училище подъ наблюденіемъ бывшей аббатиссы Елизаветы фонъ-Цэгъ, принявшей лютеранство.

Позднѣе, при знаменитомъ шведскомъ королѣ Густавѣ-Адольфѣ, женское михайловское училище было упразднено и вмѣсто него, въ 1631 году, открыто мужское училище, на содержаніе котораго были назначены всѣ доходы съ прежнихъ монастырскихъ угодій.

По завоеваніи Ревеля Петромъ I, въ 1709 году, русскіе потребовали себѣ отъ города бывшую Михайловскую кирку, служившую церковью шведскому гарнизону. Магистратъ, однако, не сразу передалъ ее въ руки русскаго начальства, и только въ 1716 году она обратилась въ православный храмъ.

Первый православный образъ, поставленный въ прежней шведской киркѣ, былъ образъ св. Θεодора Стратилата, и поэтому до 1734 года русская ревельская церковь называлась Θεодоровской. Въ упомянутомъ же году былъ освященъ главный придѣлъ ея во имя Преображенія Господня, и церковь, находившаяся до сего времени въ военномъ вѣдомствѣ, передана духовному вѣдомству въ качествѣ ревельской соборной церкви.

Даже и при православномъ иконостаѣ, сооруженномъ стараніемъ императора Петра I, по внутреннему виду и

устройству, ревельскій Преображенскій соборъ долгое время, однако, оставался почти вполнѣ лютеранской киркою, и только въ 1830 году, по приказанію государя Николая Павловича, соборъ, на отпущенную для сего изъ казны сумму, въ размѣрѣ 84 тысячъ рубл. ассигн., былъ передѣланъ и получилъ свой теперенній видъ. Хоры, на которыхъ прежде помѣщался органъ, уничтожены, скамьи вынесены, полъ, бывшій нѣсколько углубленнымъ, приподнять, а остроконечный шпиль готическаго типа замѣненъ православнымъ куполомъ надъ алтаремъ.

Такова характерная исторія собора, бывшаго въ теченіе 294 лѣтъ, до 1543 года, католической каплицей цистерціанокъ, потомъ, до 1716 года, лютеранскою киркою и въ теченіе послѣднихъ 170 лѣтъ мѣстомъ православнаго богослуженія.

Изъ достопримѣчательностей храма интересны упомянутый иконостасъ тонкой итальянской работы, сдѣланный за границею въ 1720 году, по повелѣнію императора Петра, дубовый осьмиконечный, въ 14 вершковъ вышины, крестъ, принесенный въ даръ собору, какъ видно изъ надписи на немъ, императрицею Анной Иоанновной, въ 1732 году, неизвѣстно кѣмъ и когда пожертвованный образъ Успенія Пресвятой Богородицы съ вложенными въ немъ частицами мощей свв. угодниковъ, — копія съ подлинной иконы, находящейся въ Кіевопечерской лаврѣ, и древнее Евангеліе 1689 года, напечатанное въ Москвѣ, при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ.

На каждомъ изъ соборныхъ колоколовъ высѣчены особыя латинскія надписи, а именно: на одномъ изъ нихъ: «*Dum trahor audite voco vos ad gaudia vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck*» (когда я звоню, слушайте, — я зову васъ къ благамъ жизни, въ 1575 сдѣлалъ меня Матіасъ Бенингъ), а на другомъ: «*Verbum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hans Kemmer u Helsebenor*» (слово Божіе пребываетъ во вѣки. Въ 1623 вылилъ меня Гансъ Кеммеръ, въ Эльзиндорѣ).

Послѣ Преображенскаго собора въ Ревелѣ есть еще одно очень древнее мѣсто молитвы православныхъ — это церковь св. Николая, на улицѣ, въ честь ея названной Никольской или *Ruszstrasse*, по мѣстному наименованію.

Въ представленіяхъ ревельскаго магистрата къ ливонскому ордену, въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія, мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о русской церкви св. Николая, которую

московское правительство требовало держать въ чистотѣ и порядкѣ, не совершать въ ней насилій и не выдавать въ ней преступниковъ ¹⁾).

Въ 1656 году Никольская церковь сильно пострадала отъ пожара, но была отремонтирована новгородскими купцами, по контракту съ ревальскимъ бургомистромъ Паульсономъ за 760 рейхсталеровъ. Въ 1686 году цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожертвовали Никольской церкви новую церковную утварь и образа, какъ значится на надписи на старинномъ иконостасѣ храма.

Сначала церковь была деревянная, на каменныхъ столбахъ, очень небольшая.

Въ началѣ текущаго столѣтія храмъ пришелъ въ ветхость и требовалъ капитальной перестройки. Въ 1804 году русское купечество въ Ревелѣ ходатайствовало передъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ о правительственной субсидіи для реставраціи Никольской церкви. Политическія событія затянули, однако, дѣло до 1818 года, когда бывший настоятель Никольской церкви, о. Іоаннъ Недешевъ, энергически приступилъ къ сбору пожертвованій на построеніе новаго храма, на мѣстѣ стараго, настолько состарившагося, что угрожалъ разрушеніемъ.

Въ 1822 году было заложено новое церковное зданіе, а въ 1827 году уже освящено въ его теперешнемъ видѣ.

Отъ прежняго храма почти ничего не осталось, кромѣ стѣнъ малаго алтаря, стоящихъ понынѣ нетронутыми.

Изъ достопримѣчательностей церкви сохраняются старинныя паникадила, пожертвованныя царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ и висяція передъ главнымъ алтаремъ, а также иконостасъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, стоящій въ маломъ придѣлѣ.

Подъ амвономъ главнаго алтаря покоится прахъ извѣстнаго митрополита ростовскаго Арсенія Маціевича, лишеннаго сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ имуществъ въ пользу казны, при императрицѣ Екатеринѣ II, и окончившаго дни свои въ Ревелѣ.

¹⁾ Рев. магистратскіе акты за 1491 годъ.

Замокъ Фалль подъ Ревелемъ.

I.

Нѣсколько словъ о Ревелѣ и его окрестностяхъ.

Насколько Петербургская губернія не можетъ похвалиться живописностью и разнообразіемъ пейзажа, представляя плоскую, однообразную равнину, настолько же, наоборотъ, богата красотой мѣстоположенія Эстляндская губернія, какъ и вообще все наше прибалтійское поморье. Маленькіе, тонущіе въ зелени эстляндскіе городки — Вейсенштейнъ, Везенбергъ, Нарва, Гапсаль и даже ровное и однообразное мѣстечко Балтійскій Портъ, носящее громкое названіе города, манятъ къ себѣ путешественника своей красивой самобытной внѣшностью, столь непохожей на общій видъ городовъ нашихъ центральныхъ губерній, и мирной, невозмутимой тишиной, невольно напоминая собою уютные живописные уголки южной Германіи.

Ревель, административный центръ Эстляндской губерніи, по справедливости можетъ считаться красивѣйшимъ и оригинальнѣйшимъ городомъ всего прибалтійскаго края. Отъ его древнихъ полуразрушенныхъ башенъ и стѣнъ, еще доселѣ окружающихъ кое-гдѣ старый городъ-крѣпость, помнящій датское и шведское владычество и видѣвшій на своихъ узкихъ улицахъ закованныхъ въ броню рыцарей, вѣтъ сѣдой стариной, а неуклюжія крытыя черепицею, тянущіяся кверху постройки, изъ мѣстнаго ноздреватаго сѣраго камня, совсѣмъ иноземнаго склада, и готическія остроконечныя кирпичи съ рядомъ стрѣльчатыхъ дверей и оконъ — всецѣло переносятъ васъ въ отдаленное, полное превратностей и безконечной борьбы прошлое нашей окраины.

Особенно хорошъ Ревель съ моря или же съ Лаксберга, пригородной горы, въ Екатериненталѣ: красиво возвышаясь на широкомъ морскомъ берегу, онъ рельефно выступаетъ предъ глазами зрителя, словно декорація, со свѣжей зеленью

окружающихъ его садовъ и бульваровъ, длинными, стремящимися къ небу шпилями лютеранскихъ церквей, среди которыхъ, безусловно, господствуетъ безконечный, тонкій, какъ игла, верхъ Олай-кирхи, неуступающій по высотѣ московской колокольні Ивана Великаго, и крутымъ Вышгородомъ, старымъ гнѣздомъ средневѣковаго рыцарства.

Что касается окрестностей Ревеля, то онѣ настолько красивы и живописны, что, по истинѣ, могутъ служить благодарнымъ сюжетомъ для кисти любого пейзажиста. Бригитовка, Тишертъ, Штрандгофъ, Падисъ, Ризенбергъ — поэтическіе уголки, полные прелести и историческихъ воспоминаній, и очень жаль, что наши художники черпаютъ свои вдохновенія на ближайшихъ отъ Петербурга станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ, напр., Преображенской, Сиверской и Лугъ или на скучныхъ берегахъ Финляндіи и не обращаютъ вниманія на дивные виды прибалтійской окраины. Мы увѣрены, что посѣтители нашихъ художественныхъ выставокъ нисколько не посѣтовали бы на своихъ любимцевъ, если бы, вмѣсто давно всѣмъ наскучившихъ петербургскихъ и финляндскихъ видовъ, они подарили бы публику талантливыми воспроизведеніями разнообразныхъ мѣстечекъ живописной Эстляндіи, — хотя бы окрестностей Ревеля, изъ которыхъ первое мѣсто, въ числѣ поименованныхъ нами принадлежитъ знаменитому замку Фалль, славящемуся въ краѣ, какъ живописностью мѣстоположенія, такъ и связанными съ нимъ историческими воспоминаніями.

Мы посвящаемъ настоящій очеркъ краткому, но, по возможности, полному описанію этого достопримѣчательнаго мѣста, такъ какъ о немъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего, или почти ничего, въ русской исторической литературѣ. Нами собрано здѣсь все, чѣмъ мы могли воспользоваться изъ нѣмецкихъ источниковъ, частныхъ распросовъ и разслѣдованій и собственныхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ нашъ очеркъ является первымъ на русскомъ языкѣ опытомъ систематическаго описанія помѣстья, нѣкогда принадлежавшаго государственному человѣку, игравшему въ свое время выдающуюся роль въ жизни Россіи и неоднократно видѣвшему своими гостями государя императора Николая Павловича и членовъ Августѣйшаго Дома.

II.

Мыза Фалль.

Изъ Ревеля въ Фалль,—имѣніе, принадлежавшее прежде графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, бывшему шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорскою Главною квартирою въ царствованіе Николая I, котораго онъ былъ любимцемъ, и перешедшее затѣмъ, въ видѣ майората, въ родъ младшей дочери графа, свѣтлѣйшей княгини М. А. Волконской, — можно ѣхать двумя путями: или прямо изъ Ревеля, на лошадахъ, или же со станціи балтійской желѣзной дороги «Кегель». Первый путь довольно утомителенъ, такъ какъ приходится ѣхать въ экипажѣ въ продолженіе 32 верстъ; во второмъ случаѣ переѣздъ упрощается желѣзной дорогой, которая привозитъ васъ изъ Ревеля въ Кегель въ 45 минутъ, откуда на лошадахъ въ сторону надо пробхать всего лишь 13 верстъ. Дорога почти вплоть до самой мызы Фалль довольно однообразная. Вокругъ безконечно тянется гладкая равнина съ мелькающими вдали рѣдкими усадбками и поселками, щедро усыпанная сѣрыми обломками скаль, — массивными глыбами, разбросанными въ большомъ количествѣ по всему побережью Эстоніи. Тонкій слой чернозема, покрывающій скалистую почву, непригоденъ для земледѣлія, но зато очень хорошъ для пастбищъ, вслѣдствіе проростанія подъ нимъ питательнаго злака, носящаго названіе *petentilla fructuosa*.

Лишь близъ самой цѣли поѣздки мѣстность постепенно оживляется, что-бы потомъ все болѣе и болѣе удивлять путника своеобразной прелестью и прихотливостью ландшафта.

Версты за двѣ до имѣнія начинается красивая сосновая рощица, пробхавъ которую вы подъѣзжаете, спускаясь нѣсколько книзу, къ замку. Черезъ широкую аллею вступаете вы въ широкой четырёхугольный дворъ.

Тонушая въ зелени сторожка привратника и желѣзные ворота съ двумя калитками для входа и выхода отдѣляютъ этотъ дворъ отъ гораздо большаго, находящагося предъ самымъ замкомъ, посаженнаго деревьями плаца, посреди котораго на площадкѣ, среди клумбы, обложенной дерномъ, возвышается мраморная статуя Венеры — произведеніе рѣзца знаменитаго Кановы.

Замокъ построенъ въ смѣшанно готическомъ стилѣ, двух-этажный и небольшой по размѣрамъ. Замокъ имѣетъ два входа, охраняемые чугунными рѣшетками. Посреди зданія бросается въ глаза висящій на стѣнѣ 6 футовый термометръ.

Оставляя пока въ сторонѣ внутреннее расположеніе замка, украшеннаго многими рѣдкостями и драгоценностями, къ которому мы потомъ вернемся, послѣдуемъ теперь, съ читателемъ къ водопаду, отъ котораго получилось и самое названіе помѣстья. Онъ невольно привлекаетъ къ себѣ взоры туриста. Вытекая изъ глубокихъ, перехваченныхъ висячими мостами и отдѣляемыхъ суровыми высокими елями лощинъ, шумно стремится бурливый конусообразный потокъ къ Финскому заливу, низвергаясь съ двадцатифутовой высоты, съ излучиной въ 240 фут. шириною, образующей скалистое ложе. Съ гудомъ падаетъ онъ въ крутую пропасть и катится по глубокой скалистой грядѣ, пѣнясь и клооча, когда встрѣчаетъ на пути преграду въ заторахъ и рыболовныхъ заколахъ, и затѣмъ снова устремляя свой бѣгъ съ ускоренной поспѣшностью, въ продолженіе полутораверстнаго разстоянія до Финскаго залива, протекая по живописнѣйшимъ берегамъ, при чемъ на пути образуетъ еще нѣсколько водопадовъ.

Замокъ стоитъ на самомъ берегу обрамленнаго группами тѣнистыхъ деревъ потока, высокою и крутою, упроченною крѣпкими каменными сводами.

Восьмиугольная, увѣнчанная зубцами, башня поднимается на 66 футовъ вверхъ, служа опорой портику. Стекланные и чугунные павильоны ограждаютъ балконы отъ непогоды. Широкое крыльцо со львами и вазами изъ бѣлаго мрамора по бокамъ сплошь уставлено цвѣтами и обращено въ благоухающую бесѣдку. Вокругъ замка—роскошнѣйшіе цвѣтники, мраморныя вазы, изящныя статуи, массивныя чугунные садовыя скамейки.

Зданіе, занимаемое кухней, украшено изящной башенкой. Затѣмъ идутъ мельницы, помѣщеніе для стекающихъ сюда въ лѣтніе мѣсяцы посѣтителей, пивоварня, баня въ русскомъ стилѣ, большое водяное колесо, при помощи котораго приводятся въ паркѣ въ дѣйствіе небольшіе фонтаны, кузница, напоминающая собою живописную развалину, и два небольшихъ, отдѣленныхъ между собою островкомъ, моста съ лѣпными украшеніями, которые ведутъ на другую сторону берега, къ домику въ русскомъ вкусѣ, на подобіе крестьянской избы,

выстроенному нѣкогда русскимъ купцомъ Пономаревымъ и носящему съ тѣхъ поръ названіе «пономаревской дачи». Дача эта сдается на лѣто внаймы, но, за отсутствіемъ при ней необходимыхъ хозяйственныхъ строеній, она еще ни разу нѣмъ не была снята.

Вблизи замка въ особомъ домѣ помѣщается православная церковь, во имя Свв. Захарія и Елизаветы, съ колокольной и стекляннымъ куполомъ. Въ верхнемъ этажѣ церковнаго дома расположены комнаты, предназначенныя для гостей владѣльцовъ усадьбы, часто пріѣзжающихъ сюда лѣтомъ и проводящихъ здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время. Къ этому флигелю ведетъ широкая мраморная лѣстница, украшенная вазами и бюстами. Нѣсколько поодаль отъ двора виднѣется уютное помѣщеніе управляющаго и тутъ же рядомъ маленький домикъ, гдѣ пріѣзжіе туристы нерѣдко завтракаютъ. Тутъ имѣется всевозможнѣйшая стеклянная и глиняная посуда для сбереженія молока и молочнаго производства.

Далѣе слѣдуютъ обширныя, роскошно устроенныя, возвышающіяся амфитеатромъ оранжереи съ виднѣющимися изъ-за нихъ темными соснами, ограждающими, какъ оранжереи цвѣтную и фруктовую, такъ и всю долину, отъ рѣзкихъ вліаній суроваго сѣвернаго климата, что благодатно дѣйствуетъ на растительность, принадлежащую отчасти, по своему происхожденію, къ болѣе южной полосѣ. Такъ здѣсь вы найдете пихту, кедровыя и кипарисовыя деревья, каштаны разныхъ породъ и всевозможные виды березъ, липъ и кленовъ. Въ оранжереяхъ нѣтъ недостатка въ разныхъ сортахъ пальмъ и другихъ деревьяхъ теплыхъ странъ. Что же касается до переносящихъ здѣшній воздухъ растений, то ихъ листва служить лѣтомъ украшеніемъ стѣнъ замка и церкви.

Большія качели предъ второй оранжереею такъ и манятъ сѣсть и качаться. За ними, со скалистаго берега, у нависшихъ надъ водою сосенъ, предъ вами открывается живописный видъ на протекающій подъ ногами потокъ, отражающій на своей поверхности тонкій и красивый, на подобіе дуги, мостикъ, сплетенный словно изъ проволоки, который тянется на 45 шаговъ и колеблется при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему ноги. Едва только вступить на него незнакомый съ его устройствомъ путникъ, какъ этотъ висячій механизмъ начинаетъ колебаться; опасеніе за его прочность невольно прибавляетъ шагу у проходящаго и тѣмъ самымъ увеличиваетъ быстроту качанья, и перепугавшійся пѣшеходъ, добѣжавъ до

другого берега, считает за счастье, что благополучно миновал опасность, существующую, конечно, только въ его воображеніи.

Далѣе, по берегу рѣки, подъ тѣнью темныхъ сосенъ, возвышается памятникъ въ готическомъ стилѣ съ поясными бюстами родителей гр. Бенкендорфа, поставленный здѣсь въ воспоминаніе его кончины.

Мы минуемъ крутую лѣстницеобразную дорожку, ведущую къ высокому холмику съ растущими на немъ старыми соснами, и поспѣшимъ чрезъ прохладные овраги, вдоль холодныхъ, звонко журчащихъ ключей, подняться на гору, къ развалинамъ, которыя бросались намъ въ глаза съ выше-упомянутаго мостика, живо возбуждая наше любопытство.

Конечно, этихъ руинъ нельзя признать за почтенные остатки какого нибудь замка или укрѣпленія. Это сравнительно недавняя постройка современнаго типа, которую началъ возводить здѣсь прежній владѣлецъ имѣнія Мерремойзь. До окончанія сооруженія земля перешла къ графу Бенкендорфу, который соединилъ Мерремойзь съ Фаллемъ и разбилъ паркъ и по другую сторону рѣки. Графъ не докончилъ постройки, оставивъ стѣны ея недодѣланными. Такъ и возвышаются до сихъ поръ развалины на противоположномъ Фаллю берегу ручья, поросшія мохомъ, повитыя зеленью и окруженные густымъ кустарникомъ, напоминая собою поэтическія руины древности и чрезвычайно украшая мѣстность.

По высокому, круто спускающемуся къ водѣ берегу вьется тропинка, ведя насъ къ «скамейкѣ Росси» — любимому мѣсту знаменитой пѣвицы, которая провела здѣсь одно лѣто вмѣстѣ съ семействомъ графа. Чудный, разстилающійся внизу, ландшафтъ считается красивѣйшимъ въ паркѣ замка, столь богатымъ живописными мѣстечками и эффектами, устроенными здѣсь, какъ самой природой, такъ и искусствомъ человеческихъ рукъ.

Путешественникъ не пропуститъ, конечно, случая посѣтить могилу прежняго владѣльца этого замѣчательнаго имѣнія.

Могила эта лежитъ на холмѣ, обсаженномъ соснами и лиственницею, до которой достигаешь, пройдя темную сосновую рощицу и поднявшись по каменной лѣсенкѣ. Мраморная глыба съ крестомъ наверху, окруженная чугунной рѣшеткой, обвитой вьющимися по ней растеніями, украшаетъ могильный холмъ. Рядомъ стоитъ простая часовня. Вдали виднѣтся море, производя торжественное и вмѣстѣ успокаиваю-

щее впечатлѣніе надъ могилою чловѣка, про котораго императоръ Николай Павловичъ сказалъ: «онъ помирилъ меня со многими людьми, но ни съ кѣмъ не поссорилъ».

Отсюда, чрезъ безукоризненно содержимую рощу, возвращаемся мы на берегъ, съ котораго только что пришли, но уже не по качающемуся мостику, а низомъ, по прочно утоптанной тропинкѣ, внизу которой журчитъ вода по скалистому руслу.

Здѣсь начинаются самыя разнообразныя запруды, служащія для ловли водящейся здѣсь въ изобиліи отличной лососины и семги, которая, ко времени метанія икры, идетъ вверхъ по теченію и, переплывая чрезъ преграждающія путь запруды, попадаетъ въ поставленныя для этой цѣли корзины, изъ которыхъ не въ силахъ выскользнуть. Ловятъ ее также и другимъ способомъ: въ данномъ случаѣ колютъ ее гарпунами, а на рѣкѣ или въ морѣ, когда оно спокойно, позднимъ вечеромъ или рано утромъ, поддерживаютъ въ лодкѣ огонь. Картина представляется очень эффектная: яркій огонь скользитъ по темной поверхности воды, двигаясь то въ ту, то въ другую сторону. И вотъ постепенно приближаются къ вамъ и дѣлаются, наконецъ, ясными какія-то фантастическія фигуры, вооруженныя трезубцами, которымъ и въ голову не приходится, какую волшебную картину представляютъ они для посторонняго наблюдателя.

Прежде чѣмъ мы достигнемъ мѣсто истока рѣки въ море, намъ представляется, по пути, случай осмотрѣть еще одинъ очень интересный историческій памятникъ, сооруженный въ честь посѣщенія Фалля государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и государынею императрицею Александрою Оеодоровною въ 1833 г. Въ изящномъ, вылитомъ изъ чугуна павильонѣ въ готическомъ стилѣ утверждены на металлическомъ постаментѣ превосходной работы бюсты августѣйшаго гостя, между тѣмъ какъ фамиліи всѣхъ сопровождавшихъ ихъ величества лицъ отмѣчены на мѣдной доскѣ, укрѣпленной надъ арками, украшающими стройную колонаду портика. Вотъ эти фамиліи:

Вице-Канцлеръ графъ Несельроде.

Тайн. Сов. графъ Матусевичъ.

Полковникъ Раухъ.

Посланникъ короля Датскаго графъ Блюмъ.

Оберъ-Церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Оберъ-шенкъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.
Министръ Императорскаго Двора князь Волконскій.
Генераль-Адъютантъ графъ Адлербергъ.
Дѣйств. Ст. Сов. Мордвиновъ:
Начальникъ Морского штаба князь Меньшиковъ.
Дѣйств. Ст. Сов. Арендтъ.
Флигель-Адъютантъ князь Суворовъ.
Ротмистръ Львовъ.
Фрейлина княжна Щербатова и
Фрейлина графиня Тизенгаузенъ.

Въ слѣдующемъ, 1834 году, 27-го мая, императоръ Николай съ императрицею опять были въ замкѣ графа и въ память своего тамъ пребыванія посадили въ паркѣ замка двѣ березы.

Здѣсь кстати будетъ припомнить о слѣдующихъ посѣщеніяхъ Фалля августѣйшими особами и о деревьяхъ, посаженныхъ ими въ разное время, въ память своихъ посѣщеній, въ знаменитомъ замковомъ паркѣ, простирающемся на 240 десятинъ, въ которомъ проложено на 40 верстъ дорожекъ, всякое лѣто тщательно вычищаемыхъ и посыпаемыхъ пескомъ. Всѣ вышеупомянутыя деревья огорожены желѣзными рѣшетками, на которыхъ укрѣплены дощечки съ соотвѣтствующими надписями.

Фалль былъ посѣщенъ: въ 1833 г., 22-го іюля, ихъ императорскими высочествами великими княжнами Маріею, Александрою и Ольгою Николаевнами; посажены три березы; въ 1849 г., 9-го іюня, его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ съ августѣйшею супругою; посажено два каштана, и въ 1871 г., 10-го іюля, ея императорскимъ высочествомъ государынею наслѣдницею цесаревною Маріей Оеодоровной, нынѣ Вдовствующей Государыней Императрицей; посаженъ одинъ каштанъ.

Кромѣ поименованныхъ особъ императорской фамиліи посѣтилъ Фалль, въ 1853 г., герцогъ Лейхтенбергскій, ища восстановления своихъ силъ въ водахъ морского берега, омывающихъ Фалль съ сѣверной стороны. Къ тому же времени относится и четырнадцатидневное пребываніе въ названномъ имѣніи его супруги.

Какъ бы заброшенный сюда рукой великана, высится на холмѣ колоссальныхъ размѣровъ грибъ-зонтикъ, гладко выточенный изъ еловаго дерева, изъ подъ котораго, спасаясь отъ

лучей солнца, можно окинуть взоромъ быстрый потокъ, берущій свое начало близь границъ Лифляндіи, протекающій чрезъ имѣнія Тула (владѣлецъ г. Самсень-Гиммельстерна), Кегель и Гогенгофъ и изливающійся въ море, бросить взглядъ на изумрудныя, съ растущимъ вокругъ чернолѣсьемъ, луга, на крутые берега, съ прислоненнымъ къ нимъ домикомъ кордона пограничной стражи, на песочные бугры, съ растущими на нихъ соснами, и, наконецъ, на безграничную морскую поверхность, то пѣнящуюся, то, какъ зеркало, гладкую и невозмутимую. Спокойно-величественный видъ могучаго моря производитъ сильное и неотразимое впечатлѣніе на путешественника, только что восхищавшагося удивительнымъ соединеніемъ разнообразныхъ красотъ природы съ искусствомъ человѣческихъ рукъ, повинующихся прихотливой фантазіи. Тихое однообразіе, тишина и безконечность морского ландшафта невольно направляютъ мысли на безсиліе людскихъ замысловъ въ сравненіи съ этой властной стихіей, то нѣжной и ласкающей, то безжалостно поглощающей въ своихъ нѣдрахъ десятки и сотни человѣческихъ жизней...

Отсюда мы возвращаемся къ замку, взбираясь на гору, подъ тѣнью пахучихъ сосенъ, присаживаясь частенько на разставленные по дорогѣ, манящія къ отдыху, скамейки съ орнаментами въ видѣ грифоновъ и княжескихъ коронъ. Каждая изъ этихъ скамеекъ служитъ и указаньемъ мѣсть, съ которыхъ открываются чудные виды на долину, развалины, замокъ, церковный домъ, мосты, на группы густолиственныхъ деревьевъ, красиво расположенныхъ кустарниковъ, террасы, бесѣдки и цвѣтники...

Но вотъ достигаемъ мы простого съ виду, но много говорящаго сердцу памятника въ знакъ родственной любви, поставленнаго въ воспоминаніе кончины брата графа, погибшаго во время турецкой войны. Между двумя старыми елями, на крутизнѣ подъема, высится груда неотесанныхъ камней, на верху которой утверждень бронзовый мечъ, шлемъ и щитъ съ фамильнымъ гербомъ, поросшіе мхомъ и почернѣвшіе отъ времени. На простой мѣдной дощечкѣ можно прочесть день рожденія и смерти сраженнаго воина. Желѣзная рѣшетка заграждаетъ узкое пространство напротивъ края ската, а внизу виднѣется водоемъ.

III.

Замокъ Фалль.

Замокъ, выстроенный изъ блага мѣстнаго камня, не великъ по числу комнатъ и представляетъ собою удобно расположенный, помѣстительный помѣщичій домъ, снабженный всѣми изобрѣтеніями комфорта. Внутренность его интересна, однако, не богатѣе только убранствомъ его, сравнительно небольшихъ, покоевъ, но тѣми предметами искусства и старины, которыя мы тамъ находимъ.

Черезъ маленькую переднюю, съ противоположной главному фасаду, обращенному на рѣку, стороны дома, мы входимъ въ небольшую комнату, увѣшанную фамилными портретами владѣльцевъ замка и носящую названіе «вазной» комнаты по громадной яшмовой вазѣ, занимающей всю ея середину. Ваза эта имѣетъ свою исторію. Она стояла прежде въ залахъ Зимняго Дворца, въ Петербургѣ, и во время пожара дворца, въ царствованіе императора Николая Павловича, была спасена графомъ А. Х. Бенкендорфомъ и подарена ему государемъ. Ваза эта плоская, на длинной массивной подставкѣ, вышиною въ человѣческой ростъ и очень напоминаетъ такую же вазу изъ темно-сѣраго мрамора въ одной изъ малыхъ залъ Императорскаго Эрмитажа.

Далѣе идетъ столовая съ круглымъ обѣденнымъ столомъ краснаго дерева посрединѣ и массой старинной посуды северскаго и саксонскаго фарфора и замѣчательныхъ по изяществу работы старинныхъ серебряныхъ сосудовъ на буфетахъ, о которыхъ можно лишь упомянуть, такъ какъ для подробнаго ихъ описанія надо быть археологомъ. Въ этой комнатѣ хранится историческая чашка съ блюдечкомъ, подаренная графинѣ Бенкендорфъ французской королевой Маріей Антуанеттой съ собственноручной надписью этой послѣдней. Весьма хороши также въ столовой цѣнные гобеленовые обои и большія гобеленовыя ширмы, отгораживающія дверь въ слѣдующую комнату, съ изображенными на нихъ фигурами историческаго характера.

Въ круглой «колонной» комнатѣ мы находимъ прекрасно исполненные портреты графа и графини Бенкендорфъ, а также и ихъ бюсты изъ блага мрамора.

Въ длинной, довольно узкой гостиной, занимающей глав-

ный фасадъ замка, окнами на балконъ, выходящій въ паркъ, висить прекрасно исполненный портретъ императрицы Екатерины II. Кромѣ того по стѣнамъ множество ландшафтовъ извѣстныхъ мастеровъ.

Рядомъ съ гостиной—кабинетъ свѣтлѣйшаго князя П. Г. Волконскаго, скончавшагося въ 1896 г. отца нынѣшняго владѣльца Фалля. На стѣнахъ въ массивныхъ темныхъ рамахъ висятъ старинные портреты царской фамиліи: императоровъ—Петра I, Павла, Николая I, императрицы Екатерины II и другихъ августѣйшихъ особъ.

Въ этой комнатѣ хранится, какъ святыня, въ особомъ черномъ металлическомъ ларцѣ, украшенномъ короной, чашечка отъ гроба въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича.

На низкомъ каминѣ—артистически исполненныя, небольшія, бѣлыя мраморныя фигуры Барклая-де-Толли и графа М. И. Кутузова, превосходныя коніи статуй, поставленныхъ въ честь славныхъ генераловъ войны 1812 г. на площади предъ Казанскимъ соборомъ, въ Петербургѣ.

Здѣсь также обращаютъ на себя вниманіе небольшіе, четырехугольные, изъ слоновой кости, медальоны (числомъ 53) всѣхъ нашихъ великихъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до императора Павла включительно, развѣшанные въ послѣдовательномъ порядкѣ по задней сторонѣ высокаго, стоящаго посреди комнаты рабочаго бюро покойнаго князя въ старинномъ стилѣ, обращенной къ окнамъ.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и о небольшомъ овальномъ мозаическомъ столикѣ тонкой артистической работы, стоящемъ тутъ же: особенно хорошъ букетъ цвѣтовъ, изображенный посрединѣ, имѣющій видъ нарисованнаго талантливой кистью художника.

За кабинетомъ—небольшая, овальная «оружейная» комната со старинной, красиво размѣщенной на стѣнѣ арматурой, налѣво отъ входа. Тутъ же сохраняется золотая шпага, «за храбрость» пожалованная графу Бенкендорфу въ 1813 г. Изъ портретовъ наиболѣе интересны изображенія Петра I и Карла XII.

По винтовой деревянной лѣстницѣ поднимаемся мы въ верхній этажъ дома, гдѣ расположены жилыя комнаты и помѣщенія для прислуги.

Съ балкона этого этажа открывается дивный видъ на паркъ и водопадъ, составляющій его украшенье.

Наверху же находятся: классная комната, комната старшаго сына покойнаго князя, теперешняго владѣльца майората, спальня двухъ младшихъ князей, людскія и китайская комната, въ которой вся обстановка, начиная отъ мебели и кончая затѣйливо расписаннымъ потолкомъ и оригинальными обоями, носить характеръ, оправдывающій ея названіе.

По винтовой же узенькой лѣсенкѣ мы достигаемъ башни замка съ флагштокомъ — его высочайшаго пункта, откуда, съ маленькаго круглаго балкончика, разстилается предъ взоромъ вся окрестность, вплоть до моря, и виднѣется вдали Ревель съ остроконечными шпилями его кирокъ, отстоящій, какъ помнятъ читатели, на 32 версты отъ описываемаго нами замка.

Что касается обстановки комнатъ и внутренняго убранства замка, то, въ общемъ, его обстановка носить остатокъ старины, что особенно чувствуется въ парадныхъ, нижнихъ комнатахъ съ оригинальною, въ старомъ стилѣ, мебелью съ высокими сидѣніями, вычурными ножками и подлокотниками и прихотливыми изгибами спинокъ. Въ помѣщеніи же верхняго этажа замѣчается уже болѣе современный типъ убранства комнатъ, хотя и здѣсь большая часть мебели въ старинномъ вкусѣ, отличающемся массивностью и прочностью.

Все это, вмѣстѣ взятое, производитъ очень пріятное и сильное впечатлѣніе, перенося насъ мысленно въ улетѣвшее отъ насъ время нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, о которомъ приходится подчасъ вспомнить не безъ грустной улыбки...

Церковь при замкѣ помѣщается, какъ уже упомянуто выше, въ особомъ, такъ называемомъ «церковномъ домѣ», вблизи замка.

Домъ этотъ двухэтажный, каменный. Изъ просторныхъ сѣней налѣво, черезъ бібліотеку и комнату доктора, мы входимъ въ небольшую продолговатую церковь, во имя Свв. Захаріи и Елисаветы, простую и вмѣстѣ изящную по внутренней отдѣлкѣ. Кромѣ сейчасъ указаннаго входа въ храмъ, существуетъ еще и другой, наружный.

На оборотной сторонѣ иконъ обѣихъ клиросовъ изображены гербы графовъ Бенкендорфъ и князей Волконскихъ.

Образа въ церкви новаго письма и относятся къ позднѣйшему времени.

Направо отъ сѣней расположена обширная билліардная комната, въ которой помѣщаются также и шкафы съ книгами.

Широкая каменная лѣстница прямо изъ сѣней ведетъ въ верхній этажъ церковнаго дома, гдѣ тянется рядъ удобныхъ, уютныхъ и изящно обставленныхъ комнатъ для многочисленныхъ гостей владѣльцевъ имѣнія.

IV.

Историческій очеркъ Фалля.

Помѣстье Фалль съ эпохи ордена меченосцевъ, равно какъ и во времена шведскаго владычества, считалось принадлежностью ревелскаго замка. Гермейстеръ Генрихъ фонъ Галенъ подарилъ все это имѣние, въ 1555 году, въ награду за значительныя услуги Ордену, нѣкому Юганну Некерке, а послѣдній, въ 1596 г., распорядился утвердить это владѣние за собою санкцією короля Эриха XVI-го.

Хотя Фалль, въ царствованіе короля Юганна III-го, и отошелъ въ казну, но тѣмъ не менѣе за Некерке сохранилось право проживать въ этомъ имѣніи, которое въ 1620 г., при Густавѣ Адольфѣ, было признано за его сыновьями Генрихомъ и Гансомъ Некерке. Эти послѣдніе вынуждены были, спустя нѣкоторое время, продать имѣние Фалль; затѣмъ генерал-лейтен. Вильгельмъ Врангель, въ 1659 г., получилъ его въ подарокъ за свою службу.

Въ 1686 г. имѣние было конфисковано въ пользу шведской казны, которой вышеупомянутый Врангель сдалъ его, однакоже, въ видѣ аренды, въ качествѣ каковой позднѣе, въ 1694 г., онъ снова завладѣлъ имъ.

Съ присоединеніемъ, по Ништатскому миру, Эстляндіи къ Россіи ландратъ баронъ Юганнъ Врангель, наслѣдственный владѣлецъ имѣній Когать и Койль, считался также и владѣльцемъ Фалля.

Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1716 г., эта усадьба перешла въ другія руки. Въ 1765 г. Фалль принадлежалъ ландрату графу Тизенгаузену. Этотъ послѣдній продалъ мызу сенатору, Арнольду Дену. До 1796 г. владѣль Фаллемъ майоръ Карль-Густавъ Врангель. Позднѣе приобрѣлъ его ландратъ Іаковъ-Георгъ фонъ Бергъ, который былъ, кстати сказать, основателемъ эстляндской кредитной кассы. Послѣ конкурса, назначеннаго этой послѣдней, имѣние было, наконецъ, куплено

генераль-адъютантомъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, который, по приобрѣтеніи, какъ упомянуто выше, сосѣднихъ имѣній Мерремойзъ и Кэзаль, соединилъ ихъ съ Фаллемъ въ одно цѣлое и образовалъ изъ нихъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, майоратъ, передавъ по духовному завѣщанію 21-го апрѣля 1844 г. права на него, за отсутствіемъ мужского потомства, въ женскую линію своего рода, а именно второй своей дочери—свѣтлѣйшей княгинѣ Маріи Александровнѣ Волконской, получившей это наслѣдство въ исключительное потомственное владѣніе взамѣнъ старшей дочери графа Анны, вышедшей замужъ за иностранца, графа Рудольфа Аппоньи, и тѣмъ лишившейся права владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ Россіи. Въ завѣщаніи графа Бенкендорфа подробно указаны также и условія перехода майората въ боковую линію его семейства, въ случаѣ прекращенія потомства унаслѣдовавшей права на майоратъ дочери (текстъ завѣщанія см. въ прилож.).

Въ настоящее время майоратомъ владѣетъ старшій сынъ свѣтлѣйшаго князя Петра Григорьевича Волконскаго, внукъ княгини Маріи Александровны Волконской, правнукъ графа А. Х. Бенкендорфа.

Тотчасъ по приобрѣтеніи имѣнія графъ, недовольный его состояніемъ и постройками, сталъ заботиться объ его благоустройствѣ и украшеніи. Вскорѣ былъ воздвигнутъ въ новоготическомъ стилѣ замокъ, постройка котораго была поручена весьма въ то время извѣстному архитектору А. Штакеншнейдеру. Паркъ также былъ видоизмѣненъ—почти заново распланированъ и украшенъ изобилующими въ немъ теперь горками, холмиками, бесѣдками, скамейками, статуями, мостиками и красиво разсаженными группами деревьевъ и кустовъ, образующихъ въ немъ живописные уголки и служащихъ декоративнымъ украшеніемъ мѣстности. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что превосходный паркъ Фалля, кромѣ барскихъ затѣй, которыми онъ переполненъ, единственный въ своемъ родѣ по массѣ встрѣчающихся въ немъ различныхъ породъ и видовъ всевозможныхъ деревьевъ. Вы найдете тамъ множество сортовъ березъ, тополей, каштановъ, кедровъ, кипарисовъ, буковъ, кленовъ и безчисленныя хвойныя породы, часто весьма рѣдкія. Этотъ замѣчательный паркъ можетъ служить предметомъ изученія и руководствомъ для любого ботаника.

Крестьяне-арендаторы въ Фаллѣ занимаются хлѣбопашествомъ, между тѣмъ какъ экономія Фалль обращаетъ исключи-

тельное вниманіе на травосѣяніе. Засѣянные тимоееевкой и клеверомъ луга экономіи ежегодно сдаются, съ аукціона, подъ косьбу около Иванова дня. Для экономіи всякій годъ убирается до 5.000 пуд. сѣна.

Конюшня состоитъ изъ 9 лошадей развѣздныхъ и 3 рабочихъ.

Въ рѣкѣ имѣнія водится, какъ сказано, прекрасная лососина и семга и даетъ ежегодный доходъ экономіи въ 400 р. Рыбы этой привозится каждый годъ въ Ревель приблизительно отъ 4 до 8 тысячъ фунтовъ.

Устройствомъ богадѣльни и больницы владѣлецъ оказалъ громадную пользу мѣстному населенію. На его средства при больницѣ содержится фельдшеръ, а въ важныхъ случаяхъ нерѣдко выписывается изъ Ревеля врачъ. Лѣтомъ же практикуетъ домашній докторъ владѣльцевъ имѣнія. Аптека при больницѣ обильно снабжается медикаментами и всѣмъ нужнымъ для быстрой подачи помощи.

V.

Ө. И. Тютчевъ о гр. А. Х. Бенкендорфѣ.

Нашъ очеркъ не былъ бы полонъ, если бы мы не упомянули здѣсь о поѣздкѣ въ Фалль, въ началѣ сороковыхъ годовъ, нашего извѣстнаго поэта, дипломата и славянофила, хотя и говорившаго и писавшаго по-французски, пожалуй, свободнѣе и лучше, чѣмъ по-русски, но гораздо болѣе русскаго въ душѣ, чѣмъ многіе, воображающіе себя истинно русскими людьми. Мы говоримъ о Ө. И. Тютчевѣ.

Въ 1843 г. Ө. И. Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Петербургъ и Москву, чтобы предварительно подготовить свое перемѣщеніе въ Россію. Постѣтивъ на возвратномъ пути къ мѣсту своего служенія семейство Крюденеровъ, въ Петергофѣ, онъ познакомился у нихъ съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. чрезъ котораго подалъ государю Николаю Павловичу какую-то записку или проектъ политическаго содержанія, — какого именно мы не знаемъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ черновой рукописи въ бумагахъ покойнаго поэта не сохранилось. Есть, однако, по мнѣнію И. С. Аксакова, біографа и зятя Ө. И. Тютчева, основаніе предполагать, что записка эта касалась нашей политики на Востокѣ.

Такъ завязались сношенія Ѳ. И. Тютчева съ всеильнымъ въ то время графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, пригласившимъ дипломата въ свое знаменитое имѣнье Фалль, гдѣ Ѳ. И. Тютчевъ и прогостилъ пять дней и откуда писалъ женѣ о владѣльцѣ помѣстья въ самыхъ сочувственныхъ, порой даже восторженныхъ, выраженіяхъ.

Занимая важный и отвѣтственный постъ начальника политической полиціи въ Россіи, гр. А. Х. Бенкендорфъ уже тѣмъ самымъ пріобрѣлъ въ своей жизни гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей, и антагонистовъ, чѣмъ сторонниковъ. Поэтому сердечный отзывъ объ этомъ человѣкѣ нашего уважаемаго поэта, обладавшаго серьезнымъ и недюжиннымъ умомъ и чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, весьма интересенъ и заслуживаетъ полного вниманія.

Отъ 9 сентября 1843 г. Ѳ. И. Тютчевъ писалъ женѣ:

«Je vais rejoindre les Krudener à Péterhof et de là le comte Benkendorf nous emmène dans son château de Fall proche de Réval».

Отъ 29-го сентября узнаемъ уже о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ этой поѣздки:

«Ma visite chez le comte Benkendorf—пишеть Ѳ. И. Тютчевъ женѣ—a été de cinq jours, fort agréablement passés. Je ne puis assez me féliciter d'avoir fait la connaissance du brave homme qui en est le propriétaire. C'est certainement une des meilleures natures d'homme que j'ai jamais rencontrées. Il est un des personnages les plus influents, les plus haut placés de l'empire et exerçant par la nature de ces fonctions la force presque aussi absolue que celle de Maître. Voilà ce que je savais et ce n'est pas certainement cela qui pouvait me prévenir en sa faveur. J'ai été par conséquent d'autant plus content de me convaincre que c'était en même temps un homme parfaitement hon et honnête. Il m'a comblé d'amitié beaucoup à cause de m-me Krudener et un peu aussi par sympathie personnelle; mais ce dont je lui sais plus de gré encore que de son accueil—c'est de s'être fait l'organe de mes idées auprès de l'Empereur, qui leur a accordé plus d'attention que je n'osais l'espérer. Quant au public j'ai été à même de m'assurer par l'écho que ces idées y ont trouvé, que j'étais dans le vrai et maintenant, grâce à l'autorisation tacite qui m'a été accordée, il sera possible d'essayer quelque chose de sérieux¹⁾».

¹⁾ О. И. Тютчевъ, библиографическій очеркъ П. С. Аксакова, напечат. въ X кн. 1874 г. «Русскаго Архива», изд. П. Бартечева, стр. 35—36.

Достойно сожалѣнія, что намъ неизвѣстно ничего сколько нибудь опредѣленнаго о тѣхъ мысляхъ и предположеніяхъ политическаго характера, о которыхъ говорится въ приведенномъ письмѣ и которыя встрѣтили, при посредствѣ гр. Бенкендорфа, столь благосклонный пріемъ у трона, что авторъ ихъ не могъ на него рассчитывать. Такъ какъ, по словамъ П. С. Аксакова, чернового экземпляра записки, о которой идетъ рѣчь, въ бумагахъ Ѳ. И. Тютчева не сохранилось, то нѣтъ ли возможности найти ее въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ или въ семейныхъ бумагахъ гр. Бенкендорфа, перешедшихъ къ теперешнему владѣльцу Фалля? Можетъ быть, тщательные розыски и увѣнчались бы успѣхомъ, что было бы весьма желательно, такъ какъ политическая программа русской дипломатіи того времени, составленная такимъ истиннымъ патріотомъ и русскимъ человѣкомъ, какимъ былъ Ѳ. И. Тютчевъ, прибавила бы еще лишнюю черту къ характеристикѣ этой замѣчательной личности.

Какъ бы то ни было, однако, сердечная симпатія, которую сумѣлъ возбудить къ себѣ гр. Бенкендорфъ въ нашемъ поэтѣ, много говорить въ пользу графа и еще разъ подтверждаетъ, что мягкое сердце и теплая отзывчивость часто скрываются подъ суровой и холодной внѣшностью.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Духовное завѣщаніе гр. А. Х. Бенкендорфа.

21-го Апрѣля 1844 года.

Генераль-Адъютантъ Графъ Орловъ, съ препровожденіемъ завѣщанія покойнаго Генераль-Адъютанта Графа Бенкендорфа, увѣдомилъ и. д. Товарища Министра Юстиціи, что означенное завѣщаніе было Высочайше утверждено, не смотря на то, что въ немъ отсутствовало полистное засвидѣтельствованіе завѣщателя. И. д. Товарища Министра Юстиціи вышеупомянутое завѣщаніе представилъ въ Правительствующій Сенатъ для надлежащаго распоряженія относительно его исполненія. Означенное завѣщаніе слѣдующаго содержанія: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Въ С.-Петербургѣ, 21-го Апрѣля 1844 года, я нижеподписавшійся, Шефъ Жандармовъ, Командующій Императорскою Главною Квартирою, Генераль

отъ Кавалеріи Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, въ написанномъ мною дома 25-го Января 1837 года завѣщаніи изъявилъ свою волю относительно того, въ какомъ порядкѣ мои любезныя супруга и дочери должны будутъ унаслѣдовать движимое и недвижимое имущество, какъ наслѣдственное, такъ и благопріобрѣтенное мною. Въ настоящее время я, вслѣдствіе нѣкоторыхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ моемъ семействѣ и другихъ обстоятельствъ, а именно: по причинѣ бракосочетанія моей любезной дочери Анны съ иностраннымъ Графомъ Рудольфомъ Аппоньи, по причинѣ уступки доставшейся мнѣ со смертью моего отца деревни Сосновки, Тамбовской губерніи, племяннику моему Константину Бенкендорфу взамѣнъ принадлежащихъ ему въ Эстляндіи имѣній Кехтель и Каппель и, наконецъ, по причинѣ продажи этихъ имѣній для уплаты моихъ долговъ, — при здоровомъ умѣ и полномъ сознаніи, симъ прекращаю дѣйствительность прежняго моего завѣщанія отъ 26-го Января 1837 года, взамѣнъ же онаго, если Господу Богу угодно будетъ разлучить мою душу отъ бреннаго тѣла, дѣлаю слѣдующее распоряженіе: 1) Такъ какъ дочь моя, графиня Аппоньи, вслѣдствіе выхода замужъ за иностранца, теряетъ права на владѣніе имуществомъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, и такъ какъ всѣ права, переданныя ей въ первомъ моемъ завѣщаніи должны перейти на мою вторую дочь, княгиню Марію Волконскую, то пусть сія послѣдняя дѣлается владѣтельницею имѣній --- Фалль, Мерремойзъ и Кэзаль, изъ состава коихъ Его Величество Государь Императоръ Всемилостивѣйше дозволилъ мнѣ образовать майоратъ. Ей, княгинѣ Волконской, уступаю я этотъ майоратъ для исключительнаго владѣнія, согласно условіямъ, приведеннымъ въ Высочайшемъ указѣ, даннымъ Правительствующему Сенату 21-го Октября 1837 г., вмѣстѣ съ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, землями, водами, лѣсами, лугами и всѣмъ тѣмъ, что послѣ моей кончины будетъ найдено по этимъ тремъ соединеннымъ имѣніямъ, и въ моихъ домахъ, начиная съ серебряныхъ вещей и кончая малѣйшими принадлежностями, съ точнымъ и обязательнымъ для помянутой моей дочери условіемъ, что она ничего изъ этихъ вещей не посмѣетъ ни разстратить, ни продать, ни вывезти; все, безъ исключенія, должно оставаться тамъ въ неповрежденномъ видѣ сохраняемо и поддерживаемо, и никто не смѣетъ простираť своихъ требованій на это имущество.

Въ случаѣ смерти княгини Волконской майоратъ, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, переходитъ во владѣніе ея сына, а послѣ смерти послѣдняго на дѣтей его мужскаго и женскаго пола по праву первородства и такимъ образомъ имѣніе постоянно будетъ считаться за ихъ потомствомъ. Въ случаѣ, если она сама и всѣ ея дѣти умрутъ, не оставивъ послѣ себя потомства, то майоратъ по праву наслѣдованія переходитъ на дочь мою Софію, выходящую теперь замужъ за Павла Демидова, и на ихъ потомство, но если бы (чего Боже избави) всему нисходящему послѣ меня роду суждено было прекратиться, то майоратъ достанется моему родному племяннику Константину Константиновичу Бенкендорфу, а за нимъ на всю нисходящую отъ него линію; но если бы и онъ также умеръ бездѣтнымъ, то владѣніе майоратомъ переходитъ на мою родную племянницу Марію Константиновну Толстую и ея дѣтей, а за смертью ея и ея дѣтей, владѣльцами майората должны сдѣлаться ближайшіе мои родственники, а именно дѣти моего двоюроднаго брата Павла Бенкендорфа. 2) Отъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора пожалованная мнѣ въ Бессарабіи, а также и купленная мною отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Варлаама земля, занимающая пространство всего въ 34.000 десятинъ, со всѣми находящимися тамъ экономическими постройками распредѣляется, въ случаѣ, если бы я самъ того при жизни учинить не могъ, слѣдующимъ образомъ: шестую часть этой земли я перевожу на имя дочери моей Маріи; третью часть дочери моей Софіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы годовой доходъ изъ остающейся третьей части и изъ шестой части всей земли выплачивался деньгами дочери моей Аннѣ. Если бы я умеръ раньше 1848 года, то она пользовалась бы правомъ только на этотъ доходъ, потому что я къ сему времени надѣюсь свое Бессарабское имѣніе привести въ надлежащій порядокъ; но если бы моя смерть послѣдовала послѣ 1848 года, то дочь моя Софія обязывалась бы уплатить ей, Аннѣ, разъ навсегда сумму, равную по цѣнности со сказанной третьей частью и одной шестой части, сообразно среднему исчисленію доходовъ, основанному на оцѣнкѣ за послѣдніе три года. 3) Доходы съ пожалованныхъ мнѣ Его Величествомъ золотыхъ рудниковъ должны быть раздѣлены на три части и по равной части выплачиваемы моимъ тремъ дочерямъ. Управление этимъ источникомъ дохода я передаю только на имя князя Григорія Волконскаго и на имя будущаго супруга моей дочери Софіи. 4) Если бы мнѣ

пришлось умереть раньше моей любезной супруги, то предоставляю ей вступить въ полное пожизненное владѣніе моимъ майоратомъ въ Эстляндіи, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, каковыя мною утверждены для младшихъ моихъ дочерей. Земля въ Бессарабіи должна быть безотлагательно подѣлена между моими младшими дочерьми, Княгинею Маріею Волконскою и Графинею Софіею Бенкендорфъ, которыя обязуются ежегодно выплачивать моей супругѣ, а своей матери, третью часть доходовъ, каковыя каждая изъ нихъ получить изъ доставшихся имъ земель, за исключеніемъ дочери моей Анны, которая, будучи менѣе всѣхъ состоятельной, получить опредѣленную ей часть безо всякихъ вычетовъ, т. е. безъ отдѣленія части получаемыхъ доходовъ въ пользу своей матери. Доходъ съ золотыхъ рудниковъ я постановляю дѣлить до смерти моей супруги на четыре части, изъ коихъ одну часть должна получить моя супруга, а три части получать дочери. 5) Въ вознагражденіе за пожалованіе въ настоящемъ завѣщаніи супругѣ моей, Графинѣ Елизаветѣ Андреевнѣ Бенкендорфъ, права на пожизненное владѣніе майоратомъ въ Эстляндіи, а также въ удовлетвореніе за часть доходовъ съ принадлежащихъ мнѣ земель въ Бессарабіи и золотыхъ рудниковъ въ Сибири, — она должна отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ на полученіе законной доли изъ моего состоянія, на которое она послѣ существующихъ распоряженій хотѣла бы распространить свою власть, и для засвидѣтельствованія къ тому своего согласія, она обязуется представить по законной формѣ составленную грамоту объ отреченіи, каковая должна быть сохраняема вмѣстѣ съ моимъ завѣщаніемъ. 6) Я вполне увѣренъ, что моя супруга и дочери, послѣ моей смерти, не станутъ спорить изъза смысла моей послѣдней воли, содержащейся въ документѣ, но сочтутъ своею обязанностью настоящее завѣщаніе, ради спокойствія моей души, исполнить по совѣсти. Заключая сіе завѣщаніе, я отваживаюсь мою супругу и дочерей поручить Высочайшей защитѣ моего Всемилостивѣйшаго Государя и Благодѣтеля. Онъ не оставитъ близкихъ моему сердцу. Сіе завѣщаніе удостоверяю я собственноручною подписью, рядомъ съ нижеподписавшимися свидѣтелями. Сіе завѣщаніе, по желанію Его Сіятельства Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, съ его собственноручнаго черновика переписалъ Губернскій Секретарь Илья Гавриловичъ Гавриловъ. Оригиналъ подписали: Генераль-Адъютантъ Генераль отъ Кавалеріи и Кавалеръ, Графъ Алек-

сандръ Христофоровъ сынъ Бенкендорфъ. Что сіе завѣщаніе написано согласно волѣ Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и имъ собственноручно подписано, симъ свидѣтельствую Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи и Кавалеръ Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ. Что сіе завѣщаніе написано согласно волѣ Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и имъ собственноручно подписано, симъ свидѣтельствую Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде. Что сіе завѣщаніе написано согласно волѣ Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и собственноручно имъ подписано, симъ свидѣтельствую Генераль-маіоръ свиты Его Величества и Кавалеръ Леонтіи Васильевичъ Дубельтъ (Сенатск. Вѣдом. № 96).

Водопадъ (Фалль).

Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи.

(Очерки).

Реформація проникла въ Прибалтійскій край въ XVI вѣкѣ, встрѣченная довольно сильнымъ протестомъ со стороны земельного дворянства и горожанъ и принятая совершенно пассивно сельскимъ населеніемъ, которому въ сущности было совершенно все равно, будетъ ли оно въ подчиненіи у ксѣндза или у пастора. Какъ прежнее католичество, такъ и явившееся ему на смѣну въ краѣ лютеранство, было одинаково чуждо простому народу, въ глазахъ котораго, въ виду спутанности и неустойчивости его религіозныхъ воззрѣній, это была религія господъ. Жившіе на днѣ народной души остатки прежнихъ вѣрованій, въ тайнѣ соблюдаемые языческіе обычаи и обряды восполняли собою въ туземномъ населеніи неудовлетворенную религіозную потребность, ощущаемую въ официальной церкви съ безжалостнымъ вотчинно-начальническимъ отношеніемъ духовенства къ своей паствѣ.

«Просвѣтительная» дѣятельность лютеранскаго духовенства въ краѣ, до покоренія его Швеціей, выразилась лишь въ томъ, что въ 1555 году былъ впервые изданъ на мѣстномъ языкѣ краткій катехизисъ Лютера. Только въ XVII вѣкѣ, по покореніи Ливоніи шведами при Густавѣ-Адольфѣ, стали появляться тамъ школы и посылаться въ Балтійскій край миссіонеры для искорененія язычества и просвѣщенія народа, о которомъ мало пеклись ливонскіе пасторы.

Шведское правительство заботилось не только объ одномъ просвѣщеніи народа, но и объ ограниченіи произвола помѣщиковъ, распоряжавшихся на своихъ земляхъ по средневѣковымъ обычаямъ, стремясь постепенно къ полному уничтоженію въ краѣ крѣпостного права. Эти стремленія вызывали громкіе протесты со стороны мѣстнаго дворянства. Когда, въ началѣ XVIII столѣтія, по покореніи края Петромъ Великимъ, русское правительство возвратило мѣстнымъ землевладѣльцамъ ихъ прежнія права и привилегіи, дѣятельность шведскихъ мис-

сионеровъ сразу ослабла, а затѣмъ и совершенно прекратилась. Нѣмецкіе же пасторы держались вдали отъ народа, болѣе заботясь о взиманіи церковныхъ повинностей, чѣмъ о просвѣщеніи паствы..

Трудно и безысходно было положеніе этой несчастной паствы въ прежнія времена, когда кирка была прежде всего лобнымъ мѣстомъ, такъ какъ близъ ея стѣнъ ставился позорный столбъ, у котораго производились экзекуціи надъ крѣпостными, по приказанію свѣтскихъ и духовныхъ господъ, а въ стѣнахъ храма раздавались лишь проповѣди о покорности помѣщикамъ и, конечно, пасторамъ, у которыхъ угнетенный народъ не находилъ ни совѣта, ни утѣшенія, ни поддержки!

Это ужасное время, къ счастью, навсегда миновало, но оно оставило по себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, слѣды въ народѣ, въ его теперешнемъ отношеніи къ пасторамъ и киркѣ,—отношеніи, далеко несочувственномъ къ представителямъ лютеранской церкви въ краѣ, и по сіе время недостаточно заботящимся о духовной жизни населенія.

Лютеранскій пасторъ въ краѣ является въ отношеніи населенія тѣмъ же помѣщикомъ. Онъ сдаетъ свой пасторатскій участокъ въ аренду своимъ же «пасомымъ» и частенько на условіяхъ гораздо болѣе тяжкихъ, чѣмъ помѣщикъ-землевладелецъ. Совершенно естественно, что крестьяне не могутъ отдѣлать въ свзихъ понятіяхъ личности своего пастора, какъ духовнаго наставника, отъ арендателя и хозяина, то-есть уважать въ немъ духовный санъ, находясь у него въ то же время въ матеріальной кабалѣ. При этомъ корыстолюбіе большинства пасторовъ ¹⁾, ихъ требовательность при взиманіи съ крестьянъ церковныхъ повинностей и общность ихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ,—все это, къ сожалѣнію, возбуждаетъ противъ нихъ крестьянское населеніе края и рождаетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ послѣдняго.

Что же остается дѣлать народу, не находящему нравственнаго успокоенія въ своей церкви съ пасторомъ-помѣщикомъ во главѣ? Искать истины въ молитвенныхъ собесѣдованіяхъ такихъ же алчущихъ, устраиваемыхъ въ частныхъ домахъ, внѣ кирки. Тамъ ищущіе правды и нравственнаго успокоенія сходятся во имя любви и, позабывъ хоть на время

¹⁾ По всему Прибалтійскому краю ходитъ изъ устъ въ уста масса анекдотовъ, въ которыхъ вышучивается, главнымъ образомъ, корыстолюбіе и жадность мѣстныхъ пасторовъ.

неизбѣжнаго пастора съ безсердечной проповѣдью о геелѣ огненной за неповиновеніе ему паствы, читають и толкують Евангеліе и Св. Писаніе, толкують часто неправильно... Но, прочтя вышеизложенное, скажите, читатель, можно ли осуждать «малыхъ сихъ»?...

Такъ подготовлялась сама собой почва для сектантства достигшаго большого распространенія въ краѣ.

Предлагаемые ниже очерки сектантскаго движенія въ Эстляндіи дадутъ читателямъ общее понятіе о лютеранскомъ расколѣ въ Балтійскомъ краѣ и той удивительной роли, которую играетъ въ этомъ движеніи кирка.

I.

Начнемъ съ гернгутеровъ.

Въ Россіи гернгутеры особенно извѣстны по своей колоніи «Сарептѣ», въ Саратовской губерніи. Начало этой секты относится къ XV вѣку. Основателемъ ея былъ чешскій полякъ Чельчицкій, ревностный ученикъ Яна Гуса. Называясь прежде «моравскими» или «богемскими братьями» и сильно разнясь въ своемъ ученіи отъ лютеранства, гернгутеры претерпѣвали, въ первую эпоху основанія своей общины, гоненія и отъ католиковъ, и отъ послѣдователей Лютера. Затѣмъ, въ XVII вѣкѣ, между „братьями“ и реформаціей состоялось соглашеніе, и исповѣданіе секты было разрѣшено особымъ эдиктомъ императора Рудольфа II. Подвергшись снова упорному преслѣдованію во время 30-ти-лѣтней войны, „моравскіе братья“ нашли себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ либеральнаго и просвѣщеннаго графа Цинцендорфа, крупнаго саксонскаго землевладѣльца, который предложилъ имъ убѣжище въ своемъ имѣніи, гдѣ сектанты и устроили свою колонію «Гернгуть» (Hernhut), давшую собой названіе общинѣ. Въ 1750 году гернгутеры приняли «аугсбургское исповѣданіе» и съ того времени считаются сектой въ лютеранской церкви подъ названіемъ «Евангелическое братское общество».

Гернгутеры отличаются отъ лютеранства взглядомъ на «аугсбургское исповѣданіе», какъ на символическую книгу, которую можно толковать произвольно, и главнымъ образомъ своимъ церковнымъ устройствомъ, имѣя своихъ собственныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, словомъ, свою совершенно особую іерархію.

Въ Прибалтійскій край, а именно въ Лифляндію, гернгутеры проникли въ началѣ прошлаго столѣтія, въ 1729 году, когда мѣстное дворянство пригласило ихъ къ себѣ, будучи недовольно своимъ духовенствомъ. Отсюда вскорѣ гернгутеры проникли и въ сосѣдную Эстляндію.

Быстрымъ успѣхамъ гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ очень много способствовали указы императрицы Екатерины II (1764 г.) о разрѣшеніи сектантамъ поселенія въ Россіи съ правомъ свободы совѣсти, исповѣданія и церкви, и императора Александра I (1817), подтвердившаго милости въ отношеніи гернгутеровъ своей великой бабки. Въ 1834 г. секта достигла полнаго процвѣтанія въ Россіи. Въ 1893 г. гернгутеры имѣли въ Эстляндской губерніи 47 молитвенныхъ домовъ въ 36 приходяхъ, а въ Лифляндской губерніи 157 молитвенныхъ домовъ въ 57 приходяхъ. Эти 204 молитвенныхъ дома посѣщались, по приблизительному вычисленію, 60.000 постоянныхъ и 30.000 случайныхъ прихожанъ.

Въ послѣдніе годы число посѣтителей гернгутерскихъ молитвенныхъ домовъ, особенно въ эстонской части Лифляндіи простиралось, въ 1893 г., до 50.000 человѣкъ.

Какъ относится и относилось къ гернгутерамъ современное лютеранское духовенство? Сначала оно строго запрещало своей паствѣ посѣщать гернгутерскія богомоленія, но затѣмъ начало относиться къ этому вопросу съ мудростью практика, заботящагося лишь о формѣ, а не о сущности ученія. Пасторы, приблизительно съ сороковыхъ годовъ, начали позволять лютеранамъ бывать на собраніяхъ гернгутеровъ, но подъ условіемъ не отдѣляться отъ лютеранства и посѣщать по воскресеньямъ и въ праздники кирку. Этимъ лютеранская церковь какъ бы молчаливо санкціонировала гернгутерство въ краѣ. Съ своей стороны гернгутеры не требовали отъ посѣтителей своихъ молитвенныхъ собраній отпаденія отъ той церкви, къ которой они принадлежали. Приходящихъ къ нимъ молиться гернгутеры радостно принимаютъ, признавая ихъ и себя „соединенными между собою братскою любовью и принадлежащими Единому Господу Богу Іисусу Христу“ и считая себя и ихъ „одной общиной передъ Господомъ“. Члены лютеранской церкви, посѣщающіе молитвенные дома гернгутеровъ, всецѣло остаются въ своей прежней церкви, исполняя ея обряды, прибывшіе же изъ-за границы и принадлежащіе къ „братской церкви“ составляютъ совершенно независимую общину, независимую отъ лютеранской церкви, со своимъ осо-

бымъ духовенствомъ, рукополагаемымъ особыми епископами. Пресвитеровъ, замѣняющихъ у гернгутеровъ пасторовъ, было въ Эстляндіи въ 1893 г., пятнадцать человѣкъ. Секта гернгутеровъ въ Эстляндіи въ сущности сама по себѣ не особенно обширна по числу своихъ членовъ, а прибывшихъ сюда изъ-за границы „братевъ“ весьма немного. Значеніе и роль гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ сказались, главнымъ образомъ, во время религіознаго броженія среди эстонцевъ. Лютеранская церковь очень ловко воспользовалась тогда гернгутерами для удержанія отпадавшихъ отъ нея эстовъ: посѣщая молитвенныя собранія „моравскихъ братевъ“, вполне разрѣшенныя киркой, эстонцы оставались тѣмъ самымъ въ лонѣ лютеранства, такъ какъ гернгутеры не требовали отъ нихъ отпаденія отъ прежней церкви. Находя въ гернгутерскихъ богомоленіяхъ нравственное удовлетвореніе, эстонцы, посѣщая ихъ, тѣмъ самымъ не прерывали общенія и съ лютеранствомъ.

Молитвенныя собранія гернгутеровъ происходятъ въ особыхъ домахъ, специально для этого отведенныхъ, и находятся подъ надзоромъ „діаконовъ“ и ихъ помощниковъ. На этихъ собраніяхъ происходитъ чтеніе и пѣніе молитвъ, толкованіе св. писанія, проповѣди и чтеніе назидательныхъ книгъ.

Кромѣ этихъ общихъ (разъ въ мѣсяцъ) молитвенныхъ собраній и собраній административно-хозяйственнаго характера, устраиваемыхъ братствомъ для укрѣпленія внутренняго порядка общины, — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Эстляндіи, гдѣ гернгутерство особенно процвѣтаетъ, учреждаются особыя молитвенныя сборища для холостыхъ, женатыхъ, замужнихъ, незамужнихъ и дѣтей. Здѣсь каждому члену братства разъясняются лежащія на немъ религіозно-нравственныя обязанности.

Окружныя гернгутерскія управленія въ Эстляндіи находятся: въ Либерте, въ приходѣ Кошь, Ревельскаго уѣзда, въ гор. Гапсаль и въ имѣніи Тудолинъ, въ приходѣ Исаакъ, Везенбергскаго уѣзда.

Вслѣдъ за гернгутерами идутъ, по своему значенію въ краѣ, скакуны.

Начало секты положилъ нѣкто Эстербломъ, назначенный въ 1872 г. евангелически-отечественнымъ институтомъ въ Стокгольмѣ¹⁾ учителемъ въ содержимую институтомъ на о-вѣ

¹⁾ Евангелически-отечественный институтъ въ Стокгольмѣ имѣетъ главною цѣлю обращеніе въ христіанство язычниковъ, главнымъ образомъ, въ Африкѣ. Въ Эстляндіи же институтъ работаетъ лишь въ мѣстахъ, населеніе которыхъ говорить по шведски, дѣйствуя, будто бы, въ пользу шведской государственной церкви (отчетъ миссіонера Викандера эстляндскому губернатору, см. дѣло канцел. Эстляндск. губер., по 1 ст. за № 62). Институтъ содержитъ на Вормсѣ и Наргенѣ училища и учителей.

Вормсѣ школу. Хотя миссіонеръ Викандеръ, посѣтившій въ 1884 и 1885 гг. о-ва Вормсѣ и Наргенъ, и увѣрялъ въ своихъ отчетахъ, представленнхъ тогдашнему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, что упомянутый институтъ противодѣйствуетъ развитію сектъ, врядь ли, однако, можно отнести съ довѣріемъ къ этому заявленію, такъ какъ названный Эстербломъ, вскорѣ по прибытіи на о-въ Вормсѣ, сталъ дѣятельно распространять среди островитянъ брошюрки извѣстнаго „скакуна“ Вальденстрема. Въ 1879 г. скакунство на о-въ Вормсѣ стало обращать на себя особенное вниманіе. Вышедшіе изъ народа скакунскіе проповѣдники перенесли его на о-въ Даго и полуостровъ Нукэ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ послѣдователей ученія Эстерблома въ приходахъ Пеналь, Ретель, Мартенсъ, Гольденбекъ, въ Леаль, Кфеферъ и, наконецъ, въ приходахъ Мерьямскомъ, Нисскомъ и Крейцскомъ.

Въ чемъ же заключается ученіе скакуновъ?

Кто читалъ про нашихъ скакуновъ и хлыстовъ, тотъ уже имѣетъ представленіе и о лютеранскомъ скакунствѣ. Произвольное толкованіе св. писанія, составляя общелютеранскій церковный принципъ, соединяется у скакуновъ съ вѣрой въ «освященіе» Св. Духомъ избранниковъ, получающихъ чрезъ это особую духовную прозорливость и даръ проповѣди. Это освященіе свыше происходитъ, по понятію учениковъ Эстерблома, при помощи экстаза. Доведеніе себя искусственными способами до такого именно состоянія и составляетъ всю цѣль скакунскихъ радѣній.

Собравшіеся топаютъ ногами, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ, прыгаютъ, вертятся и, доходя до изнеможенія, зачастую впадаютъ въ эпилепсію. Доведя себя до высшей степени экзальтаціи, скакуны начинаютъ «проповѣдывать», и такъ какъ каждый толкуетъ св. писаніе по-своему, — получается полная дисгармонія въ религіозныхъ понятіяхъ, воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ этихъ экзальтированныхъ искателей истины.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія собранія сектантовъ не обходятся безъ прискорбныхъ уклоненій, дѣлающихъ изъ нихъ беззвучныя оргіи, полныя грубаго разврата ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что состояніе духа, до котораго сознательно доводятъ себя скакуны на своихъ сходкахъ, весьма способствуетъ всевозможнымъ физиологическимъ эксцессамъ, самое понятіе объ общественной нравственности у послѣдователей

1) «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 14, 1891 г.

Эстерблома настолько оригинально, что всевозможныя распутства считаются въ скакунствѣ дѣломъ зауряднымъ. Отрицаніе семьи и брачныхъ союзовъ весьма способствуетъ этой разнузданности. Свальный грѣхъ въ корчмахъ, на сѣновалахъ или даже... въ самомъ молитвенномъ домѣ является самымъ обыкновеннымъ концемъ радѣній. Бываетъ также, что доведенные до экстаза „алчущіе Духа Божія“ выбѣгаютъ совершенно нагими на крышу дома, гдѣ происходила «духовная бесѣда», и ожидаютъ облака, которое должно унести ихъ на небо ¹⁾... Одинъ изъ послѣдователей секты ирвингיאнь, о которомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, передавалъ намъ, что, насколько ему извѣстно, скакунскія радѣнія въ Эстляндіи сопровождаются иногда кровосмѣсительствомъ и противоестественными пороками. Принимая во вниманіе экстазъ „радѣющихъ“, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Скакунство имѣетъ большой успѣхъ въ Эстляндіи, особенно въ простомъ народѣ, поощряя его чувственные инстинкты. По официальнымъ даннымъ, количество скакуновъ въ Эстляндской губерніи доходило въ 1893 г. до 840 человекъ, что составляетъ 6,4% всѣхъ вообще сектантовъ въ этой губерніи, считая также и гернгутеровъ; если же откинуть послѣднихъ, что было бы вполне справедливо, такъ какъ эстляндскіе гернгутеры, какъ уже знаютъ читатели, находятся въ единеніи съ лютеранской церковью, то около 84% всѣхъ сектантовъ въ Эстляндіи падаетъ на долю скакуновъ, при чемъ 20% изъ числа всѣхъ скакуновъ въ Эстляндіи приходится на Гапсаль и его уѣздъ ²⁾.

Достоинъ также вниманія то обстоятельство, что среди эстонскихъ скакуновъ преобладающимъ элементомъ являются женщины: изъ 840 сектантовъ—533 особы прекраснаго пола. Такимъ образомъ секта скакуновъ въ Эстляндіи держится главнымъ образомъ правнучками Евы. Чѣмъ объясняется это, склонностью ли слабаго пола къ ученію, покровительствующему легкому отношенію къ морали и отрицающему тяжелыя «цѣпи Гименея», или тѣмъ, что экстазу, процвѣтающему въ скакунствѣ, особенно подвержены женщины, обладающія болѣе воспримчивой нервной системой, чѣмъ мужчины,—трудно сказать.

¹⁾ Ibid.

²⁾ «Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи», Ревель, 1893 г., стр. 13. (Составлено канцеляріей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго).

По свѣдѣніямъ ревельской полиціи ¹⁾, скакуны не посѣщаютъ кирокъ, отрицаютъ лютеранскихъ пасторовъ, причащаются св. тайнъ единолично, т. е. каждый причащается св. Тѣла и Крови самъ и затѣмъ передаетъ св. дары другому, а таинство крещенія совершаютъ надъ взрослыми, подготовленными къ понятію о святости таинства.

Мы сказали уже, что въ скакунствѣ является проповѣдникомъ всякій, кто почувствуетъ въ себѣ даръ проповѣди, при чемъ каждый объясняетъ св. писаніе по своему. Определеннаго ученія секты поэтому нѣтъ и быть не можетъ. Хотя секта эта и имѣетъ значительный успѣхъ въ Эстляндіи, однако, при процвѣтаніи тамъ другихъ сектъ, болѣе определеннаго характера, скакунство можетъ быть поглощено ими и перестать существовать, какъ отдѣльная община.

Ирвингіанство, о которомъ мы упомянули выше, явилось въ Россію и Прибалтійскій край въ тридцатыхъ годахъ ²⁾ изъ Англіи, гдѣ пасторы Левисъ Вэй (Way) и Эдвардъ Ирвингъ проповѣдывали о близости второго пришествія Иисуса Христа и о необходимости людямъ приготовиться къ достойной Его встрѣчѣ.

Въ Эстляндію ирвингіанство проникло въ 1874 г. Проповѣдникомъ его въ Ревелѣ былъ нѣкій унтеръ-офицеръ, по фамиліи Карль Крейцманъ, латышь по происхожденію. Отсюда секта проникла въ волость Кюръмяги Пенальскаго прихода, гдѣ сразу пріобрѣла 60 прозелитовъ.

По ученію ирвингіанъ, христіанство со временъ апостоловъ совратилось съ пути истины, преподанной людямъ Христомъ Спасителемъ.

Сдѣлать церковь Христову, при помощи реформъ въ области догмы, іерархіи и обряда, такую, какою она была въ вѣкъ апостольскій, составляетъ священную задачу разсматриваемой нами секты.

Въ отличіе отъ лютеранъ, ирвингіане признаютъ таинствами, кромѣ причащенія и крещенія, мвропомазаніе, священство, покаяніе и бракъ. Особой оригинальностью, напоминающею собою организацію древне-христіанской общины вѣка апостольскаго, отличается іерархія ирвингіанъ. Такъ, мы видимъ у нихъ «апостоловъ», «пророковъ», «ангеловъ» (епископы въ древне-христіанской общинѣ) и «евангелистовъ».

¹⁾ Ibid.. стр. 2.

²⁾ Г. Линденбергъ, Протестантскія секты, «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 12, 1891 г.

«Апостолы», которыхъ должно быть всегда двѣнадцать, являются высшими правителями ирвингiанской секты, рукополагающая церковнослужителей. «Пророки» сектантовъ претендуютъ на всестороннее знаніе и пониманіе ветхозавѣтныхъ книгъ. «Евангелисты» получаютъ отъ «апостоловъ» право проповѣдывать Евангеліе. «Ангелы» руководятъ отдѣльными церковными общинами, совершаютъ богослуженіе, требы и проповѣдуютъ. У ирвингiанъ есть еще «діаконы», которые, не представляя собой особой іерархической степени, специально завѣдуютъ дѣлами благотворительности.

Одно изъ важнѣйшихъ вѣрованій ирвингiанъ—это ученіе о двухъ грядущихъ пришествіяхъ въ міръ І. Христа. Первое пришествіе Сына Божія будетъ, по убѣжденію сектантовъ, тайное, видимое только ирвингiанамъ, второе же явное, которое узрять всѣ истинно вѣрующіе. Во время второго пришествія І. Христа всѣ, оставшіеся вѣрными Слову Божію, будутъ вознесены облакомъ на небо,—такимъ образомъ вся церковь земная и видимая сдѣлается церковью небесной и невидимой и избавится отъ будущихъ бѣдствій: пришествія антихриста, царства сатаны и свѣтопреставленія...

Ирвингiане имѣютъ, кромѣ послѣдователей секты, проживающихъ въ Ревелѣ и Гапсалѣ и ихъ уѣздахъ, прозелитовъ въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Петербургѣ¹⁾.

Въ Ревелѣ въ 1886 г. ирвингiанъ насчитывалось 60 — 70 человекъ, въ 1891 г. ихъ было уже 110 (75 женщинъ и 35 мужчинъ).

Въ настоящее время въ Эстляндской губерніи, по частнымъ, имѣющимся у насъ, свѣдѣніямъ, ихъ свыше 250 человекъ—секта, очевидно, прогрессируетъ весьма успѣшно.

Въ Петербургѣ ирвингiанская община находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ «епископа» В. А. Дитмана, доктора-гомеопата по специальности.

Община, называющая себя въ официальныхъ сношеніяхъ «апостольской церковью», имѣетъ свою особую церковь въ лучшей части столицы, а именно на Сергіевской улицѣ, въ домѣ подъ № 10. Церковь довольно помѣстительна и находится во дворѣ. Въ воскресенье и четвергъ здѣсь совершается богослуженіе по ирвингiанскому обряду; въ четвергъ служба происходитъ на русскомъ языкѣ и предназначается спеціально для русскихъ прозелитовъ секты.

¹⁾ Прошеніе членовъ апостольской церкви (ирвингiанъ), поданное бывшему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, въ мартѣ 1886 г.

Спѣшимъ подѣлиться здѣсь съ читателями нашими личными впечатлѣніями отъ носѣщенія ирвингянской церкви въ Петербургѣ.

Въ одно изъ воскресеній мы поѣхали, въ одиннадцатомъ часу утра, «къ Дитману», какъ принято обозначать ирвингянскія богомоленія на Сергіевской улицѣ въ «свѣтѣ», гдѣ ирвингянская община пользуется немалымъ успѣхомъ и гдѣ имѣетъ сторонниковъ и покровителей болѣе сильныхъ, чѣмъ всякая иная лютеранская секта въ Россіи... Утро было сѣренькое, слегка моросилъ дождь. Пройдя обширный дворъ, мы повернули налѣво и черезъ небольшія сѣни вошли въ длинноватой, слабо освѣщенной свѣтомъ изъ оконъ, комнатѣ, уставленной поперекъ скамьями, на подобіе внутренности лютеранскаго храма. Налѣво отъ входной двери, въ глубинѣ комнаты, на нѣкоторомъ возвышеніи, помѣщался алтарь общелютеранскаго типа.

Мы сѣли на одну изъ срединныхъ скамеекъ и стали прислушиваться къ богослуженію. Какой-то господинъ съ сѣдыми бакеннами, красноватымъ лицомъ и сосредоточенно-безучастнымъ взглядомъ, напоминающій собою нѣмецкаго коммерсанта Балтійскаго края, молча подвинулъ къ намъ лежавшую на пюпитрѣ, предъ скамейкой, книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ и затѣмъ указалъ въ ней уже заложенное мѣсто. Это была книга псалмовъ общиры, а мѣсто, указанное сосѣдомъ, — псаломъ, только что исполненный присутствовавшими. «Пресвитеръ» въ бѣлой одеждѣ читалъ предъ алтаремъ, по-нѣмецки какую-то молитву. Мы оглянули ряды молящихся. Въ заднихъ рядахъ — мелкіе мастерские нѣмецкой внѣшности, въ переднихъ — смѣшанный людъ, не имѣющій опредѣленной физиономіи. Здѣсь мы увидѣли и фигуры, напоминающія петербургскихъ чиновниковъ, и военныхъ, и бѣдно одѣтыхъ старушекъ-салопницъ, и сестеръ милосердія въ полумонашескихъ одеждахъ и бѣлоснѣжныхъ капюшонахъ, и свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ. У всѣхъ были молитвенники въ рукахъ. «Пресвитеръ» все читалъ молитвы, то быстро и невнятно, то отчеканивая слова и съ разстановкой. Отъ времени до времени присутствовавшіе сразу всѣ вставали и пѣли въ одинъ голосъ и довольно нескладно псалмы, держа передъ глазами молитвенники. Но вотъ чей-то сначала невнятный женскій голосъ съ первыхъ скамеекъ вдругъ сталъ сперва тихо, а потомъ все громче и громче, выкрикивать что-то совершенно непонятное. Какіе-то удивительные звуки на несуществующемъ въ мірѣ

языкъ сыпались, какъ горохъ, при общемъ благоговѣйномъ молчаніи.

«Пресвитеръ» и его помощники также притихли и внимали полной пожилой дамѣ въ темномъ дорогомъ ватерпруфѣ (присутствующіе сидѣли въ верхнихъ платьяхъ), уже начинавшей выкрикивать непонятныя слова съ возрастающей экзальтаціей. «Духъ Святой одарилъ ее даромъ языковъ», пояснилъ мнѣ по-нѣмецки мой сосѣдь, а между тѣмъ дама продолжала уже кричать во весь голосъ съ замѣтной хрипотой. Вдругъ она неожиданно умолкла, упавъ въ изнеможеніи на руки сидѣвшей возлѣ другой дамы. Ее мгновенно окружили, стараясь привести въ чувства. «Счастливица, — услышали мы вблизи себя, — c'est le Saint Esprit qui l'a fait parler!» — „Oh, yes!“ — раздался флегматическій отвѣтъ. Мы оглянулись: это пятнадцатилѣтняя барышня-подростокъ разговаривала съ своей бонной-англичанкой...)

Вернемся, однако, къ эстляндскимъ ирвингіанамъ.

Въ мартѣ 1886 г. настоятелемъ ирвингіанской общины Михелемъ Мутсу, діаконемъ Парманомъ и подь-діаконемъ П. Мутсу было подано тогдашнему эстляндскому губернатору князю С. В. Шаховскому прошеніе отъ имени прихожанъ Кирьемегскаго общества, Ретельскаго прихода, о разрѣшеніи имъ собираться для молитвы въ особо устроенномъ для сего домѣ. Мотивомъ къ этому ходатайству послужило закрытіе, въ февралѣ того же года, шtrandвикскимъ гаккенрихтеромъ (уѣздный начальникъ дореформенной эпохи въ Прибалтійскомъ краѣ) молитвенныхъ собраній ирвингіанъ, по настоянію мѣстнаго пастора Михельсона, старавшагося предотвратить развитіе секты, въ выстроенномъ сектантами собственномъ домикѣ на 50 человекъ, куда они перенесли свои бесѣды изъ деревенской избы, послѣ того какъ названнымъ пасторомъ были лишены св. причастія. Слишкомъ ревностный пасторъ своимъ неумѣлымъ образомъ дѣйствій добился совершенно не того, чего желалъ.

Такъ какъ ирвингіанство было разсматриваемо сначала, по малому знакомству съ сектой, какъ баптизмъ, что совершенно ошибочно, — вышеприведенное ходатайство было удовлетворено 7 апрѣля 1886 г., на основаніи высочайше утвержденнаго 27 марта 1879 г. мнѣнія государственнаго совѣта. Однако, впоследствии гапсальскимъ ирвингіанамъ было запрещено собираться для богослуженій ¹⁾.

1) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель. 1893 г., стр. 19.

Въ декабрѣ 1892 г. ирвингiанскій пресвитеръ въ Ревелѣ, Мальмъ, рукоположенный уже знакомымъ читателямъ «епископомъ» В. Дитманомъ, снова подалъ эстляндскому губернатору прошеніе объ официальномъ признаніи за общиной права существованія и проповѣди повсемѣстно въ губерніи. Просьба эта объяснялась тѣмъ, что лютеранское духовенство причиняетъ де сектѣ всевозможныя затрудненія, отказывая ей въ совершеніи христіанскихъ требъ и таинствъ ¹⁾).

Намъ неизвѣстно въ точности о результатѣ этого ходатайства пресвитера Мальма, но въ бытность нашу въ Ревелѣ, въ 1893—1895 гг., тамъ безпрепятственно происходили ирвингiанскія богомоленія въ одномъ изъ домовъ лучшей улицы въ Ревелѣ, Нарвской, соединяющей русскій рынокъ съ Екатеринбургскимъ. Тогда же намъ привелось видѣть и одного изъ поборниковъ этой секты, графа С., принадлежащаго къ мѣстной аристократіи. Графъ, по слухамъ, пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла секты, какъ въ Эстляндіи, такъ и въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря своимъ сильнымъ связямъ, ему удавалось оказывать сектѣ немало услугъ.

Родственникъ графа С., живущій въ настоящее время безвыѣдно въ г. Венденѣ, Лифляндской губ., былъ нѣкогда директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Наружность графа С., его манера держаться сразу останавливаютъ на немъ вниманіе. Предъ вами средняго роста пожилой человекъ съ удивительно большими, черными, блестящими глазами, взглядъ которыхъ трудно выдержать,—до такой степени они какъ бы проникаютъ къ вамъ въ душу и читаютъ ваши сокровеннѣйшія мысли. На губахъ графа играетъ грустно-скептическая улыбка, а когда онъ говоритъ, то вы невольно заслушаетесь: кого-кого онъ только не зналъ, съ кѣмъ только не встрѣчался въ жизни, чего только не испыталъ! При этомъ всѣ рассказы графа С. покрыты нѣкоторой таинственностью, они всегда словно недосказаны на самомъ интересномъ мѣстѣ, подчасъ даже иносказательны, и съ туманнымъ указаніемъ мѣстъ, лицъ (зачастую историческихъ) и источниковъ, откуда они почерпнуты...

Баптистовъ Эстляндской губерніи, за которыхъ одно время ошибочно принимали ирвингiанъ, какъ развѣтвленіе этой секты, не должно смѣшивать съ абабаптистами Германіи XVI в., образовавшими въ Мюнстерѣ свое государство и выдѣлившимися впоследствии отъ себя менонитовъ.

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 19.

Эстляндскіе баптисты выродились изъ такъ называемыхъ «новыхъ баптистовъ», появившихся въ началѣ XVII в. въ Англіи, подѣ вліяніемъ пуританъ и индепендентовъ. «Новые баптисты» держатся буквы св. писанія, не дѣлая различія между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтами и допускаютъ произвольное толкованіе Библии, при чемъ отвергаютъ какую бы то ни было опредѣленную форму вѣроученія. Секта распадается на множество всевозможныхъ толковъ.

Изъ Англіи баптисты проникли въ Америку, а оттуда перешли въ Германію, гдѣ имѣли большой успѣхъ.

Дѣятельность баптистовъ въ Эстляндіи сравнительно недавняя, она появилась тамъ съ 1882 г. ¹⁾ Въ 1883 г. у баптистовъ въ Гапсалѣ былъ уже особый домъ для богомоленій и молитвенныхъ собраній. Въ ноябрѣ того же года крестьяне Михель Краббе, Августъ Югансенъ и Теяно Лаасъ обратились къ губернскому начальству съ просьбою о разрѣшеніи имъ совершать богослуженіе по баптистскому обряду.

Первоначальное движеніе баптизма стало обнаруживаться на о. Вормсѣ, гдѣ процвѣтало скакунство, и почва для воспріятія всевозможныхъ расколоученій была вполне благопріятна. Ретельскій церковный попечитель доноситъ, отъ 20-го октября 1883 г., инзулярикскому гаккенрихтеру, что кое-кто изъ молодежи ретельскаго прихода побывалъ, въ сентябрѣ 1882 г., на о. Вормсѣ, и что съ тѣхъ именно поръ въ Ретелѣ обнаружилось движеніе къ баптизму. Во главѣ движенія стояли молодые люди 20—30 лѣтъ. Число баптистовъ ретельскаго прихода въ 1883 г. насчитывалось до 70 чел.

Немало содѣйствовалъ также развитію баптизма въ Эстляндіи бывший проповѣдникъ петербургскаго баптистскаго прихода, пасторъ Шиве, перешедшій въ 1884 г. въ Гапсальскій уѣздъ. Въ первое же время пребыванія своего въ Гапсальскомъ уѣздѣ онъ присоединилъ къ баптизму, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 30 человекъ, а въ полѣ того же года перешло въ Гапсалѣ въ баптизмъ 150 человекъ. Далѣе, подѣ прошеніемъ, поданнымъ мѣстной администраціи, въ октябрѣ 1884 года, объ утвержденіи въ званіи баптистскихъ проповѣдниковъ предназначенныхъ для этого лицъ, значилось уже 173 подписи.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ баптистскомъ движеніи Балтійскаго края, какъ и въ скакунствѣ, численный перевѣсъ

¹⁾ Линденбергъ, *op. cit.*, и Лютеранскія секты въ Эстляндской губ.

опять остается за женщинами, а именно изъ 173 вышеупомянутыхъ подписей 115 принадлежало женщинамъ и только 58 мужчинамъ.

Изъ Гапсаля Шиве перенесъ свою дѣятельность въ Ревель (гдѣ особаго успѣха не имѣлъ), на Нукэ и на Вормсѣ.

Особенностью баптистской секты должно считать церковныя пѣснопѣнія, составляющія главнѣйшую часть богомоленія у баптистовъ. Этимъ пѣснопѣніямъ баптизмъ обязанъ своимъ быстрымъ успѣхомъ среди эстовъ, необыкновенно склонныхъ къ пѣнію, что между прочимъ сказывается и въ великомъ множествѣ у эстонцевъ нашего Балтійскаго края всевозможныхъ пѣвческихъ обществъ. У сосѣднихъ латышей Лифлянді также обнаруживается страсть къ пѣснѣ. Эта любовь къ пѣнію у народностей, населяющихъ наше балтійское побережье, объясняется угрюмымъ, замкнутымъ и грустнымъ характеромъ этихъ племенъ, сложившимся подъ непрерывнымъ гнетомъ судьбы, отдававшей ихъ попеременно во власть ордена, датчанъ и шведовъ, что поселило въ ихъ душѣ скрытую злобу и ненависть къ притѣснителямъ и наложило на нравственный обликъ эстовъ и латышей тотъ отталкивающій отпечатокъ, который кладетъ на человѣка беспросвѣтное рабство. Только въ своихъ пѣсняхъ, заунывныхъ и нагоняющихъ тоску на самое веселое сердце, маленькія народности нашей Балтики «отводили душу», находили отдохновеніе, хоть на минуту, отъ мрачной дѣйствительности.

Пѣсни баптистскихъ молитвенныхъ собраній охотно распѣваются эстами и привлекаютъ въ баптизмъ голубоглазыхъ и златокудыхъ потомковъ легендарнаго Калева. Пѣсни эти изображаютъ мрачными красками всѣ ужасы земной юдоли и вмѣстѣ съ тѣмъ воспѣваютъ блаженства вѣрующихъ «въ Новомъ Іерусалимѣ», который они обрящутъ на томъ свѣтѣ.

Съ лютеранскою церковью баптизмъ не могъ прійти къ соглашенію, и лютеранскіе пасторы чуждаются баптистовъ, которые въ свою очередь упорно держатся своей среды и не посѣщаютъ кирки, что дѣлаютъ гернгутеры, имѣющіе въ своей средѣ множество лютеранъ, о чемъ подробно говорено выше.

По официальнымъ даннымъ, баптистовъ въ Эстляндской губерніи насчитывалось въ 1893 г. 381 чел., изъ которыхъ около 60% женщины.

Большинство сектантовъ проживаетъ въ г. Гапсалѣ и Гапсальскомъ уѣздѣ.

По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, замѣчается сильное развитіе секты въ Лифляндской губерніи, а именно въ г. Перновѣ. Каждый вечеръ, по словамъ эстонской газеты «Eesti Postimees», въ молитвенныхъ собраніяхъ перновскихъ баптистовъ выступаютъ все новые и новые проповѣдники, прибывающіе сюда изъ Ревеля, Гапсаля и Везенберга. Въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ выступалъ на этихъ собраніяхъ А. Фрей, авторъ известной книги «Земля, гдѣ жилъ Христосъ», и проповѣдывалъ въ теченіе двухъ вечеровъ сряду. Такъ какъ г. Фрей, латышь изъ Риги, слабоватъ въ эстонскомъ языкѣ и предпочиталъ говорить на своемъ родномъ, то для многочисленныхъ эстонцевъ, присутствовавшихъ на собраніи, проповѣдь пришлось переводить на эстонскій языкъ.

II.

До сихъ поръ мы говорили о сектахъ Эстляндской губерніи, имѣющихъ хотя какую нибудь организацію.

Слѣдуетъ перейти теперь къ такимъ сектантскимъ ученіямъ, которыя не имѣютъ никакой организаціи и представляются въ нравственно-хаотическомъ состояніи. Ранѣе, однако, чѣмъ перейти къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одной сектѣ, подходящей подъ первую категорію сектъ, а именно о сектѣ мальцфельдовцевъ, почти уже совсѣмъ въ настоящее время исчезнувшей изъ Эстляндіи ¹⁾).

Секта эта названа именемъ своего основателя народнаго учителя Иоганна Мальцфельда, изъ деревеньки Лаактъ, подъ Ревелемъ.

Первоначально Мальцфельдъ проповѣдывалъ нравственную этику и возставалъ противъ пороковъ.

Со временемъ, однако, подъ вліяніемъ успѣха своей проповѣди и возросшаго вслѣдствіе этого самомнѣнія, онъ сталъ мнить себя пророкомъ, а затѣмъ во всеуслышаніе объявилъ себя Моисеемъ, предсказывалъ освобожденіе своихъ прозелитовъ «отъ рабства египетскаго» и обѣщалъ вывести «новый Израиль въ обѣтованную землю».

Въ 1862 году Мальцфельдъ, разочаровавшись въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія, которое состояло въ принципѣ воздержанія отъ излишествъ и аскетическихъ подвиговъ, уда-

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи. Ревель. 1893 г.

лился изъ Эстляндіи въ Симбирскую губернію къ нѣмецкимъ колонистамъ, куда вмѣстѣ съ ними ушли и нѣкоторые изъ его послѣдователей.

Послѣ Мальцфельда его секту поддерживалъ нѣкоторое время нѣкто Рейцъ, также народный учитель. При немъ сектанты, за усиленное почитаніе субботы, вмѣсто воскреснаго дня, стали называться субботниками.

По переписи 1881 года, въ Эстляндіи насчитывался лишь одинъ послѣдователь ученія Мальцфельда.

Очевидно, секта распалась, и ея приверженцы слились съ другими сектами.

По нашимъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время существуетъ, однако, нѣсколько мальцфельдовцевъ въ Гапсальскомъ уѣздѣ, особенно богатомъ всевозможными сектами.

На секту «пробужденная вѣра» слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ вниманіе, какъ на реакцію противъ безобразнаго и безнравственнаго скакунства, процвѣтающаго въ Эстляндіи, о которомъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Основателемъ секты былъ прежній скакунъ, нѣкто Адо Поомт, начавшій въ 1884 году уличать товарищей въ отступленіяхъ отъ св. писанія. Онъ учредилъ свою особую общину, не имѣющую опредѣленной фізіономіи. У послѣдователей Поома обряды совершаются отчасти по правиламъ лютеранской церкви, но встрѣчаются и значительныя отъ нихъ отступленія. Община, какъ кажется, отрицаетъ бракъ и крестить дѣтей не тотчасъ послѣ рожденія ¹⁾).

Послѣдователи секты пытались, въ 1890 году, получить признаніе секты правительствомъ, но безуспѣшно.

Число прозелитовъ секты насчитывается въ настоящее время до 60 человекъ.

«Общество причащенія Св. Тайнъ» или «отдѣльные причастники» (Nattvarssforeningor) — секта, также выдѣлившаяся изъ скакунства, съ которымъ ее и смѣшиваютъ постоянно. Точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ у насъ нѣтъ, и врядъ ли они гдѣ либо имѣются. «Отдѣльныхъ причастниковъ» немного; они встрѣчаются на о. Наргенѣ, близъ Ревеля.

Начало секты относится, кажется, къ 1881 году, а основателемъ ея былъ нѣкій 17-лѣтній юноша, который ввелъ въ употребленіе обычай причащаться каждому отдѣльно у себя

¹⁾ Ibid.

на дому. Какъ кажется, послѣдователи этой секты во время своихъ молитвенныхъ собраній, такъ же, какъ и скакуны, приходятъ въ экзальтацію, но, какъ утверждаютъ, они не доходятъ при этомъ до такихъ болѣзненныхъ и часто аномальныхъ явленій, какія мы видимъ въ скакунствѣ. «Отдѣльное» причастіе объясняется у сектантовъ нежеланіемъ причащаться св. тайнъ въ киркѣ, вмѣстѣ съ «грѣшниками», т. е. не принадлежащими къ ихъ толку. Они рѣзко нанадаютъ на лютеранскихъ пасторовъ, обвиняя ихъ въ ереси, и осуждаютъ тѣхъ, которые ходятъ причащаться въ кирку.

Въ самое послѣднее время въ Эстляндіи, а именно въ Гапсальскомъ уѣздѣ, появилась новая секта, обязанная своимъ основаніемъ мѣстному представителю аристократической среды — барону Вольдемару Икскюлю-Лайцъ.

Завербовавъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ Ревельскаго и Гапсальскаго уѣздовъ до 850 человекъ прозелитовъ (по словамъ самого барона) и устроивъ нѣсколько «приходовъ» съ 44 приходскими старшинами и смотрителями во главѣ, баронъ В. Я. Икскюль обратился, въ 1892 году, къ губернской власти съ ходатайствомъ объ утвержденіи нравительствомъ права существованія новаго толка, названнаго его основателемъ «свободною Христовою церковью».

Основанная очень недавно, «свободная церковь» уже завоевываетъ себѣ, однако, твердую почву и является болѣе организованнымъ лютеранскимъ толкомъ, чѣмъ только что описанныя нами «согласія», стремясь къ полному отпаденію отъ кирки и совершенно самостоятельному существованію. Секта несомнѣнно, развивается, такъ какъ многіе изъ членовъ другихъ расколоученій примкнули къ ней и стали во главѣ ея «приходовъ».

Краеугольный камень ученія барона Икскюля — свободное толкованіе св. писанія, основная канва всевозможныхъ расколовъ лютеранства, явившагося на пути своего стремленія къ произвольному объясненію боговдохновенныхъ книгъ также расколомъ на лонѣ католической церкви. Въ обрядовой сторонѣ «свободной Христовой церкви» есть своя система. Такъ, напримѣръ, крещеніе у сектантовъ производится или однократнымъ обливаніемъ водою или троекратнымъ погруженіемъ въ воду, по преимуществу проточную; бракъ производится посредствомъ наложенія однимъ изъ старѣйшихъ членовъ «прихода» рукъ на головы брачующихся и произнесенія надъ ними мѣста изъ Библіи и особой молитвы.

У послѣдователей барона Икскюля уже обнаруживаются въ обрядовой сторонѣ нѣкоторыя разновидности, какъ было констатировано во время губернаторской ревизіи 1892 года, что является въ данномъ случаѣ новымъ доказательствомъ успѣха и развитія секты.

Молитвенныя собранія «свободной церкви» носятъ, по официальнымъ даннымъ, характеръ гернгутерскихъ сходокъ съ чтеніемъ молитвъ, пѣніемъ псалмовъ, чтеніемъ св. писанія, проповѣдью, колѣнопреклонными молитвами и снова пѣніемъ, но, по нѣкоторымъ достовѣрнымъ слухамъ, иногда на этихъ собраніяхъ происходитъ нѣчто другое, что дѣлаетъ ихъ болѣе похожими на радѣнія скакуновъ со всѣми ихъ послѣдствіями.

Мы обладаемъ многими свѣдѣніями частнаго характера объ основателѣ секты, такъ какъ имѣли случаи лично познакомиться въ Ревелѣ, въ 1893—1895 годахъ, съ супругой барона Икскюля (получившей высшей властью право отдѣльнаго жительства) и матерью этой послѣдней, маркизой де Т***, вдовой французскаго дипломата, русской по происхожденію. Упомянемъ здѣсь лишь о томъ, что баронъ В. Икскюль былъ долгое время совершенно равнодушнымъ къ какой бы то ни было церкви, къ религіи и ея обрядамъ вообще относился насмѣшливо и казался атеистомъ, въ лучшемъ случаѣ—человѣкомъ безъ религіозныхъ убѣжденій. Переходъ его въ другую крайность произошелъ совершенно неожиданно, во время заграничнаго путешествія его супруги и тещи. По возвращеніи ихъ въ Лайцъ, родовое имѣніе Икскюлей, въ Гапсальскомъ уѣздѣ, онѣ нашли въ баронѣ страшную перемену: онъ сталъ говорить только о спасеніи души и окружилъ себя духовными книгами. Насколько ранѣе онъ казался атеистомъ, настолько онъ теперь имѣлъ видъ ханжи.

Такъ началось его обращеніе къ сектантству...

Существуетъ также предположеніе, что баронъ Вольдемаръ Икскюль-Лайцъ душевно больной.

Основываясь на томъ, что намъ приходилось о немъ слышать отъ близкихъ ему лицъ и хорошихъ его знакомыхъ, есть нѣкоторыя данныя въ пользу этого предположенія. Однако, съ другой стороны, трудно допустить явное душевноестройство у главы религіозной общины, собирающаго вокругъ себя ежедневно послѣдователей, внимающихъ его толкованіямъ св. писанія. Мы не склонны поэтому допустить существованіе у барона В. Икскюля психическаго расстройства,

основываясь также и на нашемъ личномъ знакомствѣ съ барономъ.

Намъ остается, наконецъ, сказать еще нѣсколько словъ о пѣтистахъ, евангеликахъ и «чтецахъ», которыхъ отнюдь нельзя считать за какія либо особыя секты, такъ какъ они въ сущности находятся въ полномъ согласіи съ лютеранскою церковью и устраиваютъ свои молитвенныя собранія подъ руководствомъ пасторовъ, съ ихъ вѣдома и даже поощренія. На этихъ сходкахъ читается и толкуется св. писаніе или спеціально Евангеліе (у евангеликовъ). Собравшіеся предлагаютъ объясняющему и другъ другу всевозможные вопросы, относящіеся къ разбираемому мѣсту писанія; иногда при этомъ возникаютъ жаркія пренія и споры. Принявъ этотъ видъ раскола «алчущихъ и жаждущихъ правды» подъ свое покровительство, пасторы тѣмъ самымъ отклонили цѣлыя сотни неудовлетворенныхъ киркой отъ окончательнаго отпаденія отъ нея и такъ или иначе удержали ихъ въ лонѣ лютеранства, какъ гернгутеровъ.

III.

Таковы, въ общихъ чертахъ, лютеранскія секты Эстляндскаго края.

Интересенъ и, несомнѣнно, важенъ вопросъ: какъ относится къ нимъ мѣстное населеніе Эстляндіи вообще?

Несмотря на довольно сильное и успѣшное распространеніе въ краѣ нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами сектъ, онѣ, въ сущности, не дѣлаютъ тѣхъ завоеваній въ умахъ и сердцахъ населенія, какъ бы можно было ожидать.

Такъ, напримѣръ, треть жителей о-ва Вормса, что составляетъ 800 человекъ, говорящихъ лишь по-шведски и никогда до тѣхъ не бывавшихъ въ русской православной церкви ¹⁾, выразило, въ 1886 г., категорическое желаніе перейти въ православіе.

Очевидно, проповѣди Эстерблома не слишкомъ привлекали къ скакунству островитянь, и они, не желая переходить въ эту секту и въ то же время оставаться подъ нравственнымъ и физическимъ игомъ пасторовъ, рѣшили перейти въ православную вѣру, хотя и не имѣли о ней вполне яснаго представленія.

¹⁾ Письмо преосвященнаго Доната, бывшаго епископа рижскаго и литовскаго, къ эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, отъ 16 августа 1886 г. (въ дѣлѣ о переходѣ жителей о-ва Вормса въ православіе).

Баптистскій проповѣдникъ Шиве, о которомъ читатели уже знаютъ, подвергся, въ 1884 году, на о-вѣ Даго весьма не-любезному пріему со стороны мѣстныхъ крестьянъ, яростно осаждавшихъ всю ночь домъ, гдѣ проповѣдникъ долженъ былъ произвести обрядъ крещенія надъ вновь принятыми въ баптизмъ прозелитами секты. Шиве жаловался на это мѣстному гаккенрихтеру фонъ-Людеру, но жалоба была оставлена безъ послѣдствій. Мало того: гаккенрихтеръ арестовалъ баптистскаго проповѣдника А. Цейзига и отправилъ въ Ревель, къ губернскому начальству.

Успѣхи остальныхъ сектъ довольно ограничены.

Мрачный взглядъ на жизнь, узкій аскетизмъ, почти полное отсутствіе сколько нибудь развитой догмы, замѣненной скучными и малознаменательными обрядами, внутреннія распри, ненависть къ другимъ сектамъ,—вотъ что находитъ эстонецъ въ окружающихъ его расколоученіяхъ. Не находя нравственнаго удовлетворенія у пастора, смотрящаго на прихожанъ скорѣе, какъ на батраковъ, работающихъ на пасторатъ, чѣмъ на «духовныхъ чадъ», мѣстные крестьяне не встрѣчаютъ душевнаго успокоенія и въ сектахъ съ однообразно повторяющимися проповѣдниками съ одной стороны и дикими оргіями съ другой.

Этимъ объясняется, что въ періодъ времени съ 1882 по 1887 г. въ православіе перешло 8.201 человекъ¹⁾, а въ сектантство въ теченіе вдвое большаго времени—всего лишь 1.000 человекъ съ небольшимъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ отношеніяхъ сектантовъ къ православію въ Эстляндіи наблюдается два рѣзко-противоположныхъ другъ другу направленія: во время массоваго движенія въ пользу православія, въ 1883—1886 гг., сектанты не относились къ нему враждебно; въ послѣднее же время замѣчается совершенно противоположное явленіе.

Однимъ изъ злѣйшихъ враговъ православной церкви былъ много разъ помянутый нами скакунъ Эстербломъ, который энергически противодействовалъ переходу въ православіе жителей острова Вормса, убѣждая ихъ не переходить въ вѣру, которая учитъ «поклоняться дереву»²⁾.

Эстерблomu удалось, благодаря довольно значительному, сравнительно, успѣху его проповѣди скакунства, отвлечь отъ перехода въ православіе довольно значительное число уже

1) Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губерніи.

2) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 29.

рѣшившихся на этотъ благой шагъ: изъ 800 желавшихъ присоединиться отказались отъ своего намѣренія 200¹⁾.

Ревностный сектантъ старался помѣшать переходу въ православіе—даже во время самаго акта присоединенія! Такъ въ первые два дня присоединенія на островѣ Вормсѣ Эстербломъ почти непрерывно находился на мѣстѣ присоединенія, вслѣдствіе чего многія женщины, желавшія присоединиться, но напуганныя страшными проповѣдями Эстерблома противъ православія, завидя его приближеніе, возвращались обратно домой²⁾.

И Эстербломъ и вожаки другихъ сектантовъ всячески старались противодѣйствовать распространенію православія на островѣ Вормсѣ. Эта упорная антиправославная агитація имѣла несомнѣнное вліяніе: многіе изъ уже перешедшихъ въ православную вѣру либо снова переходили въ лютеранство, либо совращались въ какую нибудь секту.

Какъ трудно было положеніе присоединившихся къ православію на островѣ Вормсѣ, видно изъ поданнаго прошенія ихъ преосвященному Донату, отъ 20 декабря 1886 г., въ которомъ они горько жалуется на свою судьбу, указывая на всевозможныя притѣсненія и оскорбленія отъ окружающихъ ихъ сектантовъ, одушевляемыхъ Эстербломомъ и «его друзьями», которые де утверждаютъ, что они, перешедшіе въ православіе, «продали душу нечистому», и что тотъ, «кто не хлопаетъ руками и не топчетъ ногами,—въ томъ нѣтъ Духа Божія»...

Такого рода дѣятельность Эстерблома побудила бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго принять самыя энергичныя мѣры для пресѣченія вреднаго вліянія этого закоренѣлаго сектанта на населеніе. Въ февралѣ 1887 г. онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину съ лишеніемъ права вѣзда въ Россію. Слухъ объ удаленіи Эстерблома произвелъ большую сенсацію среди скакуновъ острова Вормса. Такъ гапсальскій благочинный о. Николай Полетаевъ, въ рапортѣ своемъ эстляндскому губернатору отъ 24 февраля 1887 г., приводитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее письмо православныхъ крестьянъ деревни Ферби (на островѣ Вормсѣ) вормскому священнику о. Орлову: «Симъ сообщаемъ мы, православные, о нашемъ горѣ. Случилось 17-го февраля, что друзья и апостолы (sic) Эстерблома об-

¹⁾ Письмо преосвященнаго Доната отъ 8 октября 1886 г., къ эстляндскому губернатору.

²⁾ Ibid.

ходили каждую деревню и старались уговаривать православных и обманывать их разными любезными словами; ходили они по всѣмъ деревнямъ съ дома на домъ и просили желающихъ снова возвратиться въ прекрасную эстербломовскую вѣру, подписаться и поставить три креста, чтобы Эстерблома оставили на островѣ Вормсѣ. Ходившіе же по деревнямъ и обманывавшіе православныхъ суть тѣ, которые мутятъ народъ и заставляютъ хлопать руками и топтать ногами (то-есть скакуны)... Они обманули пять душъ».

Удаленіе Эстерблома съ острова Вормса не помѣшало, однако, его сторонникамъ продолжать вести упорную борьбу противъ православія, чему много способствовалъ мѣстный волостной старшина, самъ принадлежавшій къ скакунству и скакунскій проповѣдникъ Матсъ Ренбергъ, ученикъ Эстерблома. Ренбергъ постоянно объѣзжалъ островъ и особенно часто посѣщалъ тѣ деревни, гдѣ преобладало православное населеніе, которое онъ всячески, и не безъ успѣха, старался совращать въ секту.

IV.

Отношеніе къ сектантству Эстляндской губерніи мѣстнаго лютеранскаго духовенства весьма характерно и являетъ во всемъ блескъ практической смѣлы предствителей кирки съ одной стороны и ихъ ненависть къ православію съ другой. Пасторы стали въ послѣднее десятилѣтіе на сторону сектантства, дабы тѣмъ предотвратить замѣчаемое въ краѣ, съ 40-хъ годовъ этого столѣтія, стремленіе населенія къ переходу въ православную вѣру.

Здѣсь нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что наиболѣе интеллигентныя лица изъ мѣстныхъ пасторовъ хорошо сознавали недостатки лютеранства, породившіе въ его лонѣ множество сектъ и толковъ. Не разъ раздавались на мѣстныхъ синодахъ (съѣздъ пасторовъ) рѣчи¹⁾, предлагавшія различныя мѣры къ поднятію авторитета лютеранскаго духовенства въ краѣ и привлеченія къ нему населенія, которое видѣло въ своихъ церковнослужителяхъ не что иное, какъ гнѣвныхъ и суровыхъ помѣщиковъ, облачающихся по воскреснымъ днямъ въ ризы и говорящихъ банальныя проповѣди, мало трогавшія

¹⁾ Напримѣръ, пастора Галлера, на ревельскомъ синодѣ 1874 г., пастора Нерлинга въ 1873 г., пастора Гиргенсона и др.

сердца крестьянъ, съ которыхъ каждый возвышенный проповѣдникъ чуть не съ ножомъ у горла требовалъ тяжелыхъ пасторскихъ повинностей.

Однако, все это сводилось, въ большинствѣ случаевъ, къ академическимъ разглагольствованіямъ, утѣшавшимъ болѣе всего самихъ ораторовъ и мало приносившимъ пользы дѣлу, ради котораго говорились всѣ эти пышныя фразы о сліяніи народной церкви съ національною жизнью, о единеніи пастырей съ пасомыми въ духѣ истины и взаимной любви, о пасторѣ, какъ носителѣ національной идеи, о мирномъ культурномъ завоеваніи пасторомъ сердець мѣстнаго населенія и т. д.

Недоброжелательность эстонцевъ къ пасторамъ, какъ народнымъ эксплуататорамъ, не прекращалась, какъ не угасала никогда ихъ прежняя вражда къ христіанскимъ рыцарямъ-пришельцамъ, явившимся насаждать огнемъ и мечемъ слово Божіе на балтійскомъ поморьѣ. Сектантское движеніе, какъ протестъ алчущаго духа мало говорящей сердцу простотѣ, сухости и прозаичности лютеранскаго вѣроученія, продолжалось, продолжался и массовый переходъ эстонцевъ въ православную вѣру съ ея полнымъ глубины и возвышенности богослуженіемъ и священниками, всецѣло лишенными вотчиннаго духа пасторовъ.

Не будучи въ силахъ удержать прихожанъ отъ перехода въ православіе, пасторы должны были поневолѣ избрать одно изъ двухъ: или спокойно смотрѣть на отпаденіе отъ лютеранства въ православіе, или снисходительно относиться къ увлеченію своей паствы всевозможными сектами.

Пасторы, не задумываясь, избрали, конечно, второе и тѣмъ положили пачало союза кирки съ сектантствомъ, которое пасторы зачастую стали брать подъ свое покровительство, лишь бы только парализовать стремленіе паствы къ переходу въ православіе. Сектантъ въ глазахъ пастора былъ лишь «заблудшимъ», который можетъ еще вернуться къ родной вѣрѣ; перешедшій же въ православіе считается уже навсегда потеряннымъ для лютеранства.

Отсюда вполнѣ понятно, съ точки зрѣнія пасторской логики, снисходительное отношеніе кирки къ расколу, какъ противовѣсу обращенія прихожанъ въ православную вѣру.

Взявши подъ свое покровительство наименѣе характерныя и вредныя секты, пасторы старались придать имъ миролюбивый характеръ и повернуть дѣло въ свою пользу. Если генераль-суперинтендентъ Шульцъ и говорилъ на эстляндскомъ

«синодъ 1883 года, что «пасторы, въ виду своихъ упущеній, должны бить себя въ грудь и подчиниться суду Божию»¹⁾, то, съ другой стороны, онъ же выставляетъ па видъ и то, что «Господь своимъ судомъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ очищенія и возвеличенія своего дома!»

Тотъ же генераль-суперъинтендентъ и наиболѣе рьяные изъ пасторовъ силились объяснить религіозное броженіе въ Эстляндіи «благодатнымъ дѣйствіемъ св. Духа»...

Вотъ почему пасторы не только не запрещаютъ прихожанамъ домашнія сходки для религіозныхъ собесѣдованій и толкованіе Св. Писанія, но даже и сами присутствуютъ на нихъ, какъ бы тѣмъ санкціонуя эти собранія, которыя являются краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ неудовлетворенности тѣхъ же прихожанъ своимъ пасторомъ.

Въ высшей степени характернымъ фактомъ для надлежащаго освѣщенія отношеній лютеранства къ сектантамъ и православію является слѣдующій курьезный эпизодъ.

Когда вредная дѣятельность Эстерблома на островѣ Вормсѣ, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, стала приносить свои плоды, вышеупомянутый генераль-суперъинтендентъ Шульцъ обратился къ мѣстной административной власти съ просьбой объ удаленіи Эстерблома изъ Россіи, въ виду его пагубнаго вліянія на населеніе острова. Вскорѣ затѣмъ, когда на Вормсѣ движеніе въ православіе сдѣлало громадныя успѣхи, а пропаганда Эстербломомъ скакунства начала переходить всѣ границы, вслѣдствіе чего онъ и былъ высланъ на родину, то тотъ же самый генераль-суперъинтендентъ сталъ на сторону Эстерблома и былъ противъ его удаленія изъ предѣловъ Россіи.

Еще интересный фактъ въ томъ же духѣ.

Какъ только отечественно-евангелическій институтъ въ Швеціи, о которомъ мы уже говорили при описаніи секты скакуновъ и дѣятельности Эстерблома, узналъ о стремленіи паселенія острова Вормса къ православію, то рѣшилъ скорѣе примириться съ тѣмъ, что имъ же посланный на островъ Вормсѣ учителемъ Эстербломъ сталъ проповѣдывать скакунство, чѣмъ допустить, чтобы паселеніе безповоротно ушло изъ лютеранства въ православіе! Посланный же въ 1884—1885г г. институтомъ на островъ Вормсѣ миссіонеръ Викандеръ, для утвержденія въ вѣрѣ мѣстныхъ шведовъ, защищалъ въ своихъ

¹⁾ Е. В. Культурно-религіозныя движенія въ Эстляндіи, стр. 94.

проповѣдяхъ Эстерблома и нападалъ на православіе, чѣмъ сознательно развивалъ секту и задерживалъ населеніе къ переходу въ шведскую государственную церковь, въ пользу которой долженъ былъ дѣйствовать,—и все это только для того, чтобы не дать восторжествовать православной вѣрѣ!

Если отечественно-патріотическій институтъ бралъ подъ свое покровительство вормскихъ скакуновъ, то въ этомъ дѣлѣ ревностнымъ ему помощникомъ явился мѣстный землевладѣлецъ, баронъ Ш***.

Когда мѣстный пасторъ Нордгрень поссорился съ Эстербломомъ, и послѣдній долженъ былъ покинуть пасторатъ, гдѣ сначала проживалъ, то тотчасъ же нашелъ себѣ пріютъ у барона Ш***, который, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ успѣхамъ скакунства на островѣ. У него же нашелъ себѣ пристанище и миссіонеръ Викандеръ. Баронъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ вполне солидарно съ пасторами: сочувствуя скакунству, онъ старался лишь объ одномъ: затормозить переходъ населенія въ православіе...

Характерно отношеніе барона Ш***, послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, къ скакунамъ и принявшимъ уже православіе мѣстнымъ крестьянамъ. Баронъ требовалъ отъ этихъ послѣднихъ чрезмѣрно большой арендной платы, которую они были не въ состояніи платить ему. Вслѣдствіе этого между крестьянами и барономъ происходили постоянные споры, вынудившіе крестьянъ обратиться къ преосвященному Донату, епископу рижскому и литовскому, въ декабрѣ 1886 г., съ просьбой о присылкѣ на островъ православнаго землемѣра ¹⁾.

Совершенную противоположность представляетъ собою отношеніе барона Ш*** къ скакунству.

Когда послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, массовое движеніе населенія въ православіе замѣтно усилилось, а сходбища сектантовъ были запрещаемы по распоряженію мѣстнаго начальства, баронъ сталъ своєю властью разрѣшать устройство такихъ собраній, увѣряя крестьянъ, что онъ, баронъ, затѣялъ уже процессъ о неправильномъ, будто бы, удаленіи Эстерблома изъ предѣловъ Россіи.

Результатомъ этого было то, что многіе изъ островитянъ, начавшіе было усердно посѣщать православное богослуженіе, охладѣли постепенно къ новой вѣрѣ и снова примкнули къ скакунской сектѣ.

1) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 42.

Вообще пасторы и помѣщики Эстляндской губерніи всюду самыми энергичными мѣрами противодѣйствовали укрѣпленію въ краѣ православія, даже цѣною усиленія сектъ.

Для этой цѣли жена пастора Шпиндлера, въ Леалѣ, стала между прочимъ устраивать для мѣстнаго населенія такъ называемые «бибельштунденъ» (bibelstunden), т. е. часы, посвященные чтенію и толкованію Библии и вообще душеспасительнымъ бесѣдамъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, присутствовавшимъ рассказывались разные ужасы про вѣру, «гдѣ поклоняются дереву», дабы отвлечь отъ перехода въ православіе.

Впослѣдствіи такіе «bibelstunden» стали устраиваться и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи, гдѣ замѣчалось стремленіе къ переходу населенія въ православіе, такъ что, собственно говоря, главнѣйшая забота пасторовъ и помѣщиковъ была направлена не противъ распространенія расколовъ и толковъ въ краѣ, но противъ православія.

Такъ, въ отчетѣ о ревизіи Пюхаленскаго прихода, составленномъ въ іюнѣ 1885 г., главнымъ церковнымъ попечителемъ фонъ-цуръ-Мюленомъ и другими, прикосновенными къ дѣлу лицами, читаемъ, что попечитель поднялъ вопросъ объ очень важномъ для лютеранской церкви обстоятельстве, а именно о многочисленныхъ случаяхъ отпаденія отъ оной. Попечитель желалъ знать точную причину такихъ отпаденій. Собраніе пришло къ заключенію, что главнѣйшая тому, будто бы, причина — это надежда отпадающихъ на будущее, съ переходомъ въ православіе, облегченіе въ вопросѣ о «платежахъ и повинностяхъ въ пользу школъ». Услышавъ это, одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, баронъ У., весьма расчетливый человѣкъ, не расположенный къ какимъ бы то ни было льготамъ въ пользу крестьянъ, не задумался заявить, что всѣ такія повинности беретъ онъ на себя въ чертѣ своихъ Г—скихъ владѣній.

То же было сдѣлано мѣстными помѣщиками и въ другихъ мѣстахъ Эстляндской губерніи.

Яростными гонителями православной идеи являются въ Прибалтійскомъ краѣ также и такъ называемые «чтецы», о которыхъ мы упоминали. Эти «чтецы», толкователи св. Писанія, пользуются покровительствомъ пасторовъ, хотя и значительно отступаютъ въ своихъ объясненіяхъ Библии и Евангелія отъ лютеранскаго вѣроученія.

Пасторы дѣлаютъ это «снисхожденіе», конечно не безъ цѣли: «чтецы» ведутъ неустанную борьбу съ ненавистнымъ киркѣ православіемъ и этимъ самымъ заслуживаютъ и покровительство и поощреніе.

Характерныя свѣдѣнія объ этихъ пресловутыхъ «чтецахъ» находимъ мы въ одномъ изъ рапортовъ младшаго помощника начальника Ревельскаго, уѣзда 3-го участка, въ январѣ 1891 г.

Мы узнаемъ изъ этого рапорта, что нѣкому «чтецу», Марту Кальбеку, было разрѣшено евангелическо-лютеранской консисторіей устраивать частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ домашняго или семейнаго чтенія. Такое собраніе состоялось, между прочимъ, въ декабрѣ 1890 г., въ усадьбѣ Куллама, Оденкатской волости, у крестьянина Ганца Саара. Одинъ изъ присутствовавшихъ на сходкѣ, православный псаломщикъ Михаилъ Коэль, вступилъ въ собесѣдованіе съ Кальбекомъ, упрекая его и его единомышленниковъ въ томъ, что, толкуя о христіанствѣ, они пренебрегаютъ священнымъ его символомъ, крестомъ, и не носятъ его на груди. «Я ношу крестъ внутри, а не снаружи,—отвѣчалъ Кальбекъ и прибавилъ:—зачѣмъ мнѣ носить на себѣ какой нибудь жестяной или деревянный чурбанъ?!» Тутъ собесѣдники горячо заспорили о крестѣ, при чемъ Кальбекъ презрительно назвалъ висѣвшій на груди псаломщика крестъ «побрякушкой». Споръ о крестѣ взволновалъ собраніе. Поднялся шумъ и говоръ... «Что вы говорите», — накинулся на Коэля другой «чтець», нѣкій Гусъ,— «да развѣ мы должны носить крестъ? Я вотъ во время военной службы поклонялся русскимъ богамъ (sic) и платилъ имъ деньги (?!), но никто меня не спрашивалъ о крестѣ!» Шумъ и гамъ усиливались... Для прекращенія беспорядка хозяинъ, Ганцъ Сааръ, долженъ былъ унести изъ избы лампу, чтобы присутствующіе, наконецъ, разошлись! Эта картинка можетъ служить интересною и ярко иллюстраціей подобныхъ «собраній», устраиваемыхъ «чтецами», гдѣ грубо издѣваются надъ православіемъ и готовы дойти до рукопашной...

Между тѣмъ мѣстная консисторія, хорошо зная о безчинномъ характерѣ такихъ сходокъ, не только не заботится объ ихъ уменьшеніи, но, напротивъ, старается о распространеніи необразованныхъ, грубыхъ и рѣдко подготовленныхъ къ своей роли «чтецовъ», которые служатъ киркѣ застрѣльщиками въ дѣлѣ борьбы противъ православія въ краѣ.

Въ 1890—1891 гг. консисторіей было дано разрѣшеніе устраивать «молитвенныя собранія» 106 лицамъ, при чемъ 10 «чтецамъ» одновременно въ 5 селеніяхъ; проповѣдники сгруппировались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалось наибольшее стремленіе къ переходу въ православіе.

V.

О враждебно-пессимистическомъ настроеніи лютеранскаго духовенства Прибалтійскаго края вообще за послѣднее время узнаемъ мы также изъ многочисленныхъ данныхъ, заключающихся въ свѣдѣніяхъ о лютеранскихъ синодахъ Эстляндской губерніи.

Такъ въ синодальныхъ протоколахъ бывшаго Ревельскаго городского консисторіальнаго округа за 1885—1886 гг. находимъ рѣчь председателя синода 1885 г., генераль-суперъинтенданта Гиргенсона, открывшаго собраніе привѣтственными словами на текстъ: «одною рукою они совершали работу, въ другой держали оружіе» (Неем. IV, 17). Рѣчь началась характеристикой внутренней жизни церкви въ наше время. «Нынѣ,—говорилъ ораторъ,—враждуетъ противъ стада вѣрующихъ преслѣдованіемъ и соблазномъ сила Антихриста, внутри же раздоръ между вѣрующими, духовная лѣнь и низкая трусость, самые пагубные враги человѣческаго рода!.. Вѣрующіе, въ особенности же носящіе на себѣ духовный санъ, обязаны вмѣстѣ и строить и бороться».

На синодѣ 1886 г. председатель генераль-суперъинтендентъ Галлеръ назвалъ переживаемыя времена особенно тяжелыми.

Тотъ же генераль-суперъинтендентъ открылъ синодъ 1888 г. рѣчью на текстъ одного изъ посланій Ап. Павла къ евреямъ (X, 36—39).

Указывая на древнихъ христіанъ, подвергавшихся гоненіямъ, приходившихъ въ отчаяніе и готовыхъ отступить отъ истинной вѣры, пасторъ Галлеръ заявилъ, что и теперь лютеранской церкви грозитъ опасность. Поэтому падающіе духомъ нуждаются въ увѣщаніи: «не оставляйте упованія вашего!»

Мы могли бы привести и еще немало примѣровъ насторскаго пессимизма изъ деликатнаго матеріала, представляемаго протоколами синодскихъ засѣданій въ Эстляндской губ., матеріала недоступнаго непосвященному глазу, но и приведеннаго, въ общемъ, достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о намекахъ, ясныхъ для собравшихся, которыми переполняются рѣчи председателей пасторскихъ съездовъ.

Для знающихъ край и тамошнее отношеніе кирки къ православію совершенно понятно, что желаютъ сказать ораторы усиленными указаніями на «тяжелыя времена», «силу антихриста» и «опасность», угрожающую лютеранству...

Если читатели думаютъ, что все это относится къ многочисленнымъ расколамъ, свившимъ себѣ гнѣздо въ лютеранствѣ на балтійскомъ берегу, то они ошибаются. Гораздо правильнѣе будетъ отнести эти полуслова и полумысли къ православію, мѣшающему киркѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Православіе, несомнѣнно, привлекаетъ къ себѣ безпочвенныхъ искателей истины и нравственнаго успокоенія на лонѣ кирки; принявшіе его уже не возвращаются въ лютеранство, что сплошь и рядомъ случается въ сектанствѣ; православіе прогрессивно расширяетъ свое благотворное вліяніе въ Балтикѣ и является вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ русской идеи—и вотъ съ пасторскихъ каедръ и на синодахъ пасторовъ раздаются голоса объ опасностяхъ для кирки, о тяжелыхъ временахъ, о попущеніяхъ антихриста! Расколъ заботитъ пасторовъ въ значительно меньшей степени. Онъ уже давно у нихъ подъ контролемъ, какъ уже сказано, и служить въ ихъ рукахъ силой, отвлекающей мѣстное населеніе отъ перехода въ православіе. Насколько эстляндскіе пасторы спокойны за расколъ, насколько онъ ихъ мало смущаетъ, видно изъ откровеннаго заявленія пастора Гана на синодѣ 1891 г., что лютеранскому духовенству удалось удержать расколъ «въ здоровой (?) колѣѣ», т. е. сдѣлать изъ него послушное орудіе въ томъ направленіи, о которомъ мы только что говорили.

Роль мѣстнаго дворянства въ дѣлѣ религіознаго броженія въ Эстляндской губерніи вполнѣ аналогична съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ этомъ отношеніи лютеранское духовенство. Эстляндское дворянство (или «рыцарство» — *ritterschaft*, какъ оно себя все еще величаетъ по средневѣковому) заботится гораздо болѣе о противодѣйствіи православію, чѣмъ объ искорененіи сектъ въ краѣ.

Знаменательной, мало кому извѣстной и въ высшей степени поучительной иллюстраціей въ этомъ отношеніи служить одинъ фактъ, обнаруженный при сооруженіи православнаго храма на Богородицкой горѣ, въ Пюхтицѣ, созданнаго неусыпной энергіей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго.

Какъ извѣстно, на Богородицкой горѣ, въ Везенбергскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, называемой эстами «Пюхтица», т. е. святое мѣсто, въ виду явленной тамъ иконы Успенія Божіей Матери, стали было строить кирку. Благодаря быстрому и рѣшительному вмѣшательству въ это дѣло тогдашняго губернатора князя С. В. Шаховскаго, сооруженіе кирки было

высшей властью приостановлено и приступлено къ перестройкѣ уже наполовину возведеннаго зданія подѣ православный храмъ.

Вотъ при этихъ-то работахъ по перестройкѣ, въ іюлѣ 1893 г., каменщики случайно нашли замурованный въ стѣнѣ, у праваго клироса, жестяной ящикъ, въ которомъ оказалась вложенной бумага, написанная на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ документѣ, предназначавшемся, разумѣется, не для тѣхъ, въ руки которыхъ онъ волею судьбы попалъ, совершенно откровенно изложены причины, вызвавшія постройку кирки на Богородицкой горѣ, и указаны источники, изъ которыхъ были получены средства для осуществленія этого предпріятія. Мы считаемъ совершенно невозможнымъ и несвоевременнымъ приводить интересный текстъ этого документа, обнаруживающаго (съ указаніемъ именъ) ревностное стремленіе мѣстныхъ помѣщиковъ и дворянства въ губерніи во что бы то ни стало противостоятъ вліянію православной проповѣди и стремленію населенія къ переходу въ православіе въ Эстляндской губерніи...

А между тѣмъ дѣло сооруженія кирки на Богородицкой горѣ всецѣло находилось въ рукахъ нынѣ уже упраздненной мѣстной комиссіи ¹⁾ по увеличенію лютеранскихъ приходоу, дѣятельность которой должна бы была быть направлена не противъ православія въ краѣ, а лишь противъ распространенія лютеранскаго сектантства — путемъ увеличенія лютеранскихъ приходоу.

Заговоривъ о лютеранскомъ сектантствѣ въ Эстляндіи, мы невольно во время изложенія перешли къ вопросу о борьбѣ кирки съ православной церковью на нашемъ балтійскомъ поморьѣ... Что же дѣлать, вопросы эти, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ сектантство является тамъ главнѣйшимъ способомъ отвлекать жаждущихъ дароу вѣры православной отъ ея спасительнаго вліянія.

Мы присутствуемъ такимъ образомъ при изумительномъ и нигдѣ, думаемъ мы, не встрѣчающемся явленіи: сектантство покровительствуется въ Балтійскомъ краѣ самой же киркой изъ ненависти къ нашей церкви, при чемъ лютеранство готово скорѣе видѣть своихъ чадъ отпавшими въ расколъ, чѣмъ перешедшими въ нашу вѣру...

1) Такія комиссіи были учреждены въ 1843 г. для противоудствія распространявшемуся тогда съ особою силоу въ Прибалтійскомъ краѣ сектантству. Комиссіи были поставлены подѣ главенство губернскихъ предводителей дворянства, и имѣ отпускалаея ежегодная субсидія изъ дворянскихъ суммъ.

Эстонскіе полувѣрцы.

Историко - этнографическій этюдъ.

(Посвящается памяти бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго).

Судьбы русскихъ поселеній въ Прибалтійскомъ краѣ весьма своеобразны. Едва успѣли русскіе обосноваться на балтійскомъ поморьѣ, за Пейпусомъ и Наровой, какъ столкнулись уже съ иноземными рыцарями, явившимися на балтійскую окраину насаждать свою культуру, а вмѣстѣ съ нею и вѣру, сначала по католическому, а потомъ по лютеранскому обряду. Столкновение двухъ противоположныхъ другъ другу міровъ—православно-русскаго и лютеранско-нѣмецкаго—породило взаимную борьбу, которая тянется въ теченіе столѣтій и по настоящее время съ неуклонной настойчивостью, свойственной тевтонской расѣ съ одной стороны и непослѣдовательностью и недостаточной энергіей, присущими славянской натурѣ—съ другой. Балтійскій край онѣмечился изстарики, ставъ неразрывной въ политическомъ отношеніи частью русскаго государства, явился столь успѣшно онѣмеченной окраиной, что даже нѣкоторые искони русскіе въ немъ поселенцы сдѣлались почти совсѣмъ иноземцами—лютеранами, представляя собой въ высшей степени любопытное культурно-этнографическое явленіе.

Мы говоримъ о такъ называемыхъ «полувѣрцахъ» Эстляндской губерніи, о которыхъ врядъ ли имѣютъ точное понятіе наши читатели.

Что же это за «полувѣрцы?».

У нихъ своя исторія, полная трагизма...

Тихо и незамѣтно совершался ростъ нашей земли. Племя славянское, какъ наиболѣе сильное и многочисленное изъ всѣхъ населявшихъ великую равнину Русской земли, двигалось на сѣверъ, на западъ и на востокъ, постепенно одолевая громады пространства, заселяя дикія мѣстности и скрѣпляя воедино нашу землю. Встрѣчаясь съ иноземными племе-

нами, славяне селились возлѣ нихъ и частью мирнымъ путемъ, частью оружіемъ, подчиняли ихъ своему господству, такъ что иноземныя племена сливались съ славянскимъ. Съ нѣкоторыми же сводили они тѣсную дружбу и братски сближались. Такъ постепенно росла и крѣпла Россія.

То же происходило и на балтійскомъ поморьѣ. Тѣми же путями совершалось и крѣпло политическое и культурное сродство его съ той землей, съ которой эта окраина и безъ того составляла одно географическое цѣлое. Продолжая свое колонизаторское движеніе на сѣверозападъ, русскіе перешли чрезъ Нарову и озеро Пейпусъ и стали селиться рядомъ съ чудью. Вѣрные своему національному типу, съ неизсякаемымъ запасомъ добродушія и терпимости, русскіе не навязывали языческой чуди своей вѣры. И вѣра и культура колонизаторовъ усвоились язычниками постепенно, незамѣтно для нихъ самихъ, путемъ ассимиляціи и нравственнаго воздѣйствія. Не даромъ эстонскія пѣсни и легенды сохранили воспоминанія о русской вѣрѣ, какъ «вѣрѣ правой», «вѣрѣ мирной», въ противоположность вѣрѣ «господской», то-есть лютеранской...

Но вотъ этотъ мирный процессъ сліянія балтійской окраины съ землей Русской былъ прерванъ пришельцами изъ-за моря.

Это были нѣмецкіе рыцари, явившіеся въ Балтійскій край просвѣщать язычниковъ и насаждать среди нихъ огнемъ и мечемъ христіанство, сначала по католическому, потомъ по лютеранскому обряду.

Насиліе подчиняетъ внѣшнимъ образомъ, но не покоряетъ внутренно. Поработительныя стремленія рыцарей увеличили обаяніе мирныхъ русскихъ сосѣдей. Духовную связь поработенныхъ нѣмцами эстовъ съ Русью питали и поддерживали тѣ многочисленныя русскіе поселки, которые выросли вдоль всего восточнаго края завоеванной нѣмцами земли.

Уже въ XIII вѣкѣ упоминаются въ мѣстахъ, соприкосновенныхъ съ извѣстной въ Эстляндской губерніи (въ Везенбергскомъ уѣздѣ) мѣстностью Пюхтипой, тѣ самыя деревни, какія существуютъ и понынѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, русскіе, селясь рядомъ съ финнами, сохранили древнія названія финскихъ деревень. Такъ и понынѣ по берегамъ Пейпуса и Наровы расположены русскія деревни съ православнымъ населеніемъ (Кургая, Олешница, Обхонь, Ременникъ, Смольница, Сыронецъ, Ямы, Карель, Князь-Село, Верхнее-Село и проч.) Особенно извѣстны въ Эстляндской губерніи двѣ рус-

скія деревни — Овсово (Agusala) и Пюхтица (Somra), изъ которыхъ и образовался особый Пюхтицкій приходъ.

Борьба съ русскимъ началомъ въ краѣ со стороны заморскихъ рыцарей-пришельцевъ возникла тотчасъ по ихъ появленіи на балтійскомъ берегу. Съ неустанной настойчивостью, о которой мы упоминали выше, старались они расширить сферу своего нравственнаго вліянія и уничтожить мѣшавшихъ имъ русскихъ насельниковъ. Рыцаря дѣлали для этого набѣги на сосѣднюю Псковскую землю, какъ искони православную. Инокъ Псково-Печерскаго монастыря Варлаамъ (въ XVI вѣкѣ) занесъ въ свое повѣствованіе разрушеніе нѣмцами, въ мирное время, православныхъ церквей на о. Межѣ (1459 года) и о. Колпицѣ (1463 года) и жестокое избіеніе русскихъ на берегахъ рѣки Эмбаха (по эстонски Ешагõgi, то-есть рѣкамать), во время крещенскаго водосвятія, 6-го января 1472 года ¹⁾.

Чѣмъ болѣе тѣснили нѣмцы эстовъ, которымъ навязывали силу сначала католичество, потомъ, въ XVI вѣкѣ, съ соединеніемъ балтійскихъ рыцарей къ реформатскому движению, лютеранство, не заботясь о томъ, понимаетъ ли презираемый ими народъ навязываемое ему вѣроученіе, тѣмъ все болѣе росло обаяніе русскихъ, въ особенности съ приливомъ новыхъ поселенцевъ въ завоеванную нѣмцами окраину. Эти пионеры русскаго дѣла, способствовавшіе скрѣпленію балтійской окраины съ землею, были, по большей части, недовольные порядками «на Москвѣ» либералы своей эпохи, а также и раскольники, скрывавшіеся отъ преслѣдованій куда глаза глядятъ. Какъ смотрѣли на все это пришлое населеніе русскихъ колонизаторовъ нѣмцы-завоеватели, видно изъ весьма любопытнаго свидѣтельства, хранящагося въ архивѣ эстляндской консисторіи въ Ревелѣ и приводимаго покойнымъ М. Н. Харузинымъ въ его прекрасной брошюрѣ о Пюхтицѣ. Это одинъ изъ визитаціонныхъ ²⁾ протоколовъ одного изъ лютеранскихъ пасторовъ за 1608 годъ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ протоколѣ: «при Изаковской капеллѣ (близъ Пюхтицы) есть нѣкоторые крестьяне, говорящіе почти исключительно по-русски... Такъ какъ они служатъ большимъ соблазномъ и не безпокоятся тѣмъ, что платяты 2 рейхсталера штрафа, лишь бы избавиться отъ (лютеранской) молитвы, то я опасаюсь, что многіе другіе могутъ послѣдовать ихъ при-

¹⁾ М. Н. Харузинъ. «Пюхтица—святое мѣсто», Ревель, 1888 года.

²⁾ То-есть протоколъ объѣзда прихода.

мѣру... На русской границѣ, — продолжаетъ пасторъ, — есть многія деревни), которыя не принадлежать ни къ какой церкви (то-есть ни къ какому лютеранскому приходу) и дерзнули (sic) построить русскую часовню, которую завѣдуетъ живущій за границей русскій священникъ. Въ имѣніи Сомпе, въ деревнѣ Карулъ (при Наровѣ) есть пара семействъ guskolsky (раскольники?), родомъ русскіе, имѣющіе особую вѣру... Я покорнѣйше прошу, ---заключаетъ протоколь пасторъ, — дать въ мое распоряженіе средства, коими ихъ можно было бы искоренить» (sic).

Этотъ документъ, являющійся отзвукомъ господствовавшихъ въ краѣ отношеній между иноземцами-покорителями и русскими колонистами-поселенцами, на столько характеренъ, на столько краснорѣчивъ и откровененъ, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ...

Съ присоединеніемъ, въ прошломъ вѣкѣ, Прибалтійскаго края къ Россіи, можно было ожидать коренныхъ измѣненій въ отношеніи прежнихъ пришлецовъ, русскихъ колонистовъ, относительно бывшихъ хозяевъ балтійскаго поморья: послѣдніе утратили свое первенствующее значеніе, первые должны были сдѣлаться господствующимъ элементомъ въ краѣ.

Этого можно было ожидать, но этого не было. Всѣмъ извѣстенъ длинный періодъ времени, протекавшаго на нашихъ глазахъ къ полному благополучію балтійскихъ нѣмцевъ, поставленныхъ, въ силу господствовавшихъ тогда вѣяній, въ положеніе почти настолько привилегированное, что перемѣна политической власти въ странѣ не нарушила ихъ первенствующей роли на балтійскомъ поморьѣ. Мѣстные представители баптизма старались попрежнему «искоренять» русскіе элементы въ странѣ, давно ставшей русской, и упорно подавлять все то, что мѣшало ихъ полному господству въ краѣ. Прежніе грубые приемы борьбы, свойственные эпохѣ, измѣнились и уступили мѣсто болѣе культурнымъ приемамъ. Бывшіе штрафы, взимаемые съ русскихъ колонистовъ, не желавшихъ посѣщать лютеранское богослуженіе, замѣнились повинностями въ пользу кирки и пасторовъ, отбываемыми русскими наряду съ эстонцами, а «искорененіе» русскаго духа уступило мѣсто обэстониванію русскихъ людей при помощи усиленной лютеранской проповѣди.

Послѣ Сѣверной войны приливъ русскихъ въ мѣстности, сосѣднія съ Пюхтицей, усилился. Изъ-за Чудскаго озера приходятъ сюда селиться крестьяне --- рыболовы и хлѣбопашцы;

укрываются здѣсь и бѣглецы отъ рекручины и барщины, живя въ лѣсахъ и болотахъ и занимаясь разбоемъ.

На Пюхтицкій край, какъ на главный пунктъ русскаго элемента въ Эстоніи, прибалтійцы обратили свое особое вниманіе. Всячески старались они устранить съ своего пути этотъ непріятный для ихъ цѣлей факторъ. Въ 1738 г. нѣкто Борге, студентъ Галльскаго университета, приглашается пасторомъ въ Іевве и Изакъ, опорные пункты нѣмецкаго вліянія на Пюхтицкій край, съ условіемъ, однако, изучить русскій языкъ. Въ 1741 г. приглашается сюда пасторомъ нѣмецъ Гольцъ, которому вмѣняется въ обязанность не оставлять прихода въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Въ 1738 г. консисторія проситъ тогдашняго эстляндскаго генераль-губернатора заставить русскихъ іеввевскаго прихода отбывать повинности наравнѣ съ лютеранами, въ пользу кирки и пастора. Ходатайство это было, увы, уважено.

Такова была новая система борьбы балтійцевъ съ русскимъ элементомъ и православіемъ. Прежніе простые способы борьбы, построенные на грубой силѣ, отжили и уступили мѣсто болѣе тонкимъ приемамъ, свойственнымъ эпохѣ.

Эти приемы продолжались до самаго послѣдняго времени.

Такимъ образомъ русскіе колонисты, переплывъ Чудское озеро, вдругъ попали въ кабалу лютеранскихъ пасторовъ, совершенно незамѣтно для себя. Отсутствіе православной церкви невольно направило ихъ къ киркѣ, гдѣ пасторы ихъ ожидали съ русскою рѣчью на устахъ, дѣлая, такимъ образомъ, переходъ въ лютеранство почти незамѣтнымъ. Чтобы облегчить его еще болѣе, въ Изакъ конфирмація, вплоть до 1867 г., совершалась исключительно на русскомъ языкѣ.

Не мудрено, если русскіе теряли свою вѣру и національность на балтійскомъ поморьѣ. Борьба была слишкомъ неравна, и силы балтійцевъ, конечно, должны были пересилить силы русскихъ колонистовъ.

Поѣзжайте въ Эстонію и присмотритесь къ Пюхтицкому краю. Здѣсь вы будете поражены тѣмъ явленіемъ, о которомъ мы говорили съ первыхъ строкъ нашего очерка. Здѣсь встрѣтите вы среди мѣстныхъ крестьянъ, эстонцевъ, напоминающихъ собою великорусскій этнографическій типъ. Вы обращаетесь къ этимъ съ виду русскимъ съ русской рѣчью. Они бойко и охотно отвѣчаютъ вамъ по русски же. «Вы русскіе?» — спрашиваете вы у нихъ. — «Нѣтъ, мы не русскіе, — отвѣчаютъ они вамъ, — мы полу вѣрцы». Эти «полу вѣрцы» отличаютъ себя отъ русскихъ, отъ сосѣднихъ эстонцевъ.

Кто же эти таинственные пришлецы? Откуда они?

Это потомки о люте р а н е н н ы хъ русскихъ колонистовъ прежней эпохи, о которыхъ мы говорили, слѣдя за ихъ появленіемъ на балтійскомъ поморьѣ отъ временъ полулегендарной старины.

Какъ знаменателенъ этотъ фактъ! Какъ онъ оригиналенъ и поучителенъ!

Народность и вѣра — двѣ силы столь другъ другу родственныя, столь неразрывно связанныя другъ съ другомъ, что отпаденіе отъ даннаго исповѣданія влечетъ за собой и потерю даннаго національнаго типа. Возьмите француза, нѣмца, англичанина, убѣдите ихъ перестать преклоняться предъ папствомъ, чтить законъ Лютера и соблюдать догматы «высокой церкви», словомъ отторгните ихъ отъ ихъ церквей, отъ единства съ ихъ братьями по вѣрѣ, и вы увидите, какъ ихъ дѣти, внуки, потомки теряютъ мало-по-малу свой національный типъ и станутъ походить этнографически на тѣхъ, чью вѣру будутъ исповѣдывать, взамѣнъ той, отъ которой отреклись.

То же было и съ эстляндскими «полувѣрцами».

Ставъ волею судьбы въ силу необходимости, рокового гнета сильнаго надъ слабымъ, подъ защиту кирки, русскіе Пюхтицкаго края, столь успѣшно боровшіеся противъ навязываемой имъ культуры, утратили вмѣстѣ съ православіемъ и свой національный типъ. Прежде они боролись, во имя православія, съ балтійскими насельниками, боролись упорно и сохраняли свою русскую сущность. Но едва только уступили силѣ, хитрости, ухищреніямъ болѣе культурно ихъ развитаго врага и окончательно погибли для русскаго дѣла, перестали быть русскими.

А какъ сильно было русское населеніе въ Пюхтицкомъ краѣ, видно изъ того, что здѣсь до сихъ поръ встрѣчаются, среди самыхъ чистокровныхъ эстонцевъ лютеранъ, много прозвищъ, гдѣ русское овъ придѣлано къ мѣстному корню.

Вернемся, однако, къ «полувѣрцамъ».

Интересно прежде всего опредѣлить, на сколько же они перестали быть русскими.

Съ виду они, какъ мы уже сказали, еще похожи на великоруссовъ (современемъ они, несомнѣнно, окончательно утратятъ свой національный типъ), русской рѣчью они еще хорошо владѣютъ. Старые «полувѣрцы» не все знаютъ эстонскій языкъ; есть даже такіе, которые и вовсе его не знаютъ,

но молодое поколѣніе хорошо говорить уже по эстонски, хотя и примѣшиваетъ иногда русскія слова. Прозвища «полувѣрцы» носятъ русскія: Андреевъ, Заболотный, Тетеркинъ, Зеленый, Рябина, Бѣляевъ, Писаревъ, Ивановъ и т. п. Домашній ихъ бытъ носить русскій отпечатокъ.

Съ вышеуказанныхъ сторонъ «полувѣрцы» во многомъ сохранили свою русскую, присущую имъ по природѣ внѣшность, но по духу, по внутреннему складу, стали лютеранами.

Не будемъ торопиться осуждать этихъ несчастныхъ отступниковъ отъ родной вѣры! Что могла сдѣлать здѣсь, на балтійскомъ побережьи, горсть смиренныхъ, темныхъ русскихъ крестьянъ, очутившихся въ странѣ иноплеменной, съ сильной культурой, подъ натискомъ безпощадныхъ пришельцевъ изъ-за моря и умственно развитыхъ пасторовъ? Оторванные отъ родины очутились здѣсь русскіе пришельцы безъ нравственной поддержки, безъ руководства, въ странѣ съ чуждымъ русскому сердцу складомъ, въ странѣ, гдѣ мало православныхъ храмовъ. Потребность молитвы, потребность таинствъ не могла быть удовлетворяема по православному обряду: Кирка увлекла къ себѣ «заблудшихъ овецъ», оставившихъ далеко-далеко за собою родное стадо,—и вотъ почва, на которой совершился переходъ русскихъ мужиковъ въ лютеранство. Не ищите здѣсь никакой нравственной борьбы, «жажды истины», «мятущейся совѣсти», обычныхъ атрибутовъ раскола. О, нѣтъ, не ищите этого, все дѣло здѣсь гораздо проще и тѣмъ трагичнѣе, какъ трагична реальность съ ея ужасающей правдой: «полувѣрцевъ» п р и н у д и л и с д ѣ л а т ь с я л ю т е р а н а м и—и т о л ь к о.

Принужденіе это дѣлалось незамѣтно, нескоро, исподволь... Долго бессильно старались русскіе крестьяне, занесенные въ Остзейскій край вѣлніемъ злой судьбы, высвободиться изъ крѣпкихъ, но не дружескихъ объятій душиваго ихъ лютеранства, выказывая свою привязанность къ родной церкви. Но несчастные всюду встрѣчали отпоръ въ ихъ желаніи молиться въ православномъ храмѣ. Такъ, на примѣръ, въ семидесятыхъ годахъ, русскіе крестьяне просили по начальству о сооруженіи православной церкви въ имѣніи Ментокъ. Прошеніе было сначала уважено, сооруженіе церкви началось, но нѣмецкая интрига успѣла помѣшать ея окончанію. Русскихъ стали еще съ большей энергіей загонять въ лютеранскую кирку вмѣстѣ съ эстонцами.

Сдѣлавшись, однако, лютеранами, «полувѣрцы» до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ укоренившагося въ православіи почитанія Пресвятой Богородицы и св. иконъ. Въ любой полувѣрческой семьѣ можно встрѣтить иконы, изгнанныя изъ реформатской церкви.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что къ лютеранству «полувѣрцы» вообще не льнуть и, такъ сказать, держатся его формально. Въ 1884 году, напримѣръ, въ Іевве, главномъ пунктѣ нѣмечества въ Пюхтицкомъ краѣ, лютеранская школа закрылась, «за недостаткомъ учениковъ», какъ говорили балтійцы, а между тѣмъ въ основанную въ томъ же Іевве, въ 1887 г., русскую школу былъ такой наплывъ учениковъ изъ «полувѣрцевъ» и даже настоящихъ лютеранъ, что пришлось многимъ отказать въ приѣмѣ.

И тѣмъ не менѣе, однако, «полувѣрцы» не считаютъ себя русскими, какъ не считаютъ ихъ русскими и ихъ русскіе сосѣди, живущіе бокъ-о-бокъ съ ними. За смѣшеніе лютеранскихъ догматовъ съ основами православія они называютъ ихъ «полувѣрцами» или «полувѣрниками». Названіе это вошло даже и въ эстонскую рѣчь въ видѣ слова «poluvernikud».

Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и «полувѣрцы» станутъ еще менѣе русскими, а чрезъ иолстолѣтіе и совсѣмъ—увы!—онѣмчатся. И теперь изакскіе полувѣрцы уже называютъ себя эстонцами, бреютъ по эстонскому обычаю усы, носятъ эстонское платье, и есть между ними такіе, которые совсѣмъ плохо уже говорить по русски.

Самая большая часть «полувѣрцевъ», 13,000 чел., живетъ въ Псковскомъ уѣздѣ, на рубежѣ Лифляндіи. Въ юго-восточномъ углу Эстляндской губерніи, въ вышеупомянутомъ Изакомъ приходѣ, ихъ насчитывается до 5.000. У эстляндскихъ полувѣрцевъ ихъ вѣра носить названіе «старой іеввенской вѣры», въ виду чего можно предполагать, что значительная часть жителей восточной части Эстляндіи, обнимающая лютеранскіе приходы Іеввенскій, Вайварскій и Изаковский, принадлежала къ нимъ.

Къ полувѣрцамъ можно отнести также и 500 эстовъ-лютеранъ, жившихъ въ половинѣ настоящаго столѣтія въ Гдовскомъ уѣздѣ.

Всмотримся внимательнѣе въ полувѣрцевъ Пюхтицкаго края, которыми мы главнымъ образомъ заняты. Когда вы прислушаетесь къ ихъ русской рѣчи, вы удивитесь смѣшенію чисто русскихъ словъ и оборотовъ съ таковыми же эстонскими и чудскими.

Одежда полувърцевъ походитъ на одежду ижорянъ. Верхняя называется «рядокъ» или «рядень» (эст. *ruib*). На головѣ у женщинъ — «повой», кичка, обтянутая полотенцемъ, концы котораго лежать на спинѣ.

Жилища полувърцевъ по вѣшнему виду напоминаютъ общій типъ сельскихъ строеній Прибалтійскаго края, по внутренности же похожи на русскія избы въ Петербургской и Псковской губерніяхъ: печь съ каменкою, въ переднемъ углу иконы или только полки, предназначенныя для иконъ.

Изакскіе полувърцы живутъ въ деревняхъ: Изакъ, Іовкуль, Замошье, Имута, Порсково, Селаку, Симорокъ, Залубочье, Кейбатово, Луга, Койдамышъ и Сомпе (Пюхтица). Въ остальныхъ пунктахъ Изакаскаго прихода населеніе смѣшанное — эстонское, полувърцеское и русское. Мѣстечко Койдамышъ упоминается въ XIII вѣкѣ подъ чисто финскимъ именемъ *Kautamale*.

Въ каждой изъ деревень были свои часовни. Слѣды ихъ сохранились до настоящаго времени. Въ Имутѣ часовня во имя св. Николая Чудотворца стояла, по преданію, «за могилами». У могилъ — большіе камни, въ головахъ и ногахъ. Здѣсь хоронили обыкновенно головою къ сѣверо-востоку, на глубинѣ 2—3 футовъ. На рукахъ костяковъ найдены мѣдные браслеты. Другая часовня, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, была во имя св. Георгія Побѣдоносца. Въ третьей часовнѣ грубо сдѣлана статуя челоуѣка съ распростертыми руками, изображавшая также св. Георгія и называемая «ноклопнымъ камнемъ» (*humharduse kiwi*). Часовня была разрушена лѣтъ 50 тому назадъ, но основаніе ея до сихъ поръ существуетъ. Небольшая часовня въ селѣ Порсковѣ была разрушена изаксимъ кистеромъ Мазингомъ. При деревнѣ Іовкулѣ были двѣ часовни. Въ деревнѣ Кейбатовѣ, въ полѣ, стояла «русская часовня» съ маленькой иконой. Въ деревнѣ Роцица была икона во имя св. Георгія Побѣдоносца. При деревнѣ Изакъ, гдѣ во время шведскаго владычества стояла лютеранская капелла, также прежде находилась православная часовня, вблизи нынѣшней изакской кирки. По преданію, въ старой лютеранской капеллѣ помѣщались образа святыхъ апостоловъ Петра и Павла, по бокамъ, и образъ Спасителя по срединѣ. Въ новой капеллѣ, сгорѣвшей въ 1892 г., на правой стѣнѣ, ближе къ алтарю, находилась икона съ русской надписью «св. Петръ апостоль въ темницѣ». Ясно, лютеране пользовались мѣстными

православными святынями для привлеченія русскихъ въ лоно кирки.

Общимъ центромъ для молитвы у полувѣрцевъ была Богородицкая или Журавлиная гора, въ Пюхтицѣ, куда 15-го августа, въ Успеневъ день, на праздникъ «Журавлиной Маріи» (Kure Maarja püha), стекались всѣ окрестные жители. Особеннымъ почитаніемъ ихъ пользовался «чистый источникъ», у подножія горы. Легенда говорить, что изъ этого источника выходили три свѣтлыя дѣвы, въ бѣлыхъ одеждахъ, обходили кругомъ горы, потомъ останавливались все на одномъ и томъ же мѣстѣ и горько плакали. На мѣстѣ этомъ потомъ нашли будто бы икону, для которой богомольцы соорудили впоследствии часовню. Время сооруженія часовни въ точности неизвѣстно. Несомнѣнно, оно совпадаетъ съ эпохой введенія здѣсь христіанства. По завоеваніи Эстоніи Пюхтицкій край перешелъ къ Даніи. До XV вѣка владѣльцы этой мѣстности неизвѣстны. Въ первую половину этого столѣтія окрестныя деревни Лехтепэ, Эдиферь, Сомпе (Пюхтица) и Имута принадлежали роду Врангелей и Лоде. Въ 1420 г., въ договорѣ между братьями Лоде упоминается въ ихъ владѣніяхъ и церковь въ Магипта, т. е. «на землѣ Маріи», на Богородицкой землѣ, относительно которой они пользовались правомъ патронатства. Можетъ быть, эта церковь «на землѣ Маріи» и есть вышеупомянутая часовня на Богородицкой горѣ.

Въ настоящее время на Богородицкой горѣ возвышается Успенскій женскій общежительный монастырь, недавно основанный исключительно стараніями княгини Е. Д. Шаховской, нынѣ вдовы скончавшагося въ октябрѣ 1894 года эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго ¹⁾). Волею почившаго Государя Императора Александра III ²⁾ вся площадь Богородицкой горы отчуждена изъ частной собственности въ пользу православной церкви, что дало возможность Пюхтицкому монастырю окрѣпнуть и стать опорнымъ пунктомъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Если бы читатели знали, сколько борьбы со стороны подпольной нѣмецкой интриги пришлось претерпѣть ранѣе, чѣмъ создать православный монастырь въ центрѣ нѣмечества и лютеранства Эстляндской губерніи, они были бы поражены энергіей покойнаго эстлянд-

¹⁾ Указы святѣйшаго правительствующаго синода 3-го іюля 1891 года (объ учрежденія Пюхтицкой Успенской женской общины) и 23-го октября 1893 года (о возведеніи общины въ монастырь).

²⁾ Высочайшее повелѣніе 29-го апрѣля 1891 г.

скаго губернатора, князя С. В. Шаховскаго и пережившей его вдовы, княгини Е. Д. Шаховской, выказавшихъ въ этомъ дѣлѣ рѣдко встрѣчающіяся въ нашемъ современномъ обществѣ качества — вѣрность своимъ національнымъ убѣжденіямъ и твердость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Дѣло основанія монастыря на Богородицкой горѣ могло бы, кстати сказать, служить интересной темой особой монографіи.

У каждой деревни было свое особое кладбище. Такъ, у села Агакверъ тянется на разстояніи 1 $\frac{1}{2}$ версть такъ называемая «могильная» гора. Одно мѣсто въ сѣверной части горы называется «русскими воротами»; отсюда проникли русскіе во время борьбы Петра Великаго со шведами. Близъ дер. Іовкуль лежатъ такъ называемыя «военныя могилы» — холмики, разбросанныя въ безпорядкѣ па десятинѣ земли, поросшей соснякомъ. Прежде на нѣкоторыхъ могилахъ были кресты. Говорятъ, здѣсь нѣкогда стояли двѣ арміи: одна на Арамейскихъ горахъ, другая близъ могилъ у дер. Іовкуль.

Судя по надписямъ на могильныхъ крестахъ, можно предполагать, что во второй половинѣ XVII вѣка вѣрованія и языкъ полувѣрцевъ еще не успѣли подвергнуться слишкомъ сильному измѣненію. Въ XVIII вѣкѣ, какъ видно по записямъ въ церковныхъ книгахъ, имена эстонскія и русскія употреблялись безразлично, при чемъ одно и то же имя встрѣчалось въ различной формѣ, какъ, напримѣръ, Jaap, Jaani, Jaпка, Japуска и т. п.

Свадебные обряды полувѣрцевъ весьма характерны. Женихъ ѣдетъ со сватомъ, который входитъ въ избу подъ разными предлогами, не имѣющими отношенія до сватовства. Если родители невесты готовы исполнить его просьбу (починить колесо, продать теленка и т. п.), то свать предлагаетъ имъ вмѣстѣ выпить и зоветъ жениха, дожидаящагося за дверью. Отказъ въ угощеніи равносильенъ отказу выдать дочь. Иногда женихъ смягчаетъ родителей дѣвушки деньгами (обыкновенно отъ 1 до 30 р.). По окончаніи угощенія невеста обматываетъ подвязкой горлышко бутылки въ знакъ того, что сватовство совершилось. Прежде чѣмъ идти къ пастору обручаться, женихъ съ невестой должны устроить попойку роднымъ и знакомымъ. Обрученіе совершается обыкновенно въ субботу. Невѣста ѣдетъ на обрученіе съ однимъ сватомъ, женихъ слѣдуетъ за ней съ другимъ. При отъѣздѣ на обрученіе и во время свадебнаго обѣда, послѣ вѣнчанія, присутствующіе поютъ духовныя пѣсни. По окончаніи обѣда подруги невесты

переодѣваютъ ее въ другое платье и «причитактъ» на русскомъ языкѣ. На свадебной попойкѣ поются также русскія народныя пѣсни.

При похоронахъ у полувѣрцевъ провожающимъ покойника предлагается вареный горохъ. Тотъ же вареный горохъ вмѣстѣ съ мясомъ, пшеничнымъ хлѣбомъ и водкой подается и на могилѣ. По возвращеніи съ похоронъ домой всѣ моютъ руки въ ведрѣ, въ которое опущено серебряное кольцо: это будто бы предохраняетъ оставшихся въ живыхъ отъ посѣщеній покойника изъ загробнаго міра.

Весьма оригиналенъ также у полувѣрцевъ обычай угощенія умершихъ предковъ. Въ «день душъ», 2-го ноября, домохозяинъ сзываетъ на обѣдъ родныхъ. Когда всѣ съѣхались и размѣстились за столомъ, домохозяинъ торжественно, обращаясь въ пространство, поименно приглашаетъ къ трапезѣ отошедшихъ въ вѣчность близкихъ, до самаго отдаленнаго по времени родственника. Присутствующіе при этомъ хранятъ глубокое молчанье. Когда, по мнѣнію домохозяина, души достаточно покушали разставленныхъ на столѣ яствъ и отвѣдали питій, онъ беретъ салфетку и, тихонько махая ею въ воздухъ, какъ бы изгоняетъ изъ избы невидимо витающія здѣсь души. Затѣмъ принимаются за ѣду и питье живые.

Наканунѣ праздника Рождества Христова полувѣрцы приносятъ въ избы солому и бросаютъ ее къ потолку. У кого къ потолку прицѣпится хоть одинъ стебель, тотъ, по убѣжденію полувѣрцевъ, въ будущемъ году умретъ.

Загадки, пѣсни, присловья, заговоры у полувѣрцевъ во многомъ тѣ же, что и у коренныхъ русскихъ.

Таковы эти оригинальные отщепенцы отъ православія, эти русскіе лютеране, отставшіе отъ родной церкви и національности и не успѣвшіе еще окончательно слиться съ нѣмечествомъ балтійскаго поморья.

Изъ Эстонскихъ сагъ.

На широкое пространство, по всему побережью Финскаго залива и прибалтійской окраины, расселился русоволосый, блѣднотлицый, голубоглазый народъ, который мы называемъ то чухнами, то финнами, то эстами, курляндцами или ливонцами.

Задумчивый и грустный отъ природы, какъ всѣ народы сѣвера, привыкшіе съ дѣтства къ однообразнымъ картинамъ природы, снѣга и туманъ которыхъ наводятъ тоску, а безконечные горизонты печальныхъ равнинъ навѣваютъ меланхолю, — народъ, о которомъ мы говоримъ, замкнулся и ушелъ въ себя, принижаемый долгимъ гнетомъ шведскаго и датскаго владычества.

Эта забитость его, наложившая особую печать на весь нравственный обликъ этого народа, принадлежащаго къ чудскому племени, разновидности котораго носятъ различныя названія, упомянутыя нами выше, — особенно ярко даетъ себя чувствовать въ Эстляндіи, гдѣ владычество шведовъ, датчанъ и нѣмцевъ обратило его въ нѣчто похожее на прежнее «быдло» польскихъ пановъ.

Посмотрите на эстонца: онъ сосредоточенно — грустенъ, вялъ, неразговорчивъ и въ то же время злопамятенъ, вспылчивъ и нравственно испорченъ, какъ всякій народъ, надолго лишенный своей индивидуальности и принужденный къ рабскому подчиненію грубой силѣ побѣдителя. Еще и теперь, когда вѣковая неправда мѣстныхъ бароновъ навсегда миновала и гуманная и сильная административная власть неуклонно слѣдуетъ по указанному ей свыше пути обрусенія края, еще и теперь, говоримъ мы, эсты не могутъ, при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, воспрянуть духомъ и выйти изъ прирожденной имъ забитости.

А между тѣмъ, много поэзіи, тепла и свѣта билось въ груди этихъ «печальныхъ пасынковъ природы», много яркихъ образовъ и представленій, вылившихся въ ихъ пѣсняхъ и задумчивыхъ сагахъ.

Въ нихъ раскрывается и богатая фантазія, и глубокая мысль, и своеобразная оригинальность.

Не касаясь народной эстонской поэмы «Калевичъ» (Calewi roeg),—эпоса, такъ сказать, эстовъ, — переведенной Ю. Ю. Трусманомъ ¹⁾ намъ хотѣлось бы познакомить читателей съ оригинальными эстонскими сагами, совершенно неизвѣстными большинству русской читающей публики, иногда интересующейся, правда, «балтійскимъ вопросомъ», но мало, несомнѣнно, знакомой и съ исторіей и съ этнографіей нашего остзейскаго побережья.

Мы предлагаемъ здѣсь, на первый разъ, ихъ вниманію нѣсколько эстонскихъ сагъ, весьма характерныхъ и по самому ихъ складу и по тѣмъ образамъ-идеямъ, которые онѣ въ себѣ заключаютъ, поражающимъ васъ своей задушевною глубиной и поэтической наивностью, столь невяжущимися съ угрюмымъ видомъ и застѣнчивой замкнутостью эстонцевъ.

1. Дѣти Калевы.

Въ глубокой древности жилъ великанъ по имени Калева (Caleva), у котораго было двѣнадцать сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ Сойни (Soini), построившій себѣ замокъ среди озера, гдѣ теперь стоитъ Лимингская церковь, другой—Гизій, нагромоздившій себѣ огромную гору изъ земли и камня въ болотѣ, вблизи Каянабурга, на вершину которой вели ступени въ сажень разстоянія одна отъ другой.

Однажды Сойни навѣстилъ Гизія. Путь его лежалъ вверхъ по водопадамъ. Онъ проплылъ ихъ въ одинъ день въ лодкѣ, которую подталкивалъ шестомъ сидя. Когда же онъ доплылъ до величайшаго изъ водопадовъ—Пэлли (Pälli), то пришлось подталкивать ладью, стоя въ ней на колѣняхъ. Такой лодки и нѣсколько силачей не были бы въ силахъ тащить вверхъ по теченію при помощи шеста, а онъ это сдѣлалъ одинъ и притомъ въ теченіе дня!

Эти братья каждый вспахивали новъ и срубали въ одинъ день столько деревьевъ, сколько не могли бы ни напхать, ни нарубить 10 сильныхъ мужчинъ!

О сыновьяхъ Калевы знаютъ хорошо также и въ Финляндіи, такъ какъ знаменитые Вайнемуйнэ, Ильмаринэ и Кіаван-

¹⁾ «Калевичъ», 2 выпуска, Ревель, 1886—1889 г. Есть еще переводъ 10 пѣсенъ этой поэмы, сдѣланный Н. Алексѣевымъ (Рев. Изв., 1893—94 и 97 гг.).

скойнэ были также дѣти Калевы и жили въ Востландѣ и Саволандѣ...

Говорять, одинъ изъ сыновей Калевы бросилъ изъ Финляндіи въ Швецію цѣлую огромную скалу, которая и зовется поэтому Kalawan rojan raadeki, т. е. скалою сына Калевы.

II. Происхожденіе вселенной.

Дѣдушка ¹⁾ (богъ) жилъ на высококомъ небѣ, предъ входомъ въ которое красовалось солнце.

Онъ создалъ героевъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтомъ, мудростью и силою.

Самый старшій изъ нихъ былъ Вайнемуйнэ. Онъ былъ сотворенъ старцемъ, сѣдоволосымъ и сѣдобородымъ, съ мудростью и опытностью иного пережившаго человѣка, но съ пылкимъ сердцемъ юноши и даромъ импровизатора, пѣвца и музыканта.

Дѣдушка пользовался его совѣтами, и когда заботы омрачали его чело, Вайнемуйнэ игралъ предъ нимъ на своей чудной арфѣ и распѣвалъ свои любимыя пѣсни!

Второй былъ Ильмаринэ — въ порѣ полной крѣпости и мужественной силы, съ мудростью въ лицѣ и задумчивостью во взорѣ. Онъ обладалъ даромъ кузнечнаго искусства.

Третій былъ Лемменкейнэ, — веселый, рѣзвый юноша.

Другіе, какъ Вибоайнэ, искусный стрѣлокъ, были менѣе замѣчательны.

Всѣ они считали себя, братьями и дѣдушка называлъ ихъ своими дѣтьми.

Ихъ жилищемъ былъ Калеве, Кальёве или Кальёвальдъ, т. е. область ласкъ.

Однажды дѣдушка подошелъ къ героямъ и сказалъ имъ:

— Я, въ своей мудрости, рѣшилъ создать міръ!

Герои, отвѣтили:

— Что ты рѣшилъ въ мудрости своей, — не можетъ быть худо!

И, во время ихъ сна, онъ создалъ вселенную!

Когда герои проснулись, то, протирая глаза, изумлялись творенію.

Дѣдушка, уставъ отъ труда міротворенія, легъ отдохнуть.

Во время его сна Ильмаринэ, взявъ кусокъ самой лучшей стали, выковалъ небесный сводъ и прикрѣпилъ къ нему звѣзды

¹⁾ Въ эстонскихъ легендахъ божество всегда олицетворяется въ видѣ добраго старика дѣдушки, премудраго и снисходительнаго.

и мѣсяць. Изъ преддверья жилища дѣдушки онъ перенесъ солнце также на сводъ небесный и укрѣпилъ его тамъ столь искуснымъ образомъ, что оно можетъ само восходить утромъ и заходить вечеромъ.

Полный радости, схватилъ свою арфу Вайнемуйнэ, затащилъ веселую пѣсню и быстро спрыгнулъ на землю.

За нимъ послѣдовали пѣвчія птицы.

Гдѣ нога его касалась земли, тамъ показывались травы и цвѣты, гдѣ онъ садился и пѣлъ, тамъ выростали деревья, по которымъ порхали птицы, вторя его пѣснѣ.

Лимменкейнэ бѣгалъ по лѣсамъ и холмамъ, а Вибоайнэ пробовалъ свой лукъ...

При этомъ шумѣ дѣдушка проснулся и изумился, что міръ сталъ не тѣмъ, какимъ онъ его создалъ.

Онъ обратился къ героямъ со слѣдующими словами:

— Ну, дѣти, я создалъ міръ вчернѣ; ваше, конечно, дѣло украшать его. Я населю скоро землю различными животными, а потомъ создамъ человѣка, который будетъ обладать міромъ.

Я создамъ, однако, людей слабыми, чтобы они не могли возгордиться своею крѣпостью.

Вы же должны подружиться съ людьми и смѣшаться съ ними, чтобы произвести на свѣтъ сильное поколѣніе, не покоряющееся злу!

Зла же въ мірѣ я не могу уничтожить, ибо оно есть мѣра добра...

И появился человѣкъ, который есть сынъ вселенной, побуждающій и побуждаемый, виновникъ своего счастья и несчастья.

Дѣдушка не показывается на землѣ и не входитъ въ теченіе дѣлъ міра, но въ cadaго изъ людей онъ вдунулъ частицу своего духа, помогающую ему избѣгать зла.

А кто покорится судьбѣ, тому не поставится это въ укоръ, такъ какъ судьба роковой стопою бродитъ по свѣту, и кто съ нею встрѣтится—не радъ, а другіе совсѣмъ погибаютъ...

III. Дочь Вайнемуйнэ.

Вайнемуйнэ былъ первымъ твореніемъ дѣдушки. Онъ былъ съ сѣдыми волосами и сѣдой бородой. Онъ обладалъ мудростью, а игра на струнахъ и пѣсни было его любимымъ занятіемъ.

Его арфа изъ березы, со стѣнками изъ семги и твердыхъ зубовъ щуки, и струнами изъ волосъ возлюбленной,—то гремѣла, какъ раскаты грома, то щебетала, какъ жаворонокъ; въ ней были слышны то шумъ моря и свистъ вѣтра, то воркованье голубя, то протяжный вой волка, то стоны раненаго врага, то тихіе переливы соловьиной пѣсни!

Когда онъ касался струнъ, —нѣжная сестра забывала предсмертныя муки любимаго брата, и водопадъ останавливался, чтобы слушать его!

Дѣдушка сказалъ нѣкогда своимъ героямъ.

— Смѣшайтесь съ дочерью земли, чтобы произвести сильный родъ людской!

По долгомъ размышленіи и Вайнемуйнэ отправился искать себѣ невѣсту.

Онъ заигралъ и запѣлъ—и вотъ къ нему вышли три красавицы—дѣвы, плѣненные его пѣсню и звуками арфы.

«Старшая, думалъ онъ, смотря на нихъ, не соблазнится сѣдыми локонами и бородою»...

И правда: когда онъ заговорилъ съ нею о любви, она капризно отвернулась.

Онъ попытался заговорить о томъ же со второю, предложивъ ей протанцовать съ нимъ.

Когда они сдѣлали кругъ по лугу, она сказала ему:

— Твоя арфа прекрасна, твоя пѣсня восхитительна, но старыя ноги—слабы для пляски, а сѣдая борода не манитъ къ поцѣлюю!

Съ третьей онъ уже и не рѣшился заговорить и, поникнувъ головою, ушелъ въ лѣсъ.

Изъ глазъ его текли слезы, крупныя какъ яйца перепелки.

Арфа не издавала болѣе звуковъ, но висѣла нѣмая на вялой рукѣ.

Черезъ нѣсколько дней онъ печально пѣлъ на берегу озера Эндла *).

Оглянувшись случайно, онъ увидѣлъ на травѣ новорожденное дитя, протягивающее къ нему свои ручки.

Вайнемуйнэ зоветъ мать ребенка, но, не находя ея, беретъ младенца и проситъ дѣдушку подарить его ему въ собственность.

Творецъ міра пристально посмотрѣлъ на дитяту: это была дѣвочка.

*) По почтовой дорогѣ въ Ревель, за Кардисомъ.

Вдругъ глаза ея засверкали, какъ звѣзды, волосы засіяли, какъ золото!

Черезъ мгновенье это была уже стройная, красавица!

Вайнемуйнэ научилъ ее искусству сладкихъ рѣчей, а братъ его Ильмаринэ подарилъ ей выкованную имъ изъ серебряной проволоки вуаль, смотря сквозь которую, можно видѣть рассказы Ютты *) происходящими въ дѣйствительности, какъ будто въ самомъ дѣлѣ случилось то, что она рассказывала.

Она обитала въ посвященномъ ей озерѣ Эндла гдѣ ее часто видѣли, какъ она посылала въ разныя стороны стаи птицъ и каждой назначала мѣсто, куда нужно летѣть, или какъ, гуляя по берегу, оплакивала смерть своего возлюбленнаго Эндла, сына Ильмаринэ.

А когда она надѣвала свою волшебную вуаль, то вспоминала свое счастливое прошедшее и переживала его вновь въ мечтѣ.

Иногда она даетъ свою чудную вуаль, и смертнымъ и тогда прошедшее во всей своей прежней дѣйствительности выступаетъ предъ ихъ духовными очами.

IV. Голоса природы.

Люди и звѣри имѣютъ свой особый языкъ.

И до сихъ поръ еще бываютъ умные люди, понимающіе языкъ звѣрей и подслушивающіе ихъ разговоръ.

Сначала и звѣри и люди имѣли только одинъ простой, обыкновенный языкъ, но вотъ захотѣли они научиться праздничному языку—пѣнію, чтобы утѣшать себя и славить боговъ.

Они собрались на опушкѣ священной рощи Тара, на горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Дерптъ.

На сходку эту собрались всѣ, кто могъ только двигаться и дышать.

Въ воздухѣ стоялъ шумъ, гамъ и визгъ, но вотъ съ облаковъ спустился богъ пѣнія—Вайнемуйнэ.

Онъ взмахнулъ сѣдыми кудрями, погладилъ бороду, попроваль струны и запѣлъ. Сначала это была простая пѣсня, потомъ торжественный гимнъ.

Въ толпѣ царила тишина; всѣ слушали дивное пѣніе! Звѣри старались подражать ему, выглядывая изъ-за деревьевъ.

*) Эстонск. jut, финск. —juttu—сказка, легенда.

Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ затихъ, птицы перестали щебетать.

Даже неодушевленные предметы были поражены пѣшемъ Вайнемуйнэ!

Деревья замѣтили шумъ при полетѣ его съ облаковъ и стали шумѣть. Знайте, люди, что когда вы гуляете по рощѣ и слышите таинственный шумъ дубравы, то божество близко!..

Эмбахъ запомнилъ шелестъ его одеждъ, и радуясь, каждую весну своей новой юности, подражаетъ этому шороху.

Вѣтру понравились рѣзкіе тоны пѣсни.

Однимъ звѣрямъ пришлось по вкусу глухія ноты мелодіи, другимъ высокія.

Соловью и жаворонку особенно понравилась прелюдія.

Только бѣднымъ рыбамъ выпала плохая доля! Онѣ вынырнули изъ воды, но уши остались у нихъ подъ водою: онѣ видѣли движеніе губъ пѣвца, но не слышали мелодіи. Оттого-то онѣ и не издають звуковъ.

Одинъ только человѣкъ вполне понялъ всю прелесть пѣсни Вайнемуйнэ. Потому, человѣческое пѣніе проникаетъ до глубины сердець и жилища боговъ!

А между тѣмъ божественный старецъ все пѣлъ о величіи неба, о великолѣпїи земли, о дивныхъ берегахъ Эмбаха, о горестяхъ и радостяхъ человѣческаго рода..

Онъ самъ былъ глубоко растроганъ своимъ пѣніемъ и проливалъ горькія слезы, смочившія всѣ шесть его кафтановъ и семь рубашекъ!

Вдругъ пѣвецъ скрылся: онъ умчался въ обитель міродержца, чтобы пѣть предъ его трономъ, и только возвышеннымъ умамъ и чистѣйшимъ сердцамъ дано слышать иногда тѣ отдаленные и дивные звуки, которые по временамъ несутся съ высоты неба...

V. Рѣка-мать.

Дѣдушка сотворилъ землю, распростеръ надъ нею небо съ блестящими звѣздами и пламеннымъ солнцемъ и, украсивъ растительностью, населилъ животными.

Животныя не слушались, однако, завѣтовъ дѣдушки жить въ мирѣ и согласїи и непрерывно нападали другъ на друга.

Дѣдушка собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и сказалъ имъ:

— «Животныя! Я васъ создалъ, чтобы каждое изъ васъ могло наслаждаться жизнью, а вы между тѣмъ постоянно

враждуете и даже пожираете другъ друга! Вамъ нуженъ царь, который бы управлялъ вами и котораго бы вы боялись.

Выройте глубоко русло рѣки: на берегахъ ея будетъ гулять вашъ владыка человѣкъ, а въ ней будутъ жить водяныя животныя и рыбы. Кромѣ того насыпьте большую гору земли, — на ней выростетъ роща для вашего царя. Устройте также ушелья и равнины, чтобы предохранить его отъ непогоды. Итакъ, за работу!»

Всѣ тотчасъ же принялись за дѣло. Заяць и лисица измѣряли теченіе будущей рѣки, и лисица хвостомъ отмѣчала сзади на пескѣ направленіе русла.

Кротъ прошелъ первую борозду, барсукъ работалъ въ глубинѣ, волкъ сгребалъ, медвѣдь таскалъ.

Когда работа была окончена, дѣдушка пришелъ посмотрѣть на нее.

Онъ остался ею доволенъ и похвалилъ каждаго работника.

— Ты, кротъ, сказалъ онъ, и ты, медвѣдь, работали особенно прилежно, такъ какъ испачкались больше всѣхъ остальныхъ. Пусть же ваша испачканная одежда останется вамъ на память, какъ почетный знакъ вашего усердія! Ты, волкъ, усердно работалъ мордою и лапами: пусть же у тебя навсегда останутся черныя морда и лапы. А гдѣ же ракъ? Я его не замѣчаю!

Ракъ выползъ изъ ила и, обидѣвшись, что его не замѣтили, сказалъ:

— Я здѣсь, — неужели, дѣдушка, ты меня не видишь?!. Или у тебя глаза позади?

— Пусть же это у тебя будутъ глаза позади, глупецъ, — отвѣчалъ дѣдушка.

Въ это время щеголь, перелетая съ вѣтки на вѣтку, беззаботно чирикалъ.

— Щеголь, — сказалъ дѣдушка, — отчего же ты не за работой?

— Я боялся испачкать мой золотистый кафтанъ! — сказалъ щеголь.

— Ну, такъ пусть же онъ теперь будетъ у тебя темный!

Русло было готово. Божественный старецъ влилъ въ него воды изъ золотого кувшина, оживилъ ее своимъ дыханьемъ и опредѣлилъ теченіе рѣки, которую онъ назвалъ *рѣкой-матерью*, — Эмаіеги (Emajögi).

VI. Влюбленные.

Знаете-ли вы блестящее свѣтило въ чертогахъ дѣдушки? Оно уходитъ на покой, а небосклонъ еще долго горитъ его пурпурнымъ блескомъ...

И вотъ оно снова появляется на горизонтѣ и яркими лучами обливаешь вселенную, привѣтствуя творенье!

Знаете-ли вы руку, принимающую его и относящую на покой, послѣ того, какъ оно совершило свой дневной бѣгъ?

Знаете-ли вы другую руку, его зажигающую, когда оно начинаетъ потухать, и придающую ему новый блескъ и тепло, чтобы освѣщать и согрѣвать міръ Божій?

У міродержца было два раба, одаренныхъ имъ вѣчной юностью.

То были—юноша и дѣва.

Когда солнце обѣжало въ первый день творенія голубое поднебесье и склонилось къ западу, владыка міра сказалъ Эмаритѣ (Amarit):

— Тебѣ, дитя, я поручаю заходящее солнце. Потуши его, чтобы огонь не сдѣлалъ вреда!

И Эмарита—вечерняя заря—затушила горящее свѣтило—и наступила ночь...

И когда на утро солнцу снова надо было совершать свое дневное теченіе, дѣлушка сказалъ Койту (Koit),—утренней зарѣ:

— Зажги его, сынъ мой, и не забывай дѣлать это, когда наступаетъ день.

И вѣрно исполняли они повелѣніе владыки.

Зимой и осенью Эмарита тушила солнце раньше, чѣмъ весною и лѣтомъ, когда солнцу мало приходится отдыхать.

Знойнымъ лѣтомъ Эмарита, потушивъ свѣтило дня, сейчасъ же передавала его Койту и онъ опять зажигалъ его для новой жизни.

Заря сходилася съ зарею: Эмарита и Койтъ полюбили другъ друга!

Когда лѣтнею порою рѣки весело шумятъ, птицы немолчно щебечутъ, а родъ людской наслаждается жизнью подъ чуднымъ шатромъ Ильмаринэ—влюбленные, передавая одинъ другому солнце, нѣжно склонялись другъ къ другу,—ихъ руки скрепчивались, а губы сливались въ горячемъ поцѣлуѣ...

Но глазъ міродержца, всевидящій и всепроникающій, подсмотрѣлъ, что творилось въ полночь!

Дѣдушка призвалъ къ себѣ своихъ вѣрныхъ рабовъ и сказалъ имъ:

— Я доволенъ вами, вы оба въ точности исполняете мое велѣнье: Я знаю... вы любите другъ друга, будьте же мужемъ и женою и попрежнему исполняйте вашу обязанность!

Но влюбленные отвѣтили ему:

— Позволь намъ, владыка, вѣчно остаться женихомъ и невѣстой: такъ нашли мы себѣ счастье, такъ любовь наша останется вѣчно новой и вѣчно юной!

И дѣдъ уступилъ...

И вотъ— только разъ въ годъ, на четыре недѣли, сходятся влюбленные въ полночь, и, когда Койтъ обнимаетъ Эмариту, ея щеки вспыхиваютъ яркимъ румянцемъ счастья и страсти и отражаются на сѣромъ небѣ пурпуромъ розы утренней зари, пока солнце, зажженное пылкою рукою влюбленного, не покажется на горизонтѣ и не поглотитъ своими лучами янтарнаго отблеска восхода...

И во время ихъ свиданій добрый дѣдъ усыпаетъ землю цвѣтами, а соловьи поютъ гимны любви...

VIII. Происхожденіе племенъ.

Первые люди такъ размножились и такъ стали враждовать другъ съ другомъ, что дѣдушка рѣшилъ расселить ихъ по всему лицу земли, давъ каждому народу свое особое имя, обычаи, нравы, языкъ.

Для этого всѣ народы должны были по очереди предстать предъ нимъ на Голубой горѣ.

Вода и огонь — искони враждебныя другъ другу стихіи. Когда воду, влитую въ сосудъ, кипятятъ на огнѣ, она издаетъ сначала жалобные звуки, мучимая врагомъ своимъ, а потомъ стремится добѣжать до краевъ сосуда, чтобы сразиться съ мучителемъ.

Этимъ премудрый дѣдушка воспользовался, чтобы каждому народу дать подходящее имя и надѣлать соотвѣтственными особенностями.

Растопивъ дрова, онъ поставилъ надъ пламенемъ треножникъ, а на него помѣстилъ сосудъ съ таинственной водою.

Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ къ нему уже подходилъ народъ— высокій, стройный, ловкій, голубоглазый, свѣтлорусый.

— Вы пришли рано! — сказалъ имъ міродержецъ. Вода еще не кипить... Пусть будете вы моимъ первымъ народомъ и пусть мой языкъ будетъ также и вашимъ!

Этотъ народъ—были эсты.

Они стали первымъ народомъ земли, говорили однимъ языкомъ съ владыкой міра и не имѣли никакихъ дурныхъ особенностей, свойственныхъ другимъ народамъ.

Между тѣмъ, вода начинала кипѣть и каждому подходившему народу дѣдушка давалъ названія по тѣмъ звукамъ, какіе слышались въ котлѣ съ кипяткомъ.

Много приходило народовъ одинъ за другимъ, и вотъ, уже на склонѣ дня, подошелъ къ дѣдушкѣ народъ очень важный и гордый на видъ, одѣтый въ плащи, сотканные изъ тряпья всего міра.

Изъ котла раздавалъсь звуки: deutsch, peutsch, deutsch-peutsch...

И дѣдушка далъ этому народу имя deutsch—нѣмцы.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, пришла еще толпа вялыхъ, лѣнивыхъ, съ тупымъ взоромъ людей.

Дѣдушка посмотрѣлъ въ котель: тамъ плавала одна пѣна, и вода уже давно остыла.

Дѣдушка сбросилъ пѣну на землю.

При паденіи она издала жалобный звукъ latsch...

— Пусть зоветесь вы latisch, latwisch, — сказалъ дѣдушка и сошелъ съ горы.

То были — латыши.

Гора, на которой, по преданію, разводилъ «дѣдушка» огонь, называется также и Котельной и находится въ Дерптскомъ уѣздѣ.

По вѣрованію эстовъ, при продолжительной жарѣ гора эта дымится: «дѣдушка» забылъ потушить на ней весь огонь.

ЛАТЫШСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ РИГѢ. ¹⁾

Перваго августа 1896 года, одновременно съ открытіемъ въ РигѢ засѣданій X-го археологическаго съѣзда, тамъ открылась для осмотра публики и латышская этнографическая выставка, устроенная научнымъ комитетомъ мѣстнаго латышскаго общества. Выставка эта представляетъ собою выдающійся интересъ въ культурно-историческомъ отношеніи, какъ первая въ такомъ родѣ выставка въ Балтійскомъ краѣ, наглядно представляющая собою полную картину внутренней жизни первенствующей не балтійскомъ поморьѣ народности, латышей, и дающая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность видѣть ихъ внутренній, нравственно-экономическій ростъ за послѣднее столѣтіе.

Исторія возникновенія латышской этнографической выставки ведетъ свое начало за много лѣтъ назадъ. Научный комитетъ латышскаго общества въ РигѢ уже лѣтъ десять, какъ сталъ понемногу собирать различные матеріалы для основанія латышскаго этнографическаго музея. Комитетомъ было приобрѣтено съ этой цѣлью много интересныхъ для задуманнаго дѣла предметовъ отъ любителей этнографіи и сочувствующихъ комитету лицъ (въ числѣ которыхъ были многіе мѣстные крестьяне), которые, желая, насколько возможно, содѣйствовать предпріятію, снаряжали на свои собственные средства научныя экспедиціи въ разныя мѣстности Балтійскаго края, населенныя латышами. Дѣло подвигалось, однако, впередъ довольно медленно и шло бы такъ, вѣроятно, и дальше, если бы комитету не пришла на помощь одна счастливая случайность.

Въ 1893 г. императорское московское археологическое общество пригласило научный комитетъ рижскаго латышскаго общества прислать своихъ делегатовъ на первое засѣданіе (въ январѣ 1894 г.) подготовительнаго комитета намѣченнаго въ РигѢ и нынѣ открытаго X-го археологическаго съѣзда. Это дало научному комитету рижскаго латышскаго общества мысль устроить изъ уже собранныхъ и собираемыхъ для проектируемаго музея предметовъ латышскую этнографическую выставку

¹⁾ Эта статья оставлена нами здѣсь въ первоначальномъ видѣ, какой она появилась въ печати ко дню открытія выставки.

во время имѣющаго состояться въ Ригѣ археологическаго съѣзда. Командированный въ виду вышеупомянутаго предложенія комитетомъ въ Москву присяжный повѣренный А. Веберъ заявилъ поэтому московскому археологическому обществу о рѣшеніи рижскаго латышскаго общества устроить особую этнографическую выставку одновременно съ работами съѣзда. Чтобы выставка эта вышла наиболѣе удачною, необходимо было значительно пополнить уже собранныя коллекціи этнографическиххъ матеріаловъ. Для этого научный комитетъ, въ 1894 и 1895 годахъ, снарядилъ около десяти экспедицій въ разныя мѣстности края, населенныя латышами, и ассигновалъ на это свыше 2.000 рублей. Экспедиціи побывали вдоль всего побережья, въ сѣверной и западной Лифлянді, посѣтили Куронское побережье, отъ Андерна, до Дондаггена; нижнюю Курляндію, отъ Либавы до Полангена, Альшвангенъ, деревни близъ Гольдингена и окрестности Виндавы, южную, восточную и польскую части Лифлянді, Иллукстскій уѣздъ въ верхней Курлянді, куронскія поселенія въ Пруссіи и куроно-литовскую границу.

Члены этихъ экспедицій не только собрали богатые коллекціи древнихъ національныхъ костюмовъ и другихъ этнографическиххъ матеріаловъ, но и сумѣли возбудить среди мѣстнаго крестьянскаго населенія живой интересъ къ готовившейся выставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій въ Ригу въ научный комитетъ латышскаго общества непрерывно доставлялись разные для выставки предметы.

Въ виду этого матеріаловъ для выставки накопилось такъ много, что комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости устройства выставки въ особо для этого отведенномъ зданіи, такъ какъ предназначенное ранѣе подъ выставку помѣщеніе въ рижскомъ латышскомъ обществѣ оказывалось уже недостаточнымъ. Поэтому научный комитетъ, въ октябрѣ 1895 г., постановилъ составить отдѣльную комиссію по изысканію мѣста для выставки и сооруженію соотвѣтствующихъ для нея зданій, изъ девяти лицъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Ф. Гросвальдомъ во главѣ. Почетнымъ предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ рижскій городской голова Л. Керковіусъ.

Еще около рождественскихъ праздниковъ 1894 г. научный комитетъ, желая ознакомиться съ классификаціей этнографическиххъ матеріаловъ, командировалъ завѣдывающаго музеемъ латышскаго общества, С. Новицкаго, въ Нетербургъ и Москву, для подробнаго ознакомленія со столичными музеями. Далѣе, съ

цѣлью подробнаго изученія вопроса о наилучшемъ устройствѣ предстоящей этнографической выставки, выставочная коммисія послала своего письмоводителя, М. Скрузита, въ Прагу для всесторонняго ознакомленія съ грандіозной чешской этнографической выставкой, поручивъ ему представить коммисіи докладъ о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить этнографическую выставку въ Ригѣ. Затѣмъ, въ декабрѣ 1895 г. и въ январѣ 1896 года, научный комитетъ напечаталъ въ мѣстныхъ латышскихъ газетахъ два циркуляра и разослалъ ихъ, въ видѣ писемъ, мѣстнымъ священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ, нѣкоторымъ землевладѣльцамъ и т. п. Лифляндіи и Курляндіи, въ которыхъ намѣчалъ предварительную программу выставки и указывалъ, какимъ способомъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету и присылка какихъ именно предметовъ для выставки особенно желательна. Кромѣ вышеприведенныхъ двухъ циркуляровъ, были опубликованы и еще нѣкоторые другіе подобные же циркуляры, которые были разосланы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Возванія эти имѣли успѣхъ. Не считая тѣхъ, которыя по собственному почину присылали комитету различные предметы для выставки, въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи и Курляндіи вызвалось до 60 лицъ собирать подходящіе для выставки матеріалы и доставлять ихъ комитету. Это обстоятельство въ высшей степени содѣйствовало быстрому увеличенію коллекцій для выставки.

Еще болѣе оживили дѣятельность комитета и содѣйствовали успѣху выставки лица и учрежденія, взявшіяся самостоятельно устроить для выставки цѣлые отдѣлы (сельскохозяйственный, пчеловодства, судоходства и пр.).

Планы выставочныхъ зданій изготовилъ архитекторъ К. Пекшень. Внутреннее устройство ихъ было поручено М. Скрузиту, а распредѣленіе экспонатовъ въ главномъ выставочномъ корпусѣ — завѣдывающему музеемъ С. Новицкому.

Кромѣ названныхъ главныхъ дѣятелей по устройству выставки, не мало также содѣйствовали ея успѣху и многіе другіе, не только собирая и доставляя комитету экспонаты, но и жертвуя на это дѣло деньгами. Нельзя не упомянуть при этомъ, что недостатокъ вообще въ денежныхъ средствахъ доставлялъ выставочному комитету не мало заботъ, такъ какъ расходы по снаряженію вышеупомянутыхъ научныхъ экспедицій и по устройству выставки достигаютъ 20.000 рублей.

Рижское латышское общество на общемъ собраніи, въ декабрѣ 1895 года, единогласно постановило ассигновать на устройство этнографической выставки 10,000 рублей. Научный комитетъ, съ своей стороны, на случай дефицита отъ выставки, разослалъ листы съ приглашеніемъ гарантовъ, желающихъ покрыть возможный дефицитъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, записалось до 200 членовъ, на сумму около 4.000 рублей. Большинство гарантовъ— члены рижскаго латышскаго общества и латыши, проживающіе въ Петербургѣ. Весьма щедрыми оказались также и нѣкоторыя волости, какъ, напримѣръ, Дондангенская и Жукстская, которыя, не смотря на тяжелое тогда время для сельскаго хозяйства, гарантировали сравнительно значительныя суммы.

Всего этого, однакоже, оказалось, по расчету, недостаточнымъ для покрытія ожидаемыхъ расходовъ по выставкѣ, въ виду чего выставочная комиссія обратилась съ ходатайствомъ о матеріальной поддержкѣ, какъ въ рижскую городскую управу, такъ и къ лифляндскому дворянству. Оба ходатайства были уважены. Городская управа, съ согласія думы, предоставила въ бесплатное пользованіе площадь для выставки, ассигновавъ, сверхъ того, 2,000 рублей субсидіи, а лифляндское дворянство, съ своей стороны, назначило выставочной комиссіи субсидію въ 1,000 рублей.

Обратимся теперь къ бѣглому обзору выставки въ ея главнѣйшихъ чертахъ.

Скажемъ, однако, предварительно нѣсколько словъ о расположеніи выставки — о выставочныхъ зданіяхъ и ея мѣсто-нахожденіи.

Выставка занимаетъ довольно обширную площадь въ лучшей части города, между городскимъ каналомъ и Николаевской и Царскосадовой улицами. Изыщныя картины, клумбы, полянки и извилистыя, гладко утрамбованныя, бѣгуны въ разныя стороны дорожки оживляютъ мѣсто выставки, дѣлая изъ него пріятный для прогулки скверъ.

Главный павильонъ, находящійся вблизи входа, на Николаевской улицѣ, заключаетъ въ себѣ важнѣйшій матеріалъ выставки. За нимъ слѣдуютъ модели въ натуральную величину прежнихъ избъ лифляндскаго и курляндскаго крестьянина и современнаго дома усадьбовладѣльца послѣдняго времени. Въ особомъ баракѣ помѣщаются отдѣлы: пчеловодства, сельскаго хозяйства, мореходства и рыболовства.

Сбоку, ближе къ городскому каналу, виднѣтся зданіе ресторана, а посреди выставочной площади возвышается эстрада для музыкантовъ.

Пройдемся по отдѣламъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ характеристикѣ страны (носящемъ въ каталогѣ общее названіе «Территорія», Land), кромѣ всевозможныхъ картъ; рисунковъ и фотографій, имѣющихъ отношеніе къ мѣстамъ Балтійскаго края, населеннымъ латышами, сосредоточены мѣстные камни и породы почвъ. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на мѣстный янтарь, который находятъ маленькими кусочками на берегу моря, какъ въ Лифляндіи, такъ и въ Курляндіи. Наиболѣе крупные куски его встрѣчаются въ Полангенѣ. Мѣстные прибрежные жители сами обрабатываютъ янтарь, дѣлая изъ него брошки, серьги, бусы и т. п. Въ Либавѣ и въ Полангенѣ для обработки янтаря устроены особыя фабрики-мастерскія.

Въ этомъ же отдѣлѣ можно видѣть и экземпляры мѣстныхъ жемчужинъ, найденныхъ въ рѣкѣ Пенень, Венденскаго уѣзда. Жемчугъ находятъ также и въ рѣкѣ Аа и ея притокахъ (Палуфъ, Перленбахъ, Шварцбахъ и другихъ). Въ прошломъ столѣтіи ловля жемчуга считалась довольно выгоднымъ ремесломъ въ Балтійскомъ краѣ. Въ послѣднее же время жемчужныхъ раковинъ въ краѣ стало значительно меньше.

Второй, историческій отдѣлъ («Исторія, право и судопроизводство»), не смотря на то, что древняя исторія латышей до настоящаго времени еще очень мало изслѣдована, довольно обширенъ и интересенъ. Здѣсь мы находимъ нѣсколько историческихъ сочиненій, картъ и плановъ, старинные документы и проч. Изъ картъ слѣдуетъ, по ихъ интересу, отмѣтить «карту Прибалтійскаго края XIII столѣтія» М. Силина и подробный атласъ прежней латышской территоріи д-ра Билленштейна, а также карту Балтійскаго края пастора Адольфа Грота 1739 года, поднесенную послѣднему герцогу курляндскому Петру Бирону. Въ числѣ старинныхъ документовъ здѣсь обращаютъ на себя вниманіе рукописи и документы эпохи курляндскихъ герцоговъ (1615—1779 годовъ), указы Наполеона I курляндцамъ 1812 года, указы и разъяснительные циркуляры лифляндскихъ и курляндскихъ губернаторовъ, отъ 1805—1845 годовъ, и проч.

Особый историческій интересъ представляютъ въ этомъ отдѣлѣ подлинныя документы о привилегіяхъ такъ называемыхъ курляндскихъ «свободныхъ крестьянъ» шести посел-

ковъ Гольдингенскаго уѣзда (Конини, Драгуны, Калеи, Земели, Весалги и Плойки), носящихъ издревле въ народѣ названіе «курляндскихъ» или «куронскихъ королей» ¹⁾. Эти «свободные крестьяне» не только сохраняли личную свободу въ эпоху крѣпостной зависимости въ Прибалтійскомъ краѣ, но и пользовались безвозмездно землею на вѣчныя времена. Эти широкія привилегіи эпохи Ордена были подтверждены курляндскими герцогами и отчасти уважены и русскимъ правительствомъ. Такъ, земля этихъ крестьянъ и по сіе время остается еще свободной отъ налоговъ.

Отдѣлъ антропологии и статистики (III отдѣлъ) на выставкѣ довольно скуденъ. Небольшая коллекція рисунковъ, фотографій и портретовъ представляетъ намъ характерныя типы латышскаго племени Балтійскаго края и другихъ мѣстъ. Здѣсь помѣщены также, при декоративной обстановкѣ, двѣ характерныя группы фигуръ-манекеновъ въ человѣческой ростъ (подобныя же фигуры въ національныхъ костюмахъ разставлены во всѣхъ отдѣлахъ выставки), изображающія поселянъ за уборкой ржи и выдергиваніемъ льна. Первая группа состоитъ изъ 6, вторая изъ 5 фигуръ.

Всѣ фигуры-манекены на рижской латышской выставкѣ сдѣланы на игрушечной фабрикѣ Фиреке и Лейтке, въ Ригѣ, и въ общемъ исполнены недурно, хотя лица нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляютъ желать лучшаго.

Для любителей статистики значительный интересъ въ описываемомъ отдѣленіи представляютъ разныя діаграммы о числѣ рожденій, смертей, браковъ, среди латышей края за цѣлый рядъ годовъ, о количественномъ соотношеніи мужскаго и женскаго населенія, о количествѣ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, душевнобольныхъ и пр.

Въ отдѣлѣ языковѣдѣнія («Sprache») собраны словари, грамматики, разныя сочиненія по филологіи, труды научнаго комитета рижскаго латышскаго общества, труды литературнаго комитета митавскаго латышскаго общества, сочиненія латыш-

¹⁾ Объясненіе страннаго названія «курляндскихъ королей» до сихъ поръ не установлено. Возможно, что оно должно означать взглядъ прибалтійскаго крестьянина на своего брата «свободнаго» поселенца, живущаго, «какъ король». Можетъ быть, оно произошло отъ названія одного изъ поселковъ, населенныхъ «свободными крестьянами», а именно «Конини», что на старолатышскомъ нарѣчій (K o i n i, K o r u n g, K ö n i g) означаетъ король. Предполагается также, что среди «курляндскихъ королей» живутъ потомки вождей исчезнувшихъ съ исторической сцены куровъ или куроновъ, и что «королями» называли изстари этихъ потомковъ. Какое изъ этихъ трехъ объясненій вѣрнѣе — трудно сказать.

скихъ филологовъ (А. Биленштейна, Вельма, Мюленбаха и другихъ) и портреты нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Народная словесность (отдѣлъ V) представлена на выставкѣ весьма разнообразно. На выставкѣ имѣется много сборниковъ народныхъ латышскихъ пѣсень, которыя, кстати сказать, въ большинствѣ случаевъ не отличаются длиннотою, почти всѣ лирическаго содержанія и написаны размѣромъ трохея или дактиля. Изъ означенныхъ сборниковъ укажемъ на сборники латышскаго литературнаго общества и научныхъ комитетовъ, рижскаго латышскаго и митавскаго обществъ. Здѣсь находятя также сборники народныхъ сказокъ (А. Лерхисъ-Пушкайтиса, И. Креслина, митавскаго научнаго комитета и проч.), сборники пословицъ, поговорокъ и загадокъ, сочиненія о латышскихъ повѣрїяхъ и мифологіи (Трейланда, Лаутенбаха; интересна книжка разныхъ употребляемыхъ въ народѣ заговоровъ), а также матеріалы для изученія своеобразной народной медицины и народныхъ обрядовъ.

Произведенія латышской литературы сосредоточены въ VI отдѣлѣ выставки. Начало латышской литературы относится къ XVI вѣку. Первоначальными дѣятелями на этомъ поприщѣ были нѣмецкіе пасторы, благодаря которымъ въ эпоху герцога курляндскаго Готгарда Кетлера была издана для народа и отпечатана въ Кенигсбергѣ книжка духовнаго содержанія, носившая греческое названіе «Энхейридїонъ». До конца прошлаго столѣтія латышская народность вполне довольствовалась книгами религіозно-нравственнаго, назидательнаго содержанія и пѣсенниками, но со времени латышскаго писателя Г. Стендера въ латышской литературѣ замѣчается поворотъ къ лучшему. Названный даровитый писатель ознакомилъ своихъ сородичей съ книгами свѣтскаго и научнаго содержанія, а также и стихотвореніями въ талантливыхъ произведеніяхъ своего плодovitаго пера. Позднѣйшихъ писателей можно считать послѣдователями Г. Стендера. Съ 1860 г. въ латышской литературѣ замѣчается опять новое направленіе; она начинаетъ освобождаться отъ господствовавшаго въ ней до сего времени нѣмецкаго вліянія и становится болѣе или менѣе національной. Латышская литература замѣтно развивается, при чемъ нѣмецкій элементъ въ ней почти отсутствуетъ. Изъ современныхъ беллетристовъ укажемъ на Хр. Барона, Ю. Нейкена и Звайгзнита, Я. Апсита, Н. Пурина и многихъ другихъ. Изъ поэтовъ особенно выдѣляется Юрій Алунанъ. Что касается періодической печати, то у латышей въ настоящее

время такихъ изданій 12, изъ которыхъ «Балтійскій Вѣстникъ» (Baltias Westnesis) выходитъ въ 10,000 экземплярахъ.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ школьной литературѣ (учебники, педагогическія сочиненія, діаграммы народныхъ школъ и частныхъ училищъ и портреты выдающихся педагоговъ).

Будучи отъ природы народомъ, по преимуществу способнымъ къ пѣнію, латыши издавна обладали цѣлой массой пѣвческихъ кружковъ, и хоровое пѣніе у нихъ всегда процвѣтало. На послѣднемъ латышскомъ праздникѣ, въ Митавѣ, лѣтомъ 1895 года, участвовало до 5,000 человекъ пѣвцовъ. Лучшимъ латышскимъ композиторомъ считается въ настоящее время А. Юрьянъ, учитель пѣнія въ Харьковѣ, и И. Витоль. На выставкѣ есть особый музыкальный отдѣлъ, въ которомъ собраны музыкальныя сочиненія и разные инструменты стараго и новаго времени, какъ струнные, такъ и духовые.

Драматическая литература, оригинальная и переводная, составляетъ XI отдѣлъ выставки. Первые драматическія представленія у латышей начались сравнительно недавно, а именно съ основанія рижскаго латышскаго общества. т. е. съ 1868 года. Въ настоящее время они идутъ довольно правильно на домашней сценѣ общества, при чемъ съ 1886 г. это послѣднее получаетъ отъ города ежегодную субсидію въ размѣрѣ 5,000 рублей на развитіе театральнаго дѣла.

Богатыя и разнообразныя коллекціи мужской и женской одежды поражаютъ обиліемъ. Вы видите здѣсь всевозможныя принадлежности старинной и теперешней латышской одежды, постепенно вытѣсняемой въ послѣднее время костюмомъ современнаго типа, при чемъ особое вниманіе останавливаютъ на себѣ своеобразные головные уборы дѣвушекъ, нѣчто въ родѣ нашихъ кокошниковъ (waunagi) всевозможныхъ формъ (украшенные бисеромъ, жемчугомъ и др.), женскія головныя повязки (apslītis), обручи (loki), различные чепчики, цилиндрическія кички, платки и покрывала. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что прежнія употребляемыя латышскими поселянами лыковыя лапти чисто великорусскаго типа вытѣснены теперь кожаными подошвами на ремняхъ (pastalas), напоминающими римскія сандалии.

Цѣлая большая витрина отведена подъ женскія національныя украшенія—брошки (saktas), большія (willaines) для зашпиливанія платковъ и маленькія для застегиванія воротника рубахи, кольца, булавки, серебряныя пуговицы съ узо-

рами (beukkahikporēs) и проч. Здѣсь же выставлены національныя ткани и женскія рукодѣлія.

Мы обошли такимъ образомъ главный павильонъ выставки. Намъ остается прибавить, что въ немъ помѣщается также маленькій этнографическій отдѣлъ, спеціально эстонскій, какъ народности, живущей въ краѣ бокъ-о-бокъ съ латышами.

Въ этомъ отдѣлѣ—рисунки эстонскихъ типовъ и коллекція національныхъ костюмовъ.

Выйдя изъ главнаго фасада въ садъ, чрезъ только что упомянутый отдѣлъ, вы увидите слѣва двѣ избы-модели курляндскаго и лифляндскаго крестьянина, ихъ неприхотливыя жилища прежняго времени.

Старинная изба курляндскаго крестьянина—тѣсное, низкое, полутемное зданіе, покрытое лубками, положенными на еловой корѣ, не пропускающей дождя. Изба состоитъ изъ трехъ отдѣленій — передней, посрединѣ, и зимней и лѣтней хаты. Передняя безъ крыши, а въ лѣтней избѣ нѣтъ печки. Въ ней вы увидите нынѣ уже неупотребляемую ручную мельницу и котель, висящій надъ ямой—очагъ для варки пищи. Большую часть зимней избы занимаетъ печь. Въ избѣ помѣщено нѣсколько фигуръ, изображающихъ поселянъ за ихъ домашними занятіями въ обстановкѣ повседневной, будничной жизни (ткачиха, пожилая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, вяжущая чулокъ, молодая женщина за тамбурной работой и др.).

Лифляндская изба нѣсколько отличается отъ курляндской. Она крыта соломой. Рига, овинъ и жилье находятся въ ней подъ одной крышей. По бокамъ риги навѣсы, гдѣ хранятся необходимыя принадлежности земледѣльства и упряжи. Пристройка почти совсѣмъ темная, вдоль лѣвой стѣны риги, служила лѣтомъ и осенью, пока идетъ молотьба, помѣщеніемъ для дворохозяина. Вдоль другой стѣны риги такая же пристройка для батраковъ. Зимой обыкновенно жили въ самой ригѣ, вслѣдствіе чего въ ней, кромѣ большого окошка, служившаго для передачи высушенныхъ сноповъ въ овинъ, еще два маленькихъ, задвижныхъ окошка, изъ которыхъ одно выходитъ на дворъ, другое въ конурку батраковъ. Налѣво отъ входной двери—большая печь съ лежанкой. Въ глубинѣ, подъ потолкомъ, рядъ бревенъ, въ видѣ палатей, для сушки зернового хлѣба и льна. Стѣна обѣ стѣну съ ригой—овинъ, но при этомъ входъ въ него совершенно особый, такъ что къ нему можно подъѣхать съ возомъ. Въ овинѣ—фигуры молотильщиковъ съ цѣпами.

Какъ разъ противъ вышеописанныхъ тѣсныхъ и темныхъ избъ прежней эпохи возведенъ красивый и помѣстительный домикъ латышскаго усадьбовладѣльца современнаго типа, уже одною своею наружностью ясно говорящій объ экономическомъ ростѣ латышскаго крестьянина послѣдняго времени.

Чтобы не вводить русскихъ читателей, не знакомыхъ съ порядками крестьянской жизни Балтійскаго края, въ заблужденіе относительно значенія слова «усадьбовладѣлецъ», означающаго во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ понятіе помѣщика, мы должны сказать два слова о своеобразныхъ особенностяхъ жизни остзейскихъ крестьянъ. На балтійскомъ поморьѣ вовсе не существуетъ деревень въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаются онѣ у насъ внутри Россіи, то-есть группы невадалекъ стоящихъ другъ отъ друга избъ съ кускомъ смежной земли, сообща обрабатываемой крестьянами одного и того же села. Въ Балтійскомъ краѣ каждый крестьянинъ живетъ особо, занимаясь полевыми работами на своемъ участкѣ, простирающемся на извѣстное количество десятинъ и составляющемъ его «усадьбу». Поэтому въ остзейскихъ губерніяхъ усадьбовладѣльцами называются не помѣщики, а просто богатые крестьяне-собственники. Есть также и крестьяне-арендаторы. Каждый такой собственникъ усадьбы (*Gesinde*) имѣетъ своихъ батраковъ изъ крестьянъ побѣднѣ, скоть, кое-какія сельскохозяйственныя принадлежности. Усадьбы отстоятъ одна отъ другой на довольно значительномъ разстояніи, составляя въ общемъ волость и силою вещей разъединяя носелянъ, что вполне понятно при жизни каждаго изъ нихъ особнякомъ, въ отдаленномъ отъ сосѣдей домѣ, работающаго со своими батраками на своемъ особомъ участкѣ. Такой порядокъ вещей, конечно, былъ заведенъ нѣмцами-завоевателями страны не безъ тонкаго и практическаго умысла ослабить при помощи его крестьянскую среду, уничтожая въ немъ мало-по-малу всякую солидарность, инициативу и общность интересовъ, и дѣлая ее совершенно неспособной къ энергическому и дружному протесту противъ безконечно царившихъ въ краѣ при нѣмецкомъ режимѣ изувѣрствъ землевладѣльческаго дворянства въ отношеніи сельскаго населенія.

Современный домъ балтійскаго крестьянина представляется просто палатами въ сравненіи съ только что описаннымъ жильемъ его тяжелаго прошлаго. Черезъ маленькую стеклянную веранду-сѣни вы входите въ переднюю, также свѣтлую, откуда налѣво идутъ комнаты хозяина усадьбы (общая комната,

спальная, столовая), ваправо помѣщеніе для батраковъ. Изъ столовой дверь ведетъ въ кухню; въ верхнемъ этажѣ — комнаты взрослыхъ дѣтей хозяина.

Въ одной изъ комнатъ для батраковъ описываемаго дома (представляющаго, конечно, собою общій типъ тепершняго жилья зажиточнаго усадебовладѣльца) живописно разставлена многочисленная группа фигуръ, въ человѣческій ростъ, въ праздничныхъ костюмахъ, изображающая старинный свадебный обрядъ у латышей — раздачу «молодухою» подарковъ (weltischapa). Въ послѣдній день свадебнаго торжества (свадьба у латышей длится трое и болѣе сутокъ) новобрачная раздаетъ подарки родственникамъ мужа и «жертвуетъ» кое-что духамъ домашняго очага (родъ русскаго «домового»): бросаетъ разныя вещи въ хлѣвъ, въ баню, въ печь и т. д. Эти вещи обыкновенно бывають чулки, носки, варежки, подвязки и т. п. и собираются потомъ, въ свою пользу, дѣтьми и стариками.

Въ комнатахъ дома расположены ручныя модели современныхъ и прежнихъ латышскихъ построекъ разныхъ мѣстностей, деревянная домашняя посуда, прялки, наиболѣе употребительныя сѣстные припасы и разныя принадлежности домашняго обихода.

Домъ меблированъ простой мебелью современнаго образца.

О развитіи у латышей кустарной промышленности можно судить по разнымъ предметамъ этнографической выставки (лапти-сандали, о которыхъ говорилось ранѣе, сапоги, рукодѣльныя работы и т. д.). Что касается выдѣлываемыхъ самими крестьянами изъ дерева земледѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ орудій, то коллекція ихъ очень богата на выставкѣ и составляетъ особый отдѣлъ (XIV), на которомъ мы не можемъ въ бѣглому очеркѣ остановиться подробно.

Послѣдніе четыре отдѣла выставки — пчеловодства, сельскаго хозяйства, рыболовства и мореходства (XV, XVI, XVII и XVIII), помѣщаются, какъ уже сказано, въ особомъ баракѣ, вблизи современнаго крестьянскаго дома, и представляютъ не мало интереснаго.

Пчеловодство было долгое время въ загонѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и стало оживляться лишь съ самаго послѣдняго времени, а именно съ 1890 года, когда въ Лифляндской и Курляндской губерніи образовалось до 11 обществъ пчеловодства, устраивающихъ курсы пчеловодства, которые имѣютъ большой успѣхъ. На выставкѣ собраны всевозможные сорта мѣстныхъ ульевъ.

Сельское хозяйство составляет главный источник прибалтійскаго крестьянина. Имъ занимаются $\frac{3}{4}$ всего латышскаго населенія края. Обработка земли производится въ Лифляндіи по пятипольной системѣ (парь, подъ озимь, ячмень, овесъ и ленъ), а въ Курляндіи — по 9—12 полевой, съ полями для клевера. Больше всего сѣется въ краѣ ржи и пшеницы, затѣмъ идетъ ячмень, овесъ, ленъ, конопля, горохъ, гречиха и разныхъ сортовъ клеверъ, а изъ травъ тимоееевка. Садоводство у латышей развито очень мало (фруктовые сады, разведенные недавно нѣсколькими помѣщиками близъ Митавы, исключеніе), а на скотоводство обращено вниманіе лишь съ 1885 года, когда цѣны на хлѣбъ такъ пали, что мѣстные помѣщики принуждены были искать другихъ источниковъ дохода, кромѣ земледѣлія. На выставкѣ во множествѣ собраны разнаго вида плуги, бороны, орудія для косьбы, полевые катки, экспонаты зернового хлѣба и льна и пр.

Отдѣлъ рыболовства также очень богатъ, въ виду распространенія этого промысла на балтійскомъ побережьѣ. Здѣсь можно ознакомиться съ многочисленными орудіями морского и рѣчнаго рыболовства.

Отдѣлъ мореходства, конечно, столь же богатъ и разнообразенъ, какъ и предыдущій. Здѣсь вы найдете множество плановъ всевозможнаго расположенія парусовъ на лодкахъ, шхунахъ, габель-шхунахъ и корабляхъ, поперечные разрѣзы шхунъ и кораблей и ихъ изображенія и планы, морскія карты, модели кораблей и судовъ, старинные якоря и пр.

Нашъ обзоръ выставки былъ бы не полонъ, если бы мы не сказали въ заключеніе нѣсколько словъ о произведеніяхъ кисти современныхъ латышскихъ художниковъ. Къ сожалѣнью, произведенія эти на выставкѣ, въ общемъ, довольно слабы и немногочисленны и не отличаются ни изяществомъ работы, ни выразительностью или оригинальностью сюжета. Нѣкоторыя изъ картинъ («Nocturno», «Тѣни Семигаліи») обнаруживаютъ попытку подражанія пресловутымъ «эмпрессионистамъ» французской школы, что врядъ ли похвально въ художественномъ отношеніи. Лучшія изъ картинъ, по техникѣ и содержанію: «Послѣ обѣдни»,—г. Розенталя, «Берегъ моря», г. Пурвита и «Вечеръ»—г. Бирнбаума.

Подводя общіе итоги, нельзя не признать латышскую этнографическую выставку въ Ригѣ, какъ первый опытъ, вполне удавшеюся, весьма любопытной, во многомъ поучительной и сравнительно довольно богатой экспонатами. Вмѣстѣ съ этимъ

справедливость требует отмѣтить замѣтное у устроителей выставки стремленіе, насколько возможно, украсить дѣйствительность, представляя ее на выставкѣ въ нѣсколько радужномъ цвѣтѣ, что особенно рѣзко сказалось на описанномъ нами выше «современномъ домѣ» латышскаго усадьбовладѣльца. Не смотря на увѣренія каталога и близкихъ къ выставкѣ лицъ, что подобные дома заурядное явленіе балтійскаго поморья, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ подобныхъ домахъ живутъ лишь самые зажиточные землевладѣльцы, приближающіеся уже къ типу фермеровъ, а не простые, обыкновенные собственники земельныхъ участковъ, для которыхъ пресловутый «современный домъ» латышскаго крестьянина-усадьбовладѣльца, фигурирующій на этнографической выставкѣ въ Ригѣ, является «*riipš desiderium*», достижимымъ немногимъ счастливымъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Отъ автора	3
2. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ	5
3. Изъ Ревельской старины	30
4. Замокъ Фалль подъ Ревелемъ.	73
5. Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи	94
6. Эстонскіе полувѣрцы	124
7. Изъ эстонскихъ сагъ	136
8. Латышская этнографическая выставка въ Ригѣ	147

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

1. Портретъ князя С. В. Шаховского	3
2. Развалины Мерремойзъ	31
3. Лютеранская церковь св. Олая въ Ревелѣ	35
4. Вышгородскій замокъ	39
5. Башня Германа въ Ревелѣ	41
6. Екатеринентальскій дворецъ	43
7. Домикъ Петра Великаго въ Екатериненталѣ	45
8. Домъ братства Черноголовыхъ и Домъ гильдіи св. Канута	49
9. Лютеранская Вышгородская церковь	61
10. Ратуша въ Ревелѣ	63
11. Развалины монастыря св. Бригиты близъ Ревеля	65
12. Православная церковь св. Николая Чудотворца	67
13. Водопадъ Фалль	93

Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

П. А. КАРТАЗОВА.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ
О РѢДКИХЪ КНИГАХЪ**

Составилъ П. А. Картазовъ. Цѣна за два вып. 2 р. 50 к. Необходимое справочное изданіе для владѣльцевъ книгъ, бібліотечарей, книгопродавцевъ и собирателей книжныхъ рѣдкостей Перечень провинціальныхъ изданій, изданій мало-извѣстныхъ типографій; относящихся къ Цесаревичу Константину Павловичу (съ портр.) и Императору Юлію Антоновичу.

Рѣдкія книги указанныя Сопиковымъ, Геннади, Остроглазовымъ и др.

Думы и Муки.

Стихотворенія М. В. Картазова. СПБ. 1898. 70 стр.
цѣна **75** коп.

Влюбленный Наполеонъ. Марія Валевская.

Истор. ром Ф. Массона. 2-ое изданіе СПБ. 1898. 100 стр.
цѣна **35** коп.

Царица Савская. Опера въ 4 дѣйствіяхъ. Текстъ Мо-
зенталля, музыка Гольдмарка. СПБ. 1898 г. цѣна **30** к.

Андре Шенье. Опера въ 4 дѣйствіяхъ.

Муз. Джордано. СПБ. 1898 г. цѣна **30** коп.

Выписывающіе отъ издателя:

СПБ. Новодерев. Набережная д. 53.

за пересылку не платятъ.

